ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ

Э..... .....ВА.

I.

Ссыльно-каторжные въ Охотскомъ солеваренномъ заводѣ.

Въ первой четверти текущаго столѣтія, Охотскъ, Камчатка—были географическими терминами, но страны—мало, или почти неизвѣстныя.—Пріѣхавъ въ Охотскъ въ 1818 году, очень натурально, я желалъ обогатить себя познаніемъ края, въ которомъ долженъ былъ служить, а слѣдовательно, и жить нѣсколько лѣтъ.—Знакомство съ физическимъ положеніемъ края я предоставилъ времени, главное—хотѣлось поймать центръ тяжести быта нравственнаго, а для этого я внимательно слушалъ разсказы старыхъ людей, не проронилъ малѣйшихъ подробностей, и, изъ множества разсказовъ о прошломъ, у меня составилось своеобразное понятіе о нравахъ жителей въ настоящее время.—Хотя я былъ морской офицеръ, но, по недостатку служащихъ, приходилось исполнять должности всѣхъ министерствъ безъ разбора. Когда нибудь разскажу вообще о жизни въ томъ краѣ, а теперь коснусь солевареннаго завода.

20 верстъ отъ Охотска на югъ, на берегу моря, былъ солеваренный заводъ; соль вываривалась изъ морской воды, работали на заводѣ ссыльно-каторжные; то были сливки каторжныхъ, почти всѣ высланы изъ Нерчинска и изъ другихъ заводовъ, какъ неисправимые и учинившіе не одно убійство на заводахъ. Объ этихъ артистахъ я болѣе всего наслушался разсказовъ и старался изучать до тонкости въ чемъ состоитъ слабая сторона

этихъ отверженныхъ героевъ. Они—люди, а потому должны имѣть слабости. Мнѣ казалось, я сдѣлалъ вѣрный выводъ изъ тысячи разсказовъ.

Эти варнаки боготворятъ смѣлость. Эти лишенные свободы, вѣчно въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ—за лишеніе свободы по ихъ понятіямъ, готовы убить лишившаго.

Скоро пришлось мнѣ быть въ заводѣ, для какой-то ревизіи. Заводъ построенъ на ровномъ мѣстѣ, насыпанномъ моремъ; близко моря стоятъ варницы, подалѣе домъ управляющаго; между варницами и казармой каторжныхъ—площадь, сажень 100; не далеко и въ линію съ казармами—караульный домъ; унтеръ-офицеръ и человѣкъ 50 матросовъ охраняютъ порядокъ. Далѣе отъ моря, за казармой, около 100 сажень, домиковъ 20, 30, въ которыхъ живутъ каторжные женатые. Сушня для соли, магазинъ, кузница, плотничная и, кажется,—все. Каторжныхъ всегда почти одинаковое число, не болѣе 250 человѣкъ. По другую сторону отъ моря, насыпной берегъ, что принято называть кошка, обмывался безконечными озерами прѣсной воды съ островами—похоже на бывшее русло большой рѣки.

Рано утромъ, я приказалъ приготовить лодку, выбрать трехъ варнаковъ, расковать и назначить въ гребцы: двое въ веслахъ, третій на рулѣ; отправились. Я былъ не плохой стрѣлокъ, разной птицы—великое множество, настрѣлялъ я почти половину лодки. Прогулка наша была молча, гребцы ловки и, видимо, имъ доставляла удовольствіе. Охота увлекла насъ очень далеко отъ завода; въ полдень, я приказалъ пристать къ песчаному островку, на которомъ росла одна ива. Конечно, въ гребцы я могъ взять матросовъ—а молодечество?! я тогда былъ моложе чѣмъ теперь. Чтобы продлить молодечество, я притворился уставшимъ, приказалъ гребцамъ брать птицы сколько хотятъ, развести костеръ и жарить, а самъ подъ ивой легъ спать, завернувшись въ шинель. Не нужно и увѣрять, что я и не думалъ спать. На островкѣ довольно было наноснаго лѣса: запылалъ большой костеръ; гребцы молча принялись щипать перья, жарили птицъ, какъ опытные—видно, были не новички въ бивачной жизни. Птицы жарились воткнутыя на палочки, а каторжники принялись за разговоры. Меня очень интересовалъ разговоръ такихъ субъектовъ, увѣренныхъ, что бесѣда ихъ безъ свидѣтелей. Разговоръ ихъ состоялъ изъ

разсказовъ смѣлаго мошенничества, ловкаго воровства, грабежа на глазахъ трусливой толпы и, съ особеннымъ увлеченіемъ, объ увертливости отъ полиціи и тонкомъ расчетѣ обмана послѣдней. Мои гребцы съѣли громадное количество, преимущественно, жирныхъ утокъ, огромный гусь оказался сырымъ. Ѣли и говорили: въ разсказахъ ихъ на половину лжи, хвастовства; смѣлость, ловкость заслуживали похвалу. Послѣ трапезы, разговоръ обратился ко мнѣ; одинъ говоритъ:

— Вишь ты, какъ спокойно спитъ, по лицу видно—честный.

Другой: Кабы не честный, не заснулъ бы, вѣдь мы варнаки.

Третій: Одно слово сказать—прѣсная душа!

Который-то прибавилъ: «На такого и въ лѣсу не поднялась бы рука»..

Много похвалъ въ такомъ родѣ. Я потянулся, зѣвнулъ, проснулся. Получилъ благодарность, и поѣхали домой. Вздумалось мнѣ спросить:

— Не думаетъ ли кто бѣжать?

Молчатъ.

Я сказалъ, что спрашиваю по секрету. Рулевой отозвался, что если разговоръ по секрету, то почему не сказать правды. Гребецъ Андрюшка, потупивъ глаза, сказалъ тихо: «я хочу бѣжать».

— Когда?

— Завтра.

— Куда?

— Гулять.

— А что ты будешь ѣсть?

— Я еще зимой, когда рубилъ дрова, въ дупло спряталъ: хлѣба, крупы, соли.

— Ребята, вы знаете законъ: пріѣхавши, я долженъ васъ заковать

— Знамо дѣло, сударь, ты закона не перемѣнишь; благодаримъ и за эту милость, что далъ намъ погулять.

— Андрюшка, а какъ же кандалы?

— Кандалы, сударь, царскіе, я ихъ повѣшу на дерево.

— Слушай, ребята, я ничего не слыхалъ и не говорилъ.

— Знамо дѣло, секретъ и долженъ быть секретомъ!

Пріѣхали, гребцовъ заковали.

Андрюшка—это былъ небольшаго роста, но могучаго сложенія; онъ былъ въ числѣ девяти бѣжавшихъ въ Китай, гдѣ они завоевали много деревень и будто разграбили городокъ; противъ нихъ было выслано войско и ихъ взяли въ плѣнъ. Я слышалъ, что китайское правительство признало ихъ за людей особой породы—безъ ноздрей; по требованію выдало въ Иркутскъ, гдѣ дали имъ по 101-му удару кнутомъ и сослали въ Охотскъ. Я засталъ только троихъ. Я могъ бы Андрюшку задержать, но онъ бѣжалъ бы послѣ; я промолчалъ. На другой день утромъ, получаю рапортъ: бѣжалъ Андрюшка. Я сдѣлалъ надлежащее распоряженіе о поимкѣ; поимщики возвратились и принесли кандалы, но Андрюшки и слѣдъ простылъ.

Въ заводѣ было шесть поляковъ, съ которыми никто не знался. Татары, персіяне, нѣмцы и проч.—всѣ составляли одну массу, но всѣ презирали поляковъ. Имѣя частыя дѣла на заводѣ, я изъ поляковъ сдѣлалъ свою тайную полицію. Поляки мнѣ сказали, что сохраненный мною секретъ объ Андрюшкѣ заслужилъ мнѣ большое довѣріе отъ каторжныхъ: говорили, что я «честный человѣкъ» и что со мною можно «дѣло дѣлать, умѣю секретъ держать».

Въ чемъ состояла ихъ страстная любовь къ свободѣ? Они называли лишеніемъ свободы—если не было жалобы, а начальникъ взыскиваетъ. Напримѣръ: урочная работа кончена, до 9-ти часовъ вечера каторжные холостые могли ходить въ домики къ женатымъ. Каторжные тоже люди со страстями и, можетъ быть, сильнѣйшими, чѣмъ мы. У нихъ хранятся до 30-ти игральныхъ картъ, кирпичъ и уголь дополняютъ стершіеся знаки; въ эти карты копѣекъ на 30 идетъ азартная игра съ бо̀льшимъ увлеченіемъ, чѣмъ у насъ на тысячи; между ними есть шуллера, поймаютъ плутовство—драка. Къ грязнымъ, забитымъ и изуродованнымъ судьбою женщинамъ—есть пылающіе страстною любовію; бѣшенная ревность, зависть къ предпочтенію красавицы, порождаетъ частыя драки и часто партія на партію. Иногда я слышу крикъ, гвалтъ, ругательства; но жалобъ нѣтъ, я не замѣчаю. Въ подобномъ случаѣ, попробуй начальникъ, безъ жалобы къ нему, взыскивать за драку—берегись! за лишеніе свободной минуты можетъ поплатиться жизнію, и бывали такіе случаи.

Полиція мнѣ доноситъ, что мужъ поймалъ Левку; соста-

вились партіи за и противъ, драка была отличная и Левкѣ больно досталось. На другой день встрѣчаю Левку на работѣ—лица нѣтъ, весь синій, опухшій. Въ заводѣ законъ: каторжный не имѣетъ права подходить ближе шести шаговъ къ начальнику. Я уничтожилъ этотъ законъ. Встрѣтивъ Левку, караульному приказалъ отойти, спросилъ Левку:

— А что, каналья, досталось тебѣ вчера?

— Ничего, сударь, и имъ хорошо попало.

— Подѣломъ тебѣ!

— Что дѣлать, сударь, дѣло любовное.

— Ну, смотри, я ничего не знаю.

— Дай Богъ здоровья,—и пошелъ причитывать благодарности.

Если дошла до меня жалоба, то, по разборѣ дѣла, можно наказать жестоко и злобы нѣтъ; говорятъ: законъ затѣмъ его и поставилъ,—не доводи до жалобы!

Я говорилъ о казармѣ для холостыхъ, посреди завода. Казарма деревянная, съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ, у оконъ и дверей часовые съ отпущенными тесаками и съ заряженными ружьями. Говорятъ, въ казарму эту никогда и никто не входилъ. Заручившись довѣріемъ каторжныхъ, я рѣшился войти въ львиную яму; за мною вошли шесть ружейныхъ. Простой расчетъ, что ружейные защитить меня не могли: ударъ кандалами по головѣ — моментъ, а потому я скомандовалъ: ружейные вонъ! Большая комната, нары въ два этажа—полны народа. Я былъ въ форменномъ сюртукѣ, въ эполетахъ, но безъ сабли. На возгласъ мой: «здорово, ребята!»—поднялся звонъ кандаловъ отъ пола до потолка. — Страшное собраніе лицъ свирѣпыхъ, искаженныхъ, не нужно быть Лафатеромъ, чтобы на каждомъ лицѣ прочесть: убійца! — Слѣзли со всѣхъ наръ и окружили меня. Я, какъ важный начальникъ, спрашивалъ—нѣтъ ли обидъ? притѣсненій? Потребовалъ пробу обѣда и подошелъ къ нарѣ; нара оказалась полуживая: и ползали и скакали разныя насѣкомыя. Одинъ ловкій варнакъ (бывшій камердинеръ) принесъ двѣ доски и, устраивая сидѣнье, сказалъ:

— «Необразованный народъ, каторжные—какъ есть каторжные! развѣ можно барину сѣсть на нашу нару?—извольте, сударь, присѣсть».

По одиночкѣ этихъ арестантовъ я всѣхъ видалъ, но въ об-

щей массѣ, безъ надзора, эта масса лицъ, исковерканныхъ страстями—дѣлаетъ сильное впечатлѣніе.

Я долженъ сказать, что, по управленію въ Охотскѣ, я былъ слѣдователемъ и я же былъ презусомъ военнаго суда—обвинялъ и назначалъ наказанія за проступки (гражданскаго суда тамъ не было). Къ справедливости варнаковъ должно отнести, я зналъ и даже самъ слышалъ ихъ мнѣніе о себѣ: «онъ невиноватъ, не онъ наказываетъ—законъ, а онъ обязанъ исполнить законъ честно». Говорилось это искренно, безъ малѣйшей злобы.

Передъ визитомъ моимъ въ казарму, за убійство въ этой же казармѣ однимъ каторжнымъ другаго, убійца, по моему приговору, былъ наказанъ кнутомъ. Убійца назывался Иванъ Медянцевъ; онъ былъ 44-хъ лѣтъ, вершковъ 10-ти роста, сухощавъ, очень правильно сложенъ, волосы рыжеватые, замѣчательно силенъ, гибокъ, держалъ себя прямо; хорошо грамотенъ; онъ, изъ ярославскихъ мѣщанъ, за убійство, былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Нерчинскіе рудники, тамъ учинилъ нѣсколько убійствъ и, какъ неисправимый, былъ присланъ въ Охотскъ на солеваренный заводъ. Разговаривая со многими, я увидалъ Медянцева съ библіею въ рукахъ; послѣ совершеннаго убійства, онъ всегда любилъ читать библію. Говоря съ Медянцевымъ, я уговаривалъ его не дѣлать убійствъ; кромѣ наказанія въ будущей жизни, я старался говорить его разуму, внушалъ, что преступленія, могущія быть исправимы, могутъ быть совершены по неразумію, по слабости человѣку свойственной, но, отнявъ жизнь, ни возвратить жизни, ни исправить преступленія — нельзя. Человѣкъ, какъ твореніе Бога — принадлежитъ Ему ;прощено быть ни здѣсь, ни тамъ не можетъ и проч. Медянцевъ со вздохомъ отвѣчалъ мнѣ: «я и самъ не радъ, вы думаете—весело убить человѣка?» —Но ты убиваешь и давно ли убилъ!—«Бываетъ время, что человѣкъ не радъ и самъ себѣ, таково лихо дѣлается, что и на свѣтъ не глядѣлъ бы; на что ни поглядишь, все кажется краснымъ, точно кровь живая; такъ тоскливо, что радъ бы спрятаться куда нибудь; и безъ того человѣкъ самъ не свой, а тутъ еще досадитъ какой нибудь соплякъ и самъ не помнишь, какъ хватишь его кандалами по головѣ, а какъ увидишь, что убилъ—какъ кора какая вдругъ спадетъ съ тебя, тоски не стало, красное изъ глазъ прошло, жаль человѣка, да ничего не подѣлаешь».

Не отъ одного Медянцева я слышалъ въ разное время подобный разсказъ; если не забуду, разскажу, какъ, въ Иркутскѣ, облагодѣтельствованный мною ссыльный чуть не убилъ меня въ подобномъ состояніи. Медянцевъ играетъ нѣкоторую роль въ мою службу въ Охотскомъ краю, а потому разсказъ о немъ будетъ нѣкоторымъ очеркомъ тамошнихъ каторжныхъ.

Какъ Нерчинскъ, такъ и другіе заводы, неисправимыхъ каторжныхъ ссылали въ Охотскъ, такъ и въ Охотскѣ находились нетерпимые и неизлечимые убійцы; была принята мѣра — такихъ ссылать въ Камчатку, гдѣ снимали кандалы, не употребляли на работы и дозволяли жить какъ кому угодно. Я много видѣлъ подобныхъ субъектовъ; они дѣлались тихи, кротки, полюбили труды и жили никому не мѣшая. Каторжные говорили, что 75 верстъ далѣе Камчатки — адъ кромѣшный! Медянцевъ, не взирая на данное мнѣ слово — не убивать, года черезъ три, набросился и чуть не убилъ смотрителя завода. Разумѣется, наказали кнутомъ и назначили къ переселенію въ Камчатку, а до отправленія посадили на цѣпь въ караульномъ домѣ. Медянцевъ и тутъ не унялся; объявляетъ, что онъ желаетъ сообщить важный секретъ. Медянцевъ прижался къ стѣнѣ, смотритель неосторожно подошелъ; Медянцевъ рванулся на цѣпи, махнулъ рукою съ ножомъ и разрѣзалъ шинель смотрителя. Но на такую бездѣлицу не обратили вниманія.

Два брига отправлялись въ Петропавловскую гавань. 1820-го года: отчаянныхъ каторжныхъ набралось много; въ тотъ годъ, почему-то Иркутскъ прислалъ многихъ прямо въ Камчатку. Начальникъ въ Охотскѣ былъ нѣмецъ—предобрѣйшій, прелюбезный; самъ онъ ничего не дѣлалъ, а желалъ, чтобы были всѣ счастливы. Распредѣляя на оба брига каторжныхъ, самыхъ отчаянныхъ назначалъ ко мнѣ—предполагая, что я удивительный храбрецъ, а по правдѣ, командиръ другаго брига былъ уменъ — но весьма не изъ бойкихъ. Начальникъ и не замѣтилъ, какъ назначилъ на мой бригъ болѣе, чѣмъ было у меня команды. Благоразуміе требовало объяснить опасность отъ такого распоряженія—а молодечество, а слава слыть смѣлымъ, да и подумать показаться трусомъ—это нравственная смерть!—Прекрасная вещь молодость—все трынъ-трава! Не нужно бы и говорить, но я скажу, что ко мнѣ попался и Медянцевъ. Доходили до меня косвенные слухи,

что ссыльные шептали — заставить меня идти на теплые острова и проч. Разумѣется, я принялъ возможныя мѣры осторожности; команда у меня была лихая—тоже ссыльные съ другихъ судовъ матросы—грубіяны, драчуны, но это были самые энергическіе матросы: немного умѣнья—и были преданы безъ границъ. Объяснилъ командѣ, какіе будутъ у насъ гости, сдѣлалъ нѣсколько репетицій; у меня было шесть пушекъ.

Явились отчаянные варнаки въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ. Простое соображеніе, что ручные кандалы могутъ служить орудіемъ, а притомъ въ кандалахъ — невозможно работать, праздность и честныхъ людей не доводитъ до добра, а такихъ тревожныхъ, огненныхъ характеровъ—и подавно. Вышедъ изъ порта, верстахъ въ 10-ти, я сталъ на якорь. Пассажировъ моихъ вызвалъ наверхъ, во фронтъ, сказалъ имъ слѣдующій спичъ. Указывая на берегъ, сказалъ: «вы тамъ были виновны и тамъ очистили васъ законы, тамъ Государь, и мы тамъ всѣ повинуемся его законамъ; здѣсь — я государь и, пока вы здѣсь, должны повиноваться моимъ законамъ; когда человѣкъ знаетъ законы, то отъ него зависитъ, исполняя ихъ, не быть виноватымъ. Вотъ вамъ мои законы; кто-бы что ни сдѣлалъ ненамѣренно — Богъ проститъ! Кто же ослушается, оскорбитъ другаго съ намѣреніемъ, тотъ подвергается наказанію кошками (которыя висѣли на яхтѣ) и на двое сутокъ на ванты. За повторенное преступленіе—кошками, въ мѣшокъ и на двое сутокъ повѣсить подъ гальюнъ. Если тотъ же будетъ виновенъ въ третій разъ — кошками, въ мѣшокъ и за бортъ! Слышали? Поняли? Кто не понялъ, спроси меня». Всѣ отвѣчали: слышали, поняли.—«А такъ какъ вы въ моемъ государствѣ не виновны, приказалъ кузнецу расковать всѣхъ, а унтеръ-офицеру — раздѣлить на вахты съ матросами». Сталъ сниматься съ якоря, каторжные были поставлены вертѣть воротъ (шниль), чтобы не запутался навивающійся на шпиль канатъ; одинъ варнакъ былъ посаженъ потравлять канатъ (камфорить). Я стою у шпиля и вижу, при обращеніи шпиля, Медянцевъ ногою ударилъ сидящаго. Зная нравы каторжныхъ, я молчалъ до жалобы. Медянцевъ обошелъ 4 раза кругомъ и всякій разъ ногой ударялъ по сидящему; наконецъ, обиженный сказалъ: «ваше бл—діе, Медянцевъ—все дерется». Жалоба, по понятію каторжныхъ, давала право дѣйствовать начальнику, какъ исполнителю законной власти. Власть

закона для каторжнаго—святыня! Каторжный всю жизнь нарушаетъ законъ сознательно, но попался, уличенъ—онъ покоряется законной карѣ безъ ропота. Получа жалобу, я скомандовалъ: «галъ шпиль! ссыльныхъ во фронтъ!» Судъ короткій, свидѣтели, да Медянцевъ и не отпирался, но оправдывался тѣмъ, что этотъ варнакъ нагрубилъ ему на берегу. Обвиненіе обставлено было такъ, что Медянцевъ долженъ былъ сознать себя виновнымъ, а затѣмъ послѣдовало условленное наказаніе—кошками и на ванты. Съ такимъ отчаяннымъ собраніемъ изъ преступниковъ избранныхъ преступниковъ — снисхожденіе не имѣло мѣста; неуклонная твердость только могла покорить эти буйныя головы. Исполнивъ наказаніе, я снялся съ якоря и пошелъ въ море. Мольбы Медянцева о прощеніи не должны быть услышаны. Часовъ черезъ шесть, Медянцевъ начинаетъ ревѣть: дѣло въ томъ, что въ легкой обуви стоять на тоненькихъ веревочкахъ (выбленки) очень больно; на приказаніе молчать, Медянцевъ продолжалъ кричать; для прекращенія, приказано: наполнить Медянцеву ротъ пенькой, а между зубовъ—палку, которая за концы привязывалась у затылка. Исполнилось двое сутокъ, Медянцевъ освобожденъ; на вопросъ Медянцеву: какое наказаніе слѣдуетъ за второе преступленіе? Медянцевъ долго увѣрялъ, что втораго преступленія не будетъ, но былъ вынужденъ сказать: «кошками, въ мѣшокъ и подъ гальюнъ». Я увѣрилъ его въ неприкосновенности безъ вины, но, исполнивъ первое наказаніе, будетъ исполнено и второе. Прошло съ недѣлю, ночью скрѣпчалъ вѣтеръ до шторма; я скомандовалъ: «ношелъ всѣ наверхъ». Вахтенный унтеръ-офицеръ пошелъ будить всѣхъ подвахтенныхъ, а въ томъ числѣ и Медянцева; съ словомъ «вставай, наверхъ», легонько толкнулъ, чтобъ разбудить. Медянцевъ схватилъ большой драекъ и бросилъ въ унтера, но промахнулся. Должно исполнить второе наказаніе. Изъ старыхъ парусовъ были огромные сухарные мѣшки; я тихонько приказалъ выбрать крѣпкіе и вложить одинъ мѣшокъ въ другой, наверху сдѣлать отверстіе. Въ 8 часовъ получаю рапортъ, выслушалъ жалобу на Медянцева. «Ссыльные наверхъ, во фронтъ! свидѣтели.» Медянцевъ сознался себя виновнымъ. Наказаніе кошками и, никакія мольбы не остановили—въ мѣшокъ и подъ гальюнъ. Мѣшокъ качается отъ качки суда, волненіемъ бьетъ въ мѣшокъ. Медянцевъ не долго стоналъ. Чрезъ двое су-

токъ, Медянцева вытряхнули изъ мѣшка; когда онъ оправился, я опять съ вопросомъ: какое наказаніе за третье преступленіе? и когда сказалъ Медянцевъ, я твердо увѣрилъ его, что, исполнивъ два наказанія, исполню и третье. Можетъ послѣдовать вопросъ: исполнилъ-ли бы я?—Право, не знаю, но можетъ быть—исполнилъ бы. Мое положеніе съ этими отчаянными преступниками требовало самыхъ твердыхъ мѣръ, чтобы убить буйный духъ и страхомъ удержать порядокъ и повиновеніе. Послѣ втораго наказанія Медянцеву, я пробылъ въ морѣ недѣли три; ни одинъ каторжный не былъ наказанъ, поведеніе ихъ заслуживало похвалу; работали усердно, выучили названія снастей, парусовъ—почти сдѣлались матросами и имъ нравилась обязанность матроса; видимо щеголяли другъ передъ другомъ знаніемъ морской терминологіи. Медянцевъ сдѣлался душою команды, много зналъ сказокъ, зналъ наизусть комедію «Мельникъ», мало того, сдѣлался отличнымъ брамсельнымъ. Не одинъ разъ замѣчалъ я, что ссыльные затрогивали его насмѣшками, которыхъ онъ въ другое время не снесъ бы, а тутъ—либо не замѣчалъ, либо смѣялся: всякому своя жизнь дорога!

Сдалъ я каторжныхъ въ Петропавловской гавани, гдѣ они получили полную свободу. Я зимовалъ; встрѣчая Медянцева, всегда получалъ отъ него привѣтствіе—отца и благодѣтеля.

Чтобы ознакомить съ этими исключительными характерами, буду продолжать разсказъ объ Иванѣ Медянцевѣ.

Въ Страстную недѣлю поста Медянцевъ, поздно вечеромъ, явился въ квартиру купца Сахарова; показывая ножъ, просилъ рублей 300 денегъ. Сахаровъ былъ одинъ, сталъ искать свою шкатулку, приблизился къ окну: рама ординарная, затянутая пузыремъ; Сахаровъ съ шкатулкою быстро бросился въ окно, рама вылетѣла и купецъ скрылся въ темнотѣ.

Медянцевъ пришелъ на гауптвахту, бросилъ на столъ ножъ и смѣясь разсказалъ—какой трусъ Сахаровъ, а что онъ хотѣлъ пошутить. Медянцева въ кандалы. Въ Камчаткѣ нѣтъ тюрьмы, нѣтъ суда, нѣтъ палача и нѣтъ орудій для наказанія. Медянцева отправили въ Охотскъ—въ 12 лѣтъ это былъ единственный случай отправленія каторжнаго изъ Камчатки въ Охотскъ. Медянцевъ попалъ на бригъ къ Николаю Вуколовичу Головину; это былъ добраго и кроткаго характера человѣкъ. Медянцевъ скоро смѣ

тилъ и дѣлалъ грубости, не ладилъ со всѣми: командиръ приказалъ приковать его на палубѣ къ борту; лишь-только выходилъ командиръ на палубу, Медянцевъ тысячу говорилъ оскорбленій и говорилъ: «какой ты командиръ, ты баба, вотъ Разумъ (Эразмъ) Ивановичъ—настоящій отецъ, въ обиду не дастъ, а виноватъ, такъ позолота съ серегъ сойдетъ! Это сама правда на землѣ» и проч. Въ Охотскѣ, я же былъ президомъ военнаго суда и 23 кнута было награжденія преступнику. Изъ незамѣтнаго мѣста, я хотѣлъ видѣть наказаніе, при которомъ распоряжался казацкій сотникъ; наказаніе производилось передъ гостинным дворомъ. Послѣ наказанія, Медянцевъ обратился къ купцамъ и прикащикамъ, и сказалъ: «смотрѣть-то вы смотрите, а что-бы дать по пятиткѣ—подлецы, проучу я васъ!»—Я знаками показалъ сотнику, тотъ понялъ, повалилъ Медянцева и хорошо наказалъ его плетьми. Я обошелъ такъ, чтобы встрѣтить Медянцева,—громадный мужчина шелъ пошатываясь, глаза покрыты туманомъ, но, встрѣтя и вглядясь, узналъ меня, упалъ въ ноги, называлъ отцомъ, святымъ человѣкомъ и проч., просилъ поцѣловать руку; я отказалъ и позволилъ поцѣловать ногу и онъ разцѣловалъ обѣ мои ноги.

Разскажу и конецъ о Медянцевѣ.

Я остался зимовать въ Охотскѣ; бывши на заводѣ, я сказалъ Медянцеву: — «уймись! еще сдѣлаешь преступленіе, даю тебѣ слово, что приговорю тебя къ лишенію жизни; ты меня, Иванъ, знаешь, я никогда не измѣнялъ своего слова!»

— «Знаю, батюшка, ты и мухи не обидишь напрасно, но что скажешь, то сдѣлаешь; ты, отецъ—сама правда; буду жить смирно, надобно замолить старые грѣхи».

Какъ я говорилъ, хозяйственная часть завода до мѣстнаго управленія не касалась, завѣдывало заводскимъ хозяйствомъ горное вѣдомство. Часто управлялъ заводомъ какой нибудь штурманъ или кто нибудь изъ классныхъ чиновниковъ при адмиралтействѣ или содержатель при магазинахъ: эти господа, не понимая дѣла, не умѣли и воровать. Прислали смотрителя завода изъ Якутска—надворнаго совѣтника Гуляева; горное вѣдомство въ Иркутскѣ многаго не досчиталось на заводѣ, прислало для ревизіи завода (не помню мудренаго чина горнаго) Ивана Яковлевича Козлова.—Онъ изъ артиллеріи перешелъ въ горные; воспи-

танникъ корпуса, товарищъ Рылѣева, Козловъ былъ очень хорошо образованный и пріятный человѣкъ, былъ недурной поэтъ—печатался. Мы скоро съ нимъ сошлись; пріѣзжая съ завода, онъ обыкновенно по недѣлѣ и болѣе жилъ у меня; за этимъ превосходнымъ человѣкомъ былъ недостатокъ: онъ боялся каторжныхъ; тѣ скоро смекнули и постоянно продѣлывали штуки — стращая его; напримѣръ, онъ на заводѣ жилъ въ караульномъ домѣ на офицерской половинѣ; ссыльные гдѣ-то добыли обломокъ ружейнаго дула, просверлили стѣну и вставили обломокъ дула; на моего Ивана Яковлевича сильно подѣйствовала эта глупая штука. Всякія штуки, будто заговоры противъ него, разные фальшивые доносы—видимо забавляли этихъ бѣшенныхъ людей: боящихся ихъ не только не уважали, а говоря между собой—презирали.

Козловъ много открылъ злоупотребленій на заводѣ. Одинъ разъ, зимою, долго живя у меня, была необходимость ему ѣхать на заводъ. Козловъ выпросилъ у меня отличныхъ моихъ собакъ, съ тѣмъ, чтобы къ вечеру вернуться назадъ. Я согласился дать собакъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ ни слова не говорилъ: услышавъ чужой голосъ—не послушаютъ и вернутся съ дороги; одѣлъ его въ мою кубланку, усадилъ и крикнулъ: ха! Собаки понеслись поворотомъ; моя передовая слушалась условныхъ ударовъ оштола о санки. До завода было 20 верстъ, съ небольшимъ часъ ѣзды. Едва ли прошелъ часъ, вижу, мой Иванъ Яковлевичъ мчится назадъ. Смотрю, Козловъ блѣденъ какъ стѣна! Не вдругъ добился я толку. Исторія вотъ какая: на половинѣ дороги стоитъ домикъ-караулка, въ которой живетъ вольнопропитанный; караулка—для обогрѣванія пѣшеходамъ во время пурги. Козловъ подъѣзжалъ къ этому домику, какъ изъ-за него выступилъ огромный мужчина и замахнулся дубиной. Собаки, по удивительному инстинкту, такъ быстро повернули назадъ, что человѣкъ промахнулся дубиной. По разсказу, я догадывался—ужъ не Медянцевъ ли намѣревался убить. Въ минуту собрался, взялъ съ собою Козлова и въ сумерки былъ на заводѣ. Моя тайная полиція—поляки разсказали мнѣ, что, часу въ 10-мъ утра, Медянцевъ былъ раскованъ, куда-то уходилъ, возвратился часа два назадъ и его опять заковали. Пріѣзжая въ заводъ, я всегда останавливался въ караульномъ домѣ, который раздѣлялся на двѣ половины; направо помѣщалась караульная команда, а налѣво—офицерская по-

ловина; послѣдняя раздѣлялась глухою перегородкою: въ меньшей помѣщался писарь, а большая—для моего пріѣзда. Служебныя дѣла я всю жизнь дѣлалъ серьезно и сколь можно парадно. Козлову объявилъ, что при слѣдствіи быть никто не можетъ. Ивану Яковлевичу очень хотѣлось слышать и видѣть допросъ Медянцеву; онъ просилъ позволить ему поставить кровать по другую сторону перегородки, на которой онъ будетъ лежать смирно; сдѣлалъ щель въ перегородкѣ и улегся. Я приказалъ привести Медянцева. Въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, огромнаго роста, статный мужчина, одѣтъ былъ эффектно: въ черныхъ плисовыхъ широкихъ шаравахъ, въ суконной шитой въ обтяжку курткѣ, съ небольшой черной мерлушковой шапкой въ рукахъ. Ввели Медянцева шесть вооруженныхъ матросовъ. Первое, что я скомандовалъ: ружейные вонъ! Въ переднемъ углу стоялъ большой столъ, выкрашенный зеленой краской, простой стулъ—это мое присутствіе; на столѣ бумага, чернила, перья.

— Здравствуй, Медянцевъ.

— Здравствуйте, батюшка; по какому случаю изволили вспомнить о мнѣ, али по какому старому дѣлу?

— Подойди ко мнѣ, такъ узнаешь.

Послѣ обыкновенной формы — какъ зовутъ и проч., — Ты сегодня былъ раскованъ: по чьему приказанію, и куда ходилъ?

— Какъ, батюшка, и эта малость вамъ извѣстна? кандалы снималъ я самъ и ходилъ на свиданіе къ женкѣ вольнопропитаннаго Бардадыма—верстъ за пять въ лѣсъ; грѣшное дѣло, давно знакомы,—и пошелъ врать.

Я серьезно все записывалъ. Далъ наговориться ему и сказалъ: «Я все знаю и хотѣлъ попробовать, имѣешь ли ты столько храбрости, чтобы сказать всю правду. Ложь нисколько тебѣ не поможетъ; помнишь-ли ты мои послѣднія слова? а ты знаешь, я на вѣтеръ не говорю. Говори или нѣтъ правду, я все знаю и повторю тебѣ, что ты будешь приговоренъ къ казни!»

— Я, батюшка, довольно тебя знаю, даромъ слова не проронишь; ну, а если я признаюсь?

— Ничего тебѣ не поможетъ!

— Такъ помилованія не будетъ?

— Не будетъ, Иванъ!—(слышу за перегородкой движеніе).

— Ну, такъ видно Богу угодно, довольно погрѣшилъ.—Пи-

ши, батюшка, я всю правду скажу: поутру позвалъ меня смотритель, далъ мнѣ большую чашку французской водки и сталъ уговаривать убить пріѣзжаго горнаго чиновника, который сегодня долженъ возвратиться изъ Охотска. Знаете, въ голову попало, я согласился; онъ далъ мнѣ еще чашку водки и обѣщалъ бутылку водки и 10 рублей. За заводомъ приказали снять кандалы, я взялъ дубину и пошелъ къ караулкѣ; недолго ждалъ, баринъ подъѣзжаетъ, я вышелъ и ловко замахнулся; собаки такъ быстро повернули, что я промахнулся. Вернулся въ заводъ, меня заковали. Вотъ вся правда, теперь ты, батюшка, перемѣни строгость на милость.

Медянцевъ подписалъ свое показаніе и спросилъ еще разъ: «чтожъ, батюшка, оставишь мнѣ жизнь замолить грѣхи?»

— Нѣтъ, Иванъ, ты переступилъ мѣру своими преступленіями, я тебѣ прежде сказалъ и теперь исполню (за перегородкой даже стукъ).

Пока я подписывалъ показаніе и дѣлалъ заключеніе, слышу, что-то капаетъ — это слезы Медянцева, крупныя какъ горохъ, капали въ шапку. Видно, всякому своя жизнь дорога! Позвалъ ружейныхъ и сдалъ Медянцева; онъ прощался со мною добродушно.

Пришелъ мой пріятель Козловъ; съ нимъ точно была лихорадка; онъ увѣрялъ меня, что проклялъ минуту, въ которую рѣшился лечь на кровать; съ нимъ дѣлалась дрожь, онъ каждую минуту ожидалъ, что Медянцевъ кандалами хватитъ меня по головѣ. Я увѣрилъ его, что кадета морскаго корпуса не легко ударить: еслибъ Медянцевъ сдѣлалъ только движеніе замаха, какъ лежалъ бы на полу. Слѣдовало сдѣлать допросъ старику смотрителю, но я избралъ другой путь; позвалъ унтеръ-офицера, приказалъ ему разбудить смотрителя и дать прочесть ему показаніе Медянцева, сказать, что посылаю ему секретно. Смотритель прочиталъ два раза, возвратилъ и приказалъ много благодарить меня. Это была уже полночь. Поутру докладываютъ, что смотритель умеръ. Нахожу, на столикѣ около кровати, большая чайная чашка съ остатками порошка на днѣ; небольшая банка, тоже съ остатками бѣлаго порошка; на кровати смотритель съ искаженнымъ немного лицомъ — уже холодный; въ банкѣ оказался мышьякъ. Вскрывать некому, одинъ лекарь въ Охотскѣ — не стоило без-

покоить, безъ церемоніи закопали самоубійцу. Я же былъ и президсомъ военнаго суда, приговорилъ Медянцева къ 35-ти ударамъ кнута, по высочайшему повелѣнію — на вѣчно въ ручные и ножные кандалы, въ мѣдные рудники, на вѣчно приковать къ тачкѣ. Приковать на вѣчно къ тачкѣ—это былъ первый приговоръ; его утвердили. Послѣ, я слышалъ, повторяли этотъ приговоръ.

Былъ я на заводѣ, Медянцевъ закованъ по высочайшему повелѣнію; тогда это понималось, что расковать Медянцева дозволялось только послѣ смерти. Видно, всѣ были сердиты на Медянцева, заковали его очень тѣсно, такъ что, при ходьбѣ, кандалы должны растирать ноги. Медянцевъ издалека поклонился мнѣ въ ноги и сказалъ:

— Видно, батюшка, и у тебя есть сердце, оставилъ мнѣ жизнь, буду молиться за тебя.

Онъ былъ убѣжденъ, что я лишу его жизни.

Въ іюнѣ, я шелъ изъ порта, вижу на рѣкѣ лодка съ человѣкомъ. На лодкѣ: «ало!—ало! Вернись». Это увозили Медянцева; увидавъ меня, не вылѣзъ, а выползъ изъ лодки къ ногамъ моимъ. У этого каторжнаго изъ каторжныхъ лились слезы; молитвы, привѣтствія, видна была непритворная радость, что онъ еще увидалъ меня, просилъ поцѣловать руку, но я позволилъ поцѣловать ногу. Унтеръ-офицеру далъ пять рублей для улучшенія пищи преступнику. Лодка отвалила и, пока я могъ слышать голосъ, я слышалъ молитвы и мое имя.

Въ началѣ, когда я молодечествовалъ съ каторжными на охотѣ и не помѣшалъ бѣжать Андрюшкѣ, пришла осень, стала рѣка, порошилъ снѣгъ; я былъ на гауптвахтѣ, осматривалъ порядокъ; я былъ на плацу, вижу—идетъ изъ-за рѣки человѣкъ, подошелъ и упалъ мнѣ въ ноги; это былъ Андрюшка, зима выгнала его изъ лѣса; Андрюшка, лежа у ногъ, говорилъ много благодарностей.

— Андрюшка, вѣдь тебя будутъ наказывать.

— Эхъ, батюшка, на то есть законъ, я противъ закона нейду; но за твое здоровье и въ лѣсу Бога молилъ, что ты такъ честно поступилъ и не помѣшалъ уйти.

Э.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Г. редакторъ Михаилъ Ивановичъ! Если годится—напечатайте, не годится—бросьте. Если годится и вы пожелаете продолженія, то напишите, я найду свободное время и могу разсказать вамъ нѣсколько эпизодовъ изъ быта каторжныхъ изъ каторжныхъ и моихъ столкновеній съ ними. Вѣдь въ томъ краю я прожилъ 12 лѣтъ—чего ни случалось! Я хотѣлъ подражать формою разсказа Ѳ. М. Достоевскому, но гдѣ нашему брату рядовому подражать столь даровитому генералу отъ литературы! при томъ же онъ былъ а я — каратель, — взгляды разные! Минуло 60 лѣтъ; взявшись за карандашъ, отразились въ памяти не только подробности тогдашней жизни, даже имена участниковъ происшествій. Читая, вы спросите—сколько же мнѣ теперь лѣтъ? — да, зажился-таки и вотъ дожилъ, что не могу писать перомъ — карандашомъ еще кой-какъ. Я давно вашъ подписчикъ, вы вѣрно и не подозрѣваете, что я сердитъ на васъ. Вы помѣщали «Записки Ивана Степановича Жиркевича» и остановились на самомъ любопытномъ для меня времени. Онъ былъ губернаторомъ въ Симбирскѣ, я былъ тамъ на службѣ; я вполнѣ почиталъ этого честнѣйшаго человѣка, мы были очень дружны. Порокъ неисправимый губилъ Ивана Степановича—онъ былъ слишкомъ прямъ и чрезъ мѣру горячъ когда видѣлъ нечестное дѣло. Я имѣлъ возможность и отстаивалъ его, но всетаки онъ не могъ оставаться въ Симбирскѣ, но оставилъ съ честію, надѣлъ военный генералъ-маіора мундиръ и сдѣланъ губернаторомъ въ Витебскѣ, чему я былъ очень радъ. Нетерпѣливо ждалъ, что «Русская Старина» напечатаетъ, а я пополню то, что по скромности не разскажетъ Иванъ Степановичъ [1]). Вы обѣщали напечатать «Записки Михаила Бестужева», но, вѣроятно, не напечатали—по независящимъ отъ васъ обстоятельствамъ [2]). Миша Бестужевъ былъ корпусный мой товарищъ; гардемаринами, мы дрались на дуэли — на рапирахъ. Я всѣхъ видѣлъ въ Читѣ въ 1831-мъ году, видѣлъ ихъ..... Хотите, я кой-что разскажу вамъ о Сперанскомъ въ Иркутскѣ 1818-го года? Съ Г. С. Батенковымъ я тогда былъ очень друженъ. Я былъ дѣйствующимъ лицомъ въ 1832-мъ году, когда архіепископъ бунтовалъ противъ генералъ-губернатора Лавинскаго. Но объ этомъ, кажется, рано еще говорить. Я былъ тогда начальникомъ адмиралтейства въ Иркутскѣ.....

Съ уваженіемъ и преданностію Э..... .....въ.

2-го февраля 1878 года.

---

[1]) Продолженіе Записокъ Ивана Степановича Жиркевича будетъ напечатано въ XXII-мъ и XXIII томахъ «Русской Старины», (№7, іюль и №9, сентябрь 1878 г).

[2]) Продолженіе Записокъ М. А. Бестужева будетъ напечатано въ «Русской Старинѣ» (Отрывки были помѣщены въ «Русской Старинѣ» 1870 г., изданіе третье, томъ I, стр. 258—279 и томъ II, стр. 231—250. Ред.

ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ

Э..... .....ВА.

II [1])

Ссыльно-каторжные въ Охотскѣ.

Я началъ разсказъ о каторжныхъ на солеваренномъ заводѣ въ Охотскѣ, сдѣлалъ поверхностный очеркъ заводу, вмѣсто подробностей о жизни каторжныхъ, я увлекся біографіей Ивана Мединцева.

Солеваренный заводъ въ Охотскѣ имѣлъ каторжныхъ отъ 250 до 300 человѣкъ; хотя это всѣ отверженные преступники, но они люди, между ними много разнообразныхъ характеровъ, разныхъ наклонностей, были свирѣпѣе Мединцева и были тихіе, добрые, покорные судьбѣ. Разскажу о нѣкоторыхъ личностяхъ по необходимости съ моимъ участіемъ, разскажу съ цѣлью выяснить общій характеръ этихъ гражданскихъ покойниковъ. Вотъ припомнился никѣмъ неразсказанный фактъ: каторжные за вѣру.

Еще лѣтомъ мы получили извѣстіе, что къ намъ, въ каторжную работу, посылаются пять человѣкъ, называющихъ себя одинъ Христомъ, а четыре Евангелистами. Всѣ пятеро нераскаянные богохульники, весьма вредны, требуютъ особеннаго надзора.— Изъ флотскихъ офицеровъ, я одинъ оставался при портѣ и, какъ уже говорилъ, былъ исполнителемъ по всѣмъ министерствамъ безъ исключенія.—Октябрь. Начались морозы; являются только четверо; конвойные и каторжные объяснили, что Христосъ умеръ на семи хребтахъ (яблоновой хребетъ).—Начальникомъ въ Охот-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г. томъ XXII, стр. 301—316.

скѣ былъ У....., человѣкъ злой, недоброжелательный, не любимъ всѣми безъ исключенія, къ этому, былъ дурной офицеръ—какъ морякъ, служба его прошла въ Астрахани. Онъ былъ малороссіянинъ, должно быть началъ ученіе въ какой нибудь бурсѣ, любилъ говорить о Богословіи. Начальникъ думалъ диспутировать съ апостолами, но это были такіе начетчики, что скоро поставили его втупикъ, начальникъ разсердился и постращалъ к о б ы л о й! но не на трусовъ напалъ, они отвѣчали:

— «Ну, чтожъ, вмѣсто креста, будемъ носить кобылу и молиться ей».

Я посовѣтовалъ, предоставить протопопу и священнику вразумить ихъ. Пришли священники, каторжные сказали имъ:

«Не срамитесь, ваши владыки отошли со срамомъ».

Дѣйствительно священники не сбили ихъ, а они такъ и сыпятъ текстами изъ всего Священнаго писанія. Священники, находя закоснѣлость и извращенное изувѣрство, отказались. Я только слушалъ—бо не разуменъ бысть, но старался понять этихъ фанатиковъ—по своему. Я сообразилъ, что если эти закоснѣлые изувѣры попадутъ на заводъ, то легко увлекутъ нѣкоторыхъ въ свою секту. Я попросилъ начальника отдать ихъ пока мнѣ. Была отдѣльная казарма парусная и такелажная; въ это время стояла она пустая. Я приказалъ къ казармѣ принести дровъ, а въ казарму муки и что нужно для печенія хлѣба и помѣстилъ тамъ апостоловъ. Навѣщая ихъ, я не говорилъ ни одного слова. Ночью былъ порядочный морозъ; по утру арестанты жаловались, что имъ холодно. Я сказалъ, что на дворѣ есть дрова и топоръ, могутъ топить печь. Я не упомянулъ, что я долго и подробно распрашивалъ конвойныхъ объ этихъ изувѣрахъ и удостовѣрился, что всякій тѣлесный трудъ, они считаютъ грѣхомъ для себя, потому что они призваны молиться за весь міръ православный и ни разу не принесли полѣна и не сходили заводой—исполняли это конвойные. Это упорство я и взялъ въ основаніе съ цѣлью побѣдить ихъ. Прошло три дня и холодно и голодно. На просьбу ихъ приказать истопить, испечь хлѣбъ и принести воды, я спросилъ: а почему вы сами не истопите печи и не сходите за водой?—Отвѣчали!

— «Не подобаетъ двумъ господамъ работать, мы работаемъ Богу».

— Хорошо, пусть Богъ согрѣетъ и накормитъ васъ.

Упрашивали меня поговорить съ ними, побесѣдовать, я отвѣчалъ: «куда мнѣ, я человѣкъ неученой, сѣмя вашей мудрости упадетъ на камень». Принимались стращать меня отвѣтомъ Богу, обѣщали въ будущей жизни рай и проч..... Четыре дня терпѣли, я рѣшился выдержать молча. На пятый—молили, стращали, просили наказать ихъ за ослушаніе и наконецъ заплакали, сокрушаясь, что Господь оставилъ ихъ и въ видѣніи, повелѣлъ покориться. Принялись за дрова, принесли воды, испекли лепешки и бросили дурь. Чтобы не остыло рѣшеніе, я въ тотъ же день употребилъ ихъ на работу при портѣ, пошли и работали. Пропала ихъ святость!

А то спрашиваю, отъ чего ты называешься Іоаннъ Богословъ? Отвѣчаетъ:

— «Я Иванъ и Бога славлю».

Ну и толкуй съ нимъ!

Въ 1837 году, пріѣхавъ на службу въ Кіевъ, я нашелъ многихъ, которые разсказали мнѣ, что въ 1815 или 1816 году, въ Кіевской тюрьмѣ содержался христосъ, около него были апостолы, ученики; христосъ творилъ чудеса—исцѣлялъ больныхъ, предсказывалъ. Одну старушку, изъ купчихъ, я видѣлъ исцѣленною и она продолжала вѣрить. Въ тюрьму много сходилось народу, несли приношенія; христосъ сидѣлъ обставленный зажженными восковыми церковными свѣчами. Тогда митрополитомъ былъ ученѣйшій Евгеній; онъ посылалъ богослововъ вразумить, наконецъ приказалъ привести къ себѣ и не убѣдилъ этихъ начетчиковъ. Сдѣлалась слишкомъ гласна эта исторія, ихъ сослали въ каторжную работу. По губернскимъ городамъ, они упорно выдерживали диспутъ съ архіереями. Всѣ заводы боялись этой язвы и сослали ихъ въ ссылку, куда ссылались изъ каторжной уже работы. Кто же былъ христосъ?—Это былъ пожилой дьячекъ, сдѣлавшій какое-то преступленіе онъ-то и подобралъ въ тюрьмѣ грамотныхъ и ловкихъ арестантовъ. Мнѣ удалось вылечить ихъ. Наказаніе могло бы испортить все дѣло, это я и тогда понималъ. Послѣ, это были смирные и кроткіе люди.

Какихъ націй, какихъ народовъ не было на заводѣ! Чтобы незабыть, разскажу, по какому случаю я узналъ разнообразіе этого сброда.

Черезъ Охотскъ, отправлялся въ Ситху Фердинандъ Врангель правителемъ въ Американскую русскую компанію. Врангель вышелъ изъ корпуса однимъ годомъ раньше меня, а лѣтами я былъ старше его. Врангель—капитанъ 1-го ранга, увѣшанъ орденами, а я—лейтенантъ. Мы и въ корпусѣ были довольно дружны. Увидѣвъ меня лейтенантомъ и безъ орденовъ, онъ руками схлопнулъ—ты только лейтенантъ! Какъ бывшему товарищу, я далъ ему обѣдъ. Во время веселаго обѣда нашла небольшая дождевая тучка, гдѣ то не большой ударъ грома, Врангель помертвѣлъ; ѣхавшій съ нимъ докторъ—Врангеля въ постель, мѣшки съ горячимъ пескомъ, Врангель видимо страдалъ, но когда онъ успокоился, я безжалостно надъ нимъ пошутилъ;

— Ну, за то у тебя чины и кресты!

Онъ сердито отвѣчалъ: «возьми все, а мнѣ отдай свое здоровье».

Врангель получилъ страшныя ревматизмы, ѣздивъ къ Ледовитому океану.

Хотѣлъ я говорить о докторѣ, пріѣхавшемъ съ Врангелемъ, да и заговорился—болѣзнь стариковъ!—Докторъ Беневскій, болѣе съ азіатской физіономіей, чѣмъ русской, по русски говорилъ отличнымъ книжнымъ языкомъ—очень щеголевато, чисто, безъ малѣйшаго затрудненія. Ученость его по всѣмъ отдѣламъ наукъ была изумительна! Это—ходячая энциклопедія! Замѣтивъ, что докторъ безъ затрудненія говоритъ на разныхъ языкахъ, я спросилъ его: вѣроятно онъ много путешествовалъ и много знаетъ языковъ? онъ отвѣчалъ—много и тутъ какимъ-то метромъ сказалъ не понятное и перевелъ.

— Это на какомъ-же діалектѣ?

— «На арабскомъ».

— Такъ вы и азіатскіе языки знаете?

— «Знаю».

Подумалъ я, надуваетъ докторъ меня невѣжу! Я захотѣлъ сдѣлать ему экзаменъ и пристыдить хвастуна. Приказалъ на солеваренномъ заводѣ отобрать сколько найдется разныхъ національностей. Доктора заинтересовавъ нашимъ заводомъ, я предложилъ ему прокатиться на катерѣ. Докторъ съ радостію согласился. Пріѣхали на заводъ; на площади, во фронтѣ стояло человѣкъ 18 или 20; я подвелъ Беневскаго и предложилъ ему поговорить.

Не сконфузясь, спросилъ перваго, какой націи?—Персіанинъ.—Изъ какой провинціи?—Изъ Мендезерана (это помню). Беневскій заговорилъ по персидски, сказалъ нѣсколько поговорокъ и запѣлъ пѣсню тамъ народную. У персіанина загорѣлись глаза и онъ послѣ увѣрялъ, что Беневскій его землякъ. Слѣдующій былъ армянинъ; докторъ и съ нимъ продѣлалъ тоже. Съ старикомъ изъ Аравіи, онъ говорилъ много и даже стихами. Съ евреями—былъ еврей. Полякамъ пропѣлъ мазурочку и тѣ хохотали,—нѣмецъ, испанецъ—словомъ сказать прошелъ весь фронтъ и не затруднился ни одного раза! Это чуть ли не посильнѣе Мецофанти! Вмѣсто того, чтобы пристыдить его, я внутренно чувствовалъ себя пристыженнымъ и только изумлялся. Осматривая заводъ, онъ нашелъ устройство не современнымъ и онъ былъ правъ. Научилъ пользоваться морозомъ въ плоскихъ резервуарахъ и подготовлять сгущенный разсолъ. Училъ очищенію—но его не поняли, толковалъ—о магнезіи, глауберовой соли, содѣ и о многомъ, но некому было понимать его.

Чтобы кончить съ Беневскимъ, скажу, что черезъ два года я слышалъ разсказъ, какъ онъ въ одну ночь сошелъ съума и вдругъ заговорилъ на всѣхъ языкахъ—его никто не понималъ—настоящее столпотвореніе: на разныхъ языкахъ по одному слову! Беневскаго отправили кругомъ свѣта на кораблѣ изъ Ситхи. Теперь, хорошо ознакомясь съ евреями и припомнивъ, я увѣренъ, что докторъ Беневскій—еврей изъ Варшавы или Вильны.

Не смотря на разноплеменность каторжныхъ, въ общей массѣ трудно было замѣтить, только отдѣлялись рѣзко поляки, ихъ было сначала 6-ть, потомъ 9-ть человѣкъ. Поляковъ постоянно чуждались всѣ каторжные на заводѣ, презирали ихъ, полякъ могъ быть самъ виноватъ, но вмѣстѣ съ другими—никогда: поляка не примутъ ни въ какую затѣю. Работа для нихъ была тяжела, потому что они не умѣли приладиться. Не помню, я ли понялъ ихъ, или они вразумили меня, что они могутъ быть моею тайною полиціею, т. е. доносчиками. Дѣйствительно, къ этому они были весьма способны и за то, часто получали облегченіе въ работѣ. Но сношенія съ ними были постоянно такъ скрытны, что ихъ никто и неподозрѣвалъ; узнай каторжные—только бы они и жили! Поляки вообще были смирны, иногда и ругнутъ

ихъ за то, что не успѣваютъ кончить урока и тѣмъ задерживаютъ другихъ, но поляки отдѣлывались молчаніемъ. Одного ножилаго, всѣ звали «губернаторомъ»; я полюбопытствовалъ—Раковскій (кажется помню), подъ именемъ губернатора, объѣхалъ всѣ уѣздные города Смоленской губерніи и изъ всѣхъ казначействъ, при повѣркѣ забралъ деньги, попался на послѣднемъ пограничномъ съ Бѣлоруссіею городѣ и усвоилъ себѣ прозвище «губернатора».

Самые тихіе, всегда послушные. можно назвать вполнѣ нравственные каторжные, были дѣлатели фальшивыхъ ассигнацій; ихъ было сначала 6-ть потомъ 8-мь человѣкъ. Ссылка ихъ въ Охотскъ, вѣроятно была изъ опасенія, чтобы на другихъ заводахъ, они не устроили бы новыхъ фабрикъ: въ Охотскѣ и нельзя, да и сбыта не могло быть. Вѣроятно, ссылались въ Охотскъ лучшіе искусники заправляющіе «фабрикой».—Я всегда жалѣлъ этихъ скромныхъ людей, на нихъ замѣтенъ былъ нѣкоторый лоскъ. Чтобы облегчить ихъ участь, когда зимовалъ въ Охотскѣ, то по два, по три «монетчика» бралъ къ себѣ и поручалъ имъ разрисовывать комнаты. Нѣкоторые изъ нихъ, были замѣчательные рисовщики. Помню, разъ, въ пустой комнатѣ нарисовали полную мебель и съ такимъ знаніемъ свѣта и тѣни, такъ рельефно, что пріѣхавшій ко мнѣ правитель Американской компаніи Ланже, будучи самъ хорошимъ рисовальщикомъ, сѣлъ на нарисованный диванъ и очутился на полу. Бывало лежу на диванѣ и слушаю откровенный разсказъ ихъ—тамъ все начистоту, секретовъ о прошломъ не существуетъ! Какая была привольная жизнь, денегъ много, за деньги все!

Куда же вы сбывали свою работу?

— «Продавали на вѣсъ, охотниковъ много» и говорили кому сбывали, но я забылъ.

Замѣчательно одно, всѣ попались по доносу любовницъ изъ ревности—исключенія не было! Разсказывая, вспоминали съ наслажденіемъ о времени пребыванія въ острогѣ; говорили, что еслибъ человѣкъ захотѣлъ птичьяго молока—и то явилось бы. Бывало, утромъ пройдетъ по острогу начальство—кандалы долой, бѣлье батистовое, фракъ, сюртукъ съ иголочки перваго мастера, шинель или шуба—генералу не стыдно, у воротъ коляска съ лакеемъ и вся Москва покорна! Театры, концерты—все открыто!

денегъ не нужно—за все заплочено! Понятно, купцы удовлетворяли, чтобы не быть замѣченными.

Въ 1833 году въ Москвѣ я пилъ чай у одного богача-купца и разсказывая про неизвѣстную страну, упомянулъ имя и фамилію одного фабриканта ассигнацій и что онъ разсказалъ мнѣ, кому сбывалъ свой товаръ; надобно было видѣть, какъ поблѣднѣлъ купецъ! но я назвалъ другаго купца—а этого купца фамилію тоже забылъ—плоха стариковская память.

Получено извѣстіе, что ссылается въ заводъ бывшій Тамбовскій помѣщикъ Алмазовъ за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій. Вещь обыкновенная въ той сторонѣ, но всѣ обратили вниманіе, когда случайно узнали, что въ заводѣ находится бывшій его камердинеръ, сосланный имъ напрасно. Послѣ объяснилось такъ: помѣщикъ дѣлалъ ассигнаціи въ бесѣдкѣ сада, въ которую никто не входилъ. Однажды, помѣщикъ подмѣтилъ, что камердинеръ былъ въ бесѣдкѣ и все видѣлъ. Боясь доноса, силою денегъ, камердинера сослалъ въ каторжную работу и почему-то онъ попалъ въ нашъ солеваренный заводъ, хотя былъ всегда кротокъ и послушенъ. Всѣхъ интересовало, не отплатитъ ли теперь невинный камердинеръ своему барину—судьба сравняла обоихъ! Пришелъ бывшій помѣщикъ—еще не старый, худенькій, тощій, безсильный. При встрѣчѣ барина съ камердинеромъ я не былъ, но—говорятъ — камердинеръ, увидавъ барина, горько заплакалъ. Я слышалъ и самъ видѣлъ, что камердинеръ былъ почтителенъ къ бывшему барину, послѣдній по безсилію не успѣвалъ окончить урокъ работы, камердинеръ помогалъ ему, починивалъ барину платье, обувь. Это всѣхъ тронуло въ пользу камердинера. Скоро смотритель завода донесъ, что Алмазовъ совершенно не способенъ къ работѣ и болѣзненъ. Алмазова перевели въ Охотскъ и поручили ему подметать канцелярію и присутствіе и что-то еще не тяжелое. Алмазовъ скоро устроился, надѣлалъ куколъ, сочинялъ, и иногда удачно, разныя комедіи, что-то вставлялъ себѣ въ ротъ, вечеромъ ходилъ по домамъ и куклами разыгрывалъ свои піесы; нельзя было не замѣтить, что комедіи его всегда были расчитаны на вкусъ слушателей: у матросъ въ казармѣ—чортъ судилъ Іуду и глоталъ его, русскій матросъ дерется съ англичаниномъ и непремѣнно прибьетъ его, насмѣшки надъ полиціей и проч. У молодаго чиновника—любовная

сцена, похищеніе. Купцу—богатство, почести. Алмазовъ дѣйствительно былъ способенъ и находчивъ—вошелъ въ славу.

По представленію смотрителя завода за отличное усердіе и за безпорочное поведеніе, испрошено было камердинеру увольненіе изъ завода на «вольное пропитаніе», а какъ онъ былъ холостъ, то назначили его въ одну изъ караулокъ, а барина его—помощникомъ ему. Баринъ продолжалъ сочинять новыя комедіи и заработывалъ маленькія деньги.

Прежде постоянно, а при мнѣ не всякій годъ, составлялись на заводѣ шайки и бѣжали на дорогу отъ Якутска въ Охотскъ, грабили купеческіе товары и иногда тиранили непокорныхъ прикащиковъ. Я засталъ еще знаменитость въ этомъ родѣ—Карцева; онъ былъ изъ поручиковъ гвардіи; я засталъ его уже очень старымъ—лѣтъ за 70-ть; то былъ громаднаго роста, когда то могучій, но еще не сгорбленный старецъ, онъ былъ извѣстенъ въ краѣ подъ именемъ «атамана». При мнѣ онъ уже не бѣгалъ, но прежде—всякій годъ господствовалъ на семи хребтахъ. О немъ извѣстный разсказъ:

Лейтенанты Хвостовъ и Давыдовъ, служившіе въ Американской компаніи, за какое-то оскорбленіе, на двухъ маленькихъ судахъ, напали на Японскій городъ, кажется Хакодаке, и ограбили его. Японскія пушки, я самъ еще видѣлъ. Начальникъ Охотска, капитанъ 1-го ранга Бухаринъ, арестовалъ молодцевъ, но это были друзья и анекдотическіе хваты; они бѣжали изъ подъ ареста, лошадей легко было достать, но безъ всякой провизіи. Увидали на пути, на горѣ палатку и обрадовались; съ ними былъ якутъ, тотъ перепугался, зная, что это разбойники. Это была шайка Карцева. Какъ только увидалъ Карцевъ Хвостова, съ полнымъ почтеніемъ отнесся:

— «Батюшка, Николай Александровичъ, какими судьбами?»

Хвостовъ разсказалъ въ чемъ нуждается. Карцевъ снабдилъ Хвостова всѣмъ съ избыткомъ. Пока хлопоталъ Карцевъ объ угощеніи Хвостова, къ послѣднему подошелъ одинъ изъ разбойниковъ; любуясь пистолетами, хотѣлъ взять, но Хвостовъ хорошо оттолкнулъ его; разбойникъ злобно подошелъ къ Хвостову и говорилъ, что «здѣсь не въ портѣ!» и похлопалъ по плечу Хво-

стова. Въ эту минуту вышелъ Карцевъ и узнавъ въ чемъ дѣло, сказалъ начальнически:

— «Варнакъ, ты забылъ, что это государевъ лейтенантъ; какъ ты смѣлъ дотронуться»,—и съ этимъ словомъ пистолетный выстрѣлъ положилъ на мѣстѣ варнака—и никто ни слова не промолвилъ.

«Этотъ замѣчательный случай подтвердилъ мнѣ самъ Карцевъ».

Спрашиваю, разскажи, какъ же ты грабилъ?

— «Я никогда не грабилъ; вижу идетъ транспортъ вьюковъ съ купеческими товарами; я отъ прикащика требую накладную и по накладной выбираю, что мнѣ нужно».

— Ну, а если прикащикъ не дастъ накладной?

— «Ну, какъ не дастъ, по неволѣ дастъ! Купца жаль, если мы расшвыряемъ весь товаръ».

— Велики у тебя были шайки?

— «Никогда болѣе пяти, мало дѣльныхъ и такихъ, чтобы были въ одну душу. Я—атаманомъ, эсаулъ—мнѣ подручный и трое рядовыхъ, на что больше!»

Пришелъ я съ моря въ концѣ іюня, смотрю, мой милый начальникъ нѣмецъ въ тревогѣ. Узнаю, какія-то канальи, вечеромъ являются за рѣкою, всѣ видятъ, что они болѣе сажени ростомъ (на ходуляхъ) и стрѣляютъ. Я—на солеваренный заводъ. Моя полиція сообщила мнѣ, что изъ завода бѣжало пятеро; атаманомъ Алексѣй Ивановъ, который по другимъ заводамъ и здѣсь, наказанъ кнутомъ 18-ть разъ и всѣмъ извѣстно, что онъ знаетъ заговоры отъ пуль и проч. Возвратясь, нарядилъ изъ своей команды бойкихъ 10-ть человѣкъ, начальникомъ назначилъ приготовленнаго мною ученика въ родѣ помощника, всякому—лошадь и ружья съ боевыми патронами. Бѣглые вѣрно имѣли сношенія съ портомъ; съ этого вечера пропали. Обѣдаю у начальника, докладываютъ—возвратились посланные.

— Привели бѣглыхъ?

— «Нѣтъ».

Загорѣлось мое молодое сердце, на половинѣ бросилъ обѣдъ. Узнаю: посланная команда застала бѣглыхъ спящими въ кедровникѣ; команда была растянувшись; разбойники проснулись и бѣ-

жали на глазахъ матросовъ и никто не выстрѣлилъ, шептали, что «напрасно стрѣлять, пуля пожалуй прилетитъ назадъ, извѣстно, Алексѣй Ивановъ знаетъ заговоръ и не разъ доказывалъ, бросая пулю назадъ, когда въ него стрѣляли». Дураки! Мнѣ было болѣе стыдно, чѣмъ досадно.

Я взялъ унтеръ-офицера Шкулева, матросовъ: — Хоботова, Полуектова, Гагарина и Яковлева — всѣ были хорошіе стрѣлки; на каждаго и себѣ — по двѣ лошади; двухъ якутовъ — проводниками. Самъ я безъ сабли и безъ пистолета — хвастунъ былъ. Хоботовъ указалъ мѣсто, гдѣ спали бѣглые, для якутовъ этого было довольно; лучше всякой гончей — якутъ не потеряетъ слѣда. Выѣхали мы на рѣку Уракъ, верстъ 75-ть отъ Охотска—лѣса первобытные, не была и нога человѣка. Погода долго была ясная, каменное дно рѣки отъ берега отсохло; бѣглые, чтобы скрыть слѣды, шли по камнямъ, но якуты чуяли слѣдъ и разъ показали мнѣ кровь на камнѣ. Находили горѣвшіе сучья, не успѣли потушить завидя насъ.

Меня удивляли якуты; ѣдемъ между кустами, якуты говорятъ: «тутъ пробѣжала лисица, тутъ волкъ, а тутъ прошелъ медвѣдь» — для насъ малѣйшаго знака не было! Но я добился у якутовъ, почему они это знаютъ? Они указали мнѣ цвѣтокъ бѣленькій, въ кошелькѣ, который отъ прикосновенія отваливается. Съ какой высоты отвалился цвѣтокъ, они заключаютъ о ростѣ прошедшаго тутъ звѣря.

Подумалъ я, чтобы не было со мною того же, что съ моимъ ученикомъ. Матросы вѣрятъ въ заговоры, а съ вѣрою шутить нельзя! Признаки близости бѣглыхъ увеличивались, я остановилъ свою команду и объявилъ, что мнѣ извѣстно—Алексѣй Ивановъ знаетъ заговоръ отъ пуль, какая же польза стрѣлять въ него?

Отвѣчали: «точно такъ-съ»!

— «Ну—видно Богъ посылаетъ ему конецъ, не поѣхалъ бы и я безъ вѣрной надежды—дѣло въ томъ, что въ нашемъ родѣ сохраняется секретно отговоръ. Сообщить вамъ, я не имѣю права, но мнѣ дано право подъ клятвою сообщить одному. Шкулевъ, поди ко мнѣ и поклянись, что ни кому не скажешь». Шкулевъ, чистосердечно поклялся. «Давай ружье, заряжай порохомъ и пыжемъ, давай пулю!» — грѣшный человѣкъ, думаю, какъ-бы по ловчѣе солгать. — «Становись на востокъ, бери пулю и крестомъ на

дуло говори: «царь Іудеи, Іисусъ Назареви,» обведи по дулу по солнцу, повтори три раза и заряжай». Сильно сбивался Шкулевъ, выговаривая надпись на крестѣ, но я имѣлъ терпѣніе наблюсти, чтобы всѣ ружья были заряжены безъ ошибки. Команда вѣрила въ меня, какъ католикъ въ непогрѣшимость папы. Надобно было видѣть, отъ куда взялся куражъ! гдѣ нибудь пошевелится кустъ, уже матросъ тамъ, хочется попробовать отговоръ! Вѣра, могучая нравственная сила!

Уже два съ половиною дня мы гнались по слѣду за бѣглыми, все по рѣкѣ Ураку противъ теченія; по примѣтамъ Якутовъ, завтра догонимъ бѣглыхъ. Удивительно, какъ скоро и какіе большіе переходы дѣлали бѣглые, мы на перемѣнныхъ лошадяхъ не могли догнать ихъ! Рѣка давно ушла въ горы, которыя уже два дня были въ облакахъ, должно быть шли тамъ дожди. Поздній вечеръ, мы выбрали близкой къ берегу островъ съ превосходною травою. Караулъ по очереди, а остальные спали. Ночью будитъ меня Якутъ.

— Что?

— «Бу тоёнъ, рѣка дуритъ, спасаться надо—слышишь?»

Слышу, какой-то громъ по рѣкѣ, еще нѣсколько минутъ—во все русло рѣки идетъ вертикальною стѣною масса воды и въ ней крутятся множество бревенъ, пней, а громъ происходитъ отъ катящихся по дну камней. Въ одну минуту островъ, соединяющійся сухою протокою съ берегомъ, окруженъ водою; переѣзжая на берегъ, лошади уже плыли. Ударилъ проливной дождь. По утру мы увидѣли себя на сухой вершинѣ холма, по сторонамъ—долины полныя воды. Погоня наша за бѣглыми прекратилась. Но я былъ не изъ тѣхъ людей, чтобы отказаться отъ предпріятія, если была еще малѣйшая возможность, хотя воображаемая. Слушая разсказы бывалыхъ «атамановъ», я изучилъ ихъ тактику. Если бѣглые чуяли за собою погоню, тогда они употребляли всѣ силы достичь рѣки Алдана прежде погони и если успѣвали упредить однимъ часомъ, тогда они спасены.

Рѣка Алданъ отъ Охотска къ Якутску верстахъ въ 250-ти, течетъ поперегъ пути, рѣка очень глубока и широка. На берегу со стороны Охотска построенъ домикъ — караулка, въ ней постоянно живетъ «вольнопропитанный». Охотское адмиралтейство построило надежную большую лодку. Изъ Якутска въ Охотскъ—

казенныхъ, компанійскихъ и частныхъ грузовъ проходило въ лѣто на осьмнадцати тысячахъ вьючныхъ лошадяхъ. Транспорты, подъѣзжая къ Алдану, кричатъ перевощику и тотъ переправляетъ лодку на другой берегъ; пришедшіе въюки грузятъ на лодку и перевозятъ сами, а лошади переплываютъ; лодка всегда находится при караулкѣ. Бѣглые, дойдя до Алдана прежде погони, переѣзжаютъ въ лодкѣ черезъ рѣку, лодку выталкиваютъ на тотъ берегъ и смѣются надъ опоздавшей погоней. Погоня прекращается и бѣглые свободны.

Эту тактику я принялъ въ соображеніе, но гдѣ я? гдѣ Алданъ? далеко-ли?—рѣшительно ничего не зналъ! Даже не умѣлъ бы возвратиться въ Охотскъ, видя всѣ долины залитыя водою. Якуты, конечно, знали Алданъ, но знали по пути изъ Якутска въ Охотскъ и обратно, а мы забрались въ страну не извѣстную для географіи. Я предложилъ Якутамъ по 5 руб. награжденія, если они найдутъ возможность довести меня до Алдана. Якуты сѣли подъ дерево и болѣе часа разсуждали, наконецъ подошли ко мнѣ и предложили мнѣ вопросъ: они поведутъ, но если завтра окажется невозможнымъ ѣхать далѣе, что имъ за это будетъ?

— Ничего, поѣдемъ въ Охотскъ!

— «А гнѣваться, бу тоенъ, не будешь»?

— Нѣтъ, не буду!

— «Видишь, дождь, горъ не видать, этихъ мѣстъ ни кто не знаетъ, коли не будешь гнѣваться—поѣдемъ»!

Якуты поѣхали впереди, а мы за ними гусемъ. Соображенія мои были безплодны, но полагалъ, что до Алдана должно быть не менѣе 400 верстъ, оставалось—отдать руль и компасъ Якутамъ и повиноваться. Что за инстиктъ у этихъ дикарей: мы ѣхали по вершинамъ холмовъ не высокихъ горъ; при переѣздѣ черезъ долины залитыя водою, Якуты разъѣзжались въ разныя стороны и переводили черезъ долины, казавшіяся глубокимъ озеромъ—по какому то подводному гребню — рѣдко по брюхо лошадямъ. Дождь проливной день и ночь, хотя теплый, но мы выѣхали на легкѣ, надѣясь на хорошую погоду и на то, что скоро догонимъ бѣглыхъ. Ѣхали мы перемѣняя лошадей и болѣе небольшой рысцой. Останавливались ночевать, думая только о добромъ кормѣ, невѣроятно сносныхъ лошадей.

Трое сутокъ, мы не знали гдѣ мы. Якуты безумолку гово-

рили между собою, мы ни слова не понимали. Если не ошибаюсь, на четвертые сутки къ вечеру подъѣхали къ Алдану и прямо къ караулкѣ. Я закричалъ во все горло:

Лодка здѣсь?

Отвѣтъ—«Здѣсь»!

Не были?

— «Не были»!

Я и теперь не безъ удивленія вспоминаю о звѣриномъ инстинктѣ Якутовъ!—Какая провизія была съ нами, вся размокла, сутокъ полторы мы не имѣли и размокшаго хлѣба.— Прежде всего, вычистили замокшія ружья и зарядили—опять съ отговоромъ».—У «вольнопропитаннаго» нашлась пойманная и сбереженная въ сѣткѣ рыба, нашлось два хлѣба, ужинъ былъ превосходный.—Поочередный караулъ и—я спалъ, какъ убитый.

Утро было великолѣпное, ни облачка, тихо. — Съ берега Алдана, шла глубоко протоптанная одно-конная тропа, по обѣ стороны дороги густо росли кусты. Часу въ 10-мъ утра, позавтракавши, мы засѣли за кусты съ лѣвой стороны дороги, я съ праваго фланга, возлѣ унтера Шкулева, а на лѣвомъ флангѣ—Хоботовъ.—Командовать небезопасно, командующему первая пуля, а потому, я учредилъ знаки: возьмусь за козырекъ—одно, сжатая рука—другое, открытая—третье и проч.—Мои соображенія были: бѣглые знали гдѣ засталъ насъ разливъ и дождь; послѣ говорили, что они всякій день видѣли насъ съ горъ, но бѣглые знали и то, что намъ не извѣстенъ путь къ Алдану. Бѣглые, хотя и знали кратчайшіе пути, но не упредя насъ, все таки, по чувству самосохраненія, должны торопиться перебраться за Алданъ, гдѣ они безопасны.—Дождь и дождь вѣроятно замочилъ ихъ ружья; припомните, тогда пистоновъ и во снѣ не видала не только Сибирь, но и Европа.

Сидѣли мы часа четыре. Тишина, даже слышно падающіе капли съ деревъ. — Слѣдовало бы описать красивую мѣстность и дѣвственную природу, но я люблю природу — подметенную. Наконецъ, Хоботовъ, прикладывая ухо къ землѣ, объявилъ, что вѣрно идетъ медвѣдь, хрустятъ сучья по землѣ.—Спустя долго, Хоботовъ слышитъ шопотъ. Еще и еще—слышенъ говоръ. Долго слышались въ лѣсу шаги и разговоръ. Наконецъ показались изъ лѣса. Алексѣй Ивановъ впереди и за нимъ гусемъ

остальные; третій хромалъ; у всѣхъ за спиною ружья, идутъ и говорятъ съ полною безпечностію—видно всѣ мокрешеньки.—Мы замерли, ни шолохнулись и осторожно дышали.—Ружья осмотрѣны, кремни новые, заряжены «съ отговоромъ», бояться нечего.

Они миновали первые кусты, не замѣтивъ матросовъ. Алексѣй Ивановъ ровнялся со мною, тогда я далъ знакъ—встать. Я громко сказалъ атаману: «сдавайтесь!» Я и глазомъ не успѣлъ мигнуть, какъ ружье атамана направлено въ меня и не далѣе сажени, ружье двухствольное и оба замка щелкнули—осѣчка!—Трое передовыхъ спустили курки и у всѣхъ осѣчки. Атаманъ присѣлъ на корточки, счищаетъ порохъ съ полки и держитъ порошницу, чтобы насыпать свѣжаго. Я крикнулъ Шкулеву—спусти его!

Выстрѣлъ и—ружье у Атамана упало на землю. Въ это время, Полуектовъ и Яковлевъ спрашиваютъ: «прикажите?»

— Валяй!

Два выстрѣла и двое бѣглыхъ бросили ружья.

— Гдѣ еще двое?

Одинъ удиралъ по полянѣ. - Я приказалъ Хоботову догнать его пулею, но въ моментъ выстрѣла, бѣглый запнулся за пенекъ въ травѣ и пуля, вмѣсто спины, сорвала фуражку и часть волосъ—одурѣлъ бѣглый, упалъ, тутъ его и взяли.

— Гдѣ пятый?

Онъ спрятался за кустъ, стоялъ на колѣнахъ и два указательныя пальца сложилъ крестомъ.

По осмотрѣ оказалось: атаману перешиблены обѣ руки между локтями и плечомъ. Второму перешиблено бедро на 1/4 отъ колѣна выше. Третьему—на вылетъ въ тазъ и поясницу. Матросы находили, что отлично дѣйствовалъ «отговоръ», безъ котораго, пожалуй и не взяла бы пуля. Признаюсь, я ожесточился; трудно сохранить хладнокровіе, когда два дула, противъ груди, видѣлъ не далѣе сажени!—Приказалъ сдѣлать носилки и раненыхъ отнести на покатый бугоръ, покрытый роскошною травою и цвѣтами—отъ дороги полверсты; приказалъ распорядиться, чтобы не ушли.—Раненые просили, чтобы ихъ убили. Но я имѣлъ жестокость отказать, сказавъ, что они играли въ азартную игру; помилованія не будетъ. Матросы отнесли, атаману перебили ноги и около каждаго положили по куску хлѣба.

Мы ночевали. По утру видѣли, какъ орлы и стадо коршуновъ вились вѣроятно еще надъ живыми.—Вы назовете меня башибузукомъ, но теперешнему оно и такъ: теперь разбойникъ убьетъ нѣсколько человѣкъ, его безъ наказанія (?) ссылаютъ въ каторжную работу, которой теперь почти нѣтъ; онъ бѣжитъ, перемѣнитъ имя и еще убиваетъ мирныхъ гражданъ, его судятъ и сошлютъ и ad libitum. —Тому минуло чуть не 60-ть лѣтъ! Были другіе законы, и можетъ быть, измѣнились нравы.—Съ тремя человѣками, я поступилъ жестоко; но во первыхъ: эти люди стрѣляли въ упоръ и не отъ нихъ зависѣло не убить честныхъ людей, исполнявшихъ служебный долгъ. Во вторыхъ это были не однажды казненные, хотя только гражданскою казнію—но они были не люди, а тѣни бывшихъ гражданъ; права и жизнь гражданина, были умерщвлены въ нихъ. Въ третьихъ—допустите ожесточеніе, по поговоркѣ—и у курицы есть сердце.—Что убитые не считались людьми, доказательствомъ тому то, что и не доносили о происшествіи, да и вопроса не могло быть: я дѣйствовалъ не по предписанію, а поѣхалъ на «охоту», какъ бы вы поѣхали на волковъ. Всѣ были довольны, а купцы радовались, что избавились отъ злодѣевъ. Важнѣе другихъ былъ вопросъ:

— Какъ принято это происшествіе на заводѣ?

Каторжные разсудили такъ: шайкѣ Алексѣя Иванова было предложено сдаться, они вступили въ сраженіе, а извѣстно на сраженіи чья возьметъ; ихъ побѣдили: винить не кого сами виноваты; не хотѣли покориться; видно судьба ихъ такая.

Ни одного голоса не было обвиняющаго меня!

Послѣ этого, нѣсколько лѣтъ не было шаекъ на пути между Охотскомъ и Якутскомъ. Было слово на заводѣ и о знаніи моемъ «отговора», это обезкураживало хваставшихъ знаніемъ заговора отъ пуль.

Бывши три года въ Иркутскѣ, я имѣлъ свѣдѣніе, что безъ меня образовались шайки бѣглыхъ, но унтеръ-офицеръ Сироткинъ или Середкинъ съ командою убилъ трехъ,—и болѣе о шайкахъ не слыхали.

Въ Камчаткѣ я засталъ людей, бывшихъ свидѣтелями побѣга извѣстнаго Беньевскаго, разсказывали подробности, которыхъ не могло знать офиціально начальство. О Беньевскомъ и его побѣгѣ на «теплыя острова», крѣпко сохранялись въ памяти и

нередавались въ искаженномъ видѣ между ссыльными каторжными. Беньевскій добрался до Сандвичевыхъ острововъ, каторжные и называли ихъ «теплыя острова».

Въ 1820-мъ году мнѣ было поручено бригъ, отсутствующаго командира изъ Петропавловской гавани, отвести въ устье рѣки Камчатки—это около 1000 верстъ. Изъ устья рѣки Камчатки выѣхавшій лоцманъ ко мнѣ, подалъ запечатанный конвертъ. Петръ Ивановичъ Рикордъ увѣдомлялъ меня, что до свѣдѣнія его дошло, будто нѣсколько негодяевъ намѣрены на меня напасть и заставить идти на «теплыя острова», а потому совѣтовалъ принять мѣры осторожности. При осторожности и быть ничего не могло: кромѣ судовой вооруженной команды, четырехъ пушекъ въ Нижнекамчатскѣ, было 12-ть казаковъ—молодецъ къ молодцу, да отставные казаки—бояться нечего, развѣ какая нибудь нечаянность отъ безпечности. Но, какъ видите, играли роль—теплыя острова. Когда я перевозилъ каторжныхъ изъ Охотска и тогда шептали о теплыхъ островахъ это утвердилъ въ преданіи побѣгъ Беньевскаго. Черезъ нѣсколько дней, я получилъ отъ П. И. Рикорда, что все пустяки и чтобы я возвратился берегомъ, оставивъ бригъ.

На солеваренномъ заводѣ въ Охотскѣ работа воистинну была каторжная! зиму, лѣто, день и ночь хотя посмѣнно, но работа не прекращается. Рубка и перевозка дровъ, доставка морской воды въ варницы, въ варницахъ густой дымъ, жара, выгребаніе и переноска соли въ сушки и проч. Въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, пища самая постная—иногда рыба; но при всемъ томъ, больные бывали очень рѣдки; ни лекаря, ни фельдшера нѣтъ, полежитъ заболѣвшій и выздоровѣетъ. Стариковъ «вольнопропитанныхъ» было довольно много.

Должно быть въ 1827 году я говорилъ со старикомъ «вольнопропитаннымъ». Онъ разсказалъ мнѣ содержаніе и казнь Пугачева, старикъ тогда былъ женихомъ. Разсказъ его былъ до подробности вѣренъ съ историческимъ описаніемъ.

Слѣдовало бы въ дополненіе къ моему очерку описать великолѣпный ландшафтъ окрестностей, посмотрѣть на который русскіе ѣздили въ Швейцарію. Природа въ первобытной, дѣвственной дикости поразительна, громадныя темныя горы, глубокія долины, лѣса безмятежно смѣняются своими поколѣніями, два ледника, по льду которыхъ текутъ порядочныя рѣки, едва доступныя

для брода лошадямъ. Хорошо—не знаю, но странно видѣть рѣку въ ледяныхъ берегахъ, съ гладкимъ, бѣлымъ ледянымъ дномъ. Для охотника видовъ, для поэта, что шагъ, то новая картина! Но я прежде оговорился и повторю, что я люблю только природу подметенную.

Рѣку Алданъ можно назвать красавицей: въ широкой, ровной, зеленой долинѣ, въ невысокихъ, но круто обрѣзанныхъ берегахъ, рѣка не уже половины Невы, но можетъ и нѣсколько болѣе, говорятъ очень глубокая, вода свѣтлая и повидимому безъ движенія, гладкая какъ зеркало, но теченіе рѣки не менѣе отъ $2^1/_2$ до 3-хъ узловъ. Гдѣ родится Алданъ не знаю, а умираетъ въ Ленѣ. Рыбы разнообразной въ рѣкѣ множество и рыба чрезвычайно вкусна, можетъ быть оттого, что я былъ очень голоденъ. Старикъ «вольнопропитанный» матросъ надѣлилъ табакомъ, а меня напоилъ чаемъ, хотя чай приготовленъ былъ въ котелкѣ, но послѣ дождя былъ очень вкусенъ. Невольно явился вопросъ:

— Отъ куда у тебя такая роскошь?

Старикъ отвѣчалъ, что его всѣмъ надѣляютъ купцы, которымъ онъ помогаетъ перевозить товары, онъ и зиму безъ запаса не живетъ.

— Не скучаешь ты здѣсь одинъ?

— Одинъ бываю только зимою и то разъ въ мѣсяцъ проходитъ почта въ Охотскъ и обратно; зимой тунгусы съ оленями кругомъ, они и почту возятъ; зимой ловушки ставлю, лисицы попадаютъ и другіе звѣри, а лѣтомъ всякій день гости: другой дороги нѣтъ, Алданъ не объѣдешь.

Старикъ одѣтъ и обутъ былъ хорошо, караулка большая, вездѣ чисто, съ перваго взгляда было видно, что старику живется хорошо.

Э ....въ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ

Э...., ...ВА.

III [1]).

Бунтъ архіепископа Иринея.

Окончивъ долгую службу въ Охотскѣ и Камчаткѣ,—называю долгою службой, потому что всякій, ѣхавшій въ тотъ край на службу, обязанъ прослужить тамъ пять лѣтъ; изъ всѣхъ флотскихъ офицеровъ, одинъ я прослужилъ болѣе двухъ сроковъ.—Возвращаясь въ Балтійскій флотъ, проѣздомъ прибылъ въ Иркутскъ, 1830-го года въ ноябрѣ.—По заведенному обычаю, всѣ флотскіе офицеры, проѣзжавшіе черезъ Иркутскъ, останавливались въ адмиралтействѣ, но, въ этотъ разъ, я не могъ воспользоваться этимъ удобствомъ и вотъ почему: начальникомъ адмиралтейства былъ лейтенантъ Ивановъ, въ Кронштадтѣ его звали—французъ Ивановъ.—Передъ моимъ пріѣздомъ онъ женился на удивительной красавицѣ.—Скоро послѣ свадьбы, онъ съ прелестной женкой ѣхалъ на дрожкахъ; лошади понесли, Ивановъ рѣшился соскочить и переломилъ себѣ ногу; красавица ограничилась отчаяннымъ крикомъ, усидѣла, отдѣлалась только обморокомъ.—Когда я пріѣхалъ въ Иркутскъ, то уже было извѣстно, что Ивановъ безнадеженъ—переломленная кость не могла срастись почему-то. Былъ я въ адмиралтействѣ, но Ивановъ былъ уже въ агоніи [2]).

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 301—316 и 616.

[2]) Докторъ говорилъ, что больнаго не могли разлучить съ женою. Э.

Проѣзжая Иркутскъ въ 1818-мъ году, въ почтенномъ семействѣ полковника Нараевскаго я забавлялся съ дѣвочкою-замарашкой лѣтъ 4-хъ, а теперь встрѣтилъ такую красавицу, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать! Мать ея тоже была красавица, встрѣтила меня какъ стараго знакомаго; она была вдова, обѣ были спокойны и не сознавали, что и дочь—почти дѣвочка—уже вдова.

Весьма ласково принятый генералъ-губернаторомъ Лавинскимъ, который, между прочимъ, сказалъ мнѣ: «въ адмиралтействѣ я начальникъ поверхностный, въ хозяйство не вхожу, но полагаю, тамъ найдутся какіе нибудь безпорядки: любовь, сватовство и свадьба—худые помощники службѣ. Петербургъ—далеко, переписка, назначеніе новаго начальника, протянутся долго; я долженъ назначить кого нибудь изъ классныхъ чиновниковъ при адмиралтействѣ, но я ничего хорошаго о нихъ не знаю; если окажутся безпорядки, то это падетъ на уважаемый всѣми морской мундиръ; вы явились кстати, я просилъ бы васъ временно занять должность начальника адмиралтейства—сохранить честь товарища и поддержать уваженіе къ почтенному мундиру».

Это такъ неожиданно ошеломило меня, что я нашелся только сказать: я не видался съ отцомъ и родными 22 года.

— «Я прошу васъ остаться не надолго, пока назначатъ другаго».—Я попросилъ позволенія подумать.

Просьбы матери, красавицы вдовы покойнаго, старыхъ знакомыхъ Иркутска, а главное—я принадлежалъ къ старому флоту, когда флотъ былъ особой кастой: единодушіе, почти единомысліе, завѣтное товарищество, честь флотскаго мундира была принадлежностію всего флота—святыня! Не долго думалъ—согласился.

Прилично похоронивъ товарища, я въ адмиралтействѣ вотъ что нашелъ: много книгъ приходо-расходныхъ за цѣлый годъ—всѣ бѣлыя, а уже декабрь. Магазины на половину пусты. Недоставало казенныхъ денегъ немного. Требованіе для Охотскаго порта не начато исполнять. Все это надѣлала любовь! По русской пословицѣ: взялся за гужъ—не говори, что не дюжъ. Генералъ-губернаторъ обѣщалъ мнѣ всякую помощь, но что онъ могъ помочь мнѣ? Выучился я подписывать подъ руку покойнаго, засадилъ все грамотное, писались требованія, отпуски, я подписывалъ бумаги и книги за Иванова. Къ сроку книги были кончены и

отосланы. Прижалъ содержателей магазиновъ, и весною съ благоразумною экономіею пополнились магазины; заказы для Охотска исполнены, а подрядчики пополнили недостатокъ денегъ.

Вмѣсто присылки другаго начальника, утвердили меня; тутъ покривилъ душою Лавинскій: онъ представилъ утвердить меня. Старикъ отецъ мой написалъ мнѣ: «ты просишь чужую крышу, когда своя течетъ!» Чтобы кончить съ красавицею вдовою, скажу, что, года черезъ полтора, я имѣлъ возможность содѣйствовать и видѣть ее супругою превосходнаго человѣка. Я считалъ исполненнымъ мой долгъ окончательно къ умершему товарищу и къ чести мундира.

Иркутскъ былъ хорошо мнѣ знакомъ еще въ 1818-мъ году; много нашлось старыхъ знакомыхъ; вообще, я не былъ чужимъ въ городѣ, а, по роду службы, поверхностно подчинялся только генералъ-губернатору, особенно доброму ко мнѣ.

Управленіе адмиралтейства, гдѣ жилъ начальникъ, была прелестная дача, въ красивой долинѣ, версты полторы отъ крайнихъ домовъ города: большой домъ со всѣми службами и удобствами, какъ отдѣльное помѣстье; домъ прилично меблированъ, большой садъ, который омывала рѣчка Ида—въ просторѣчьи Ушаковка; вода рѣчки считалась минеральною—быстро заживляющею раны; на рѣчкѣ, почти въ саду, была устроена ванна, куда пріѣзжалъ съ дочерью Лавинскій. Экипажи, лошади—все казенное. Команда, магазины, эллингъ—на Ангарѣ верстахъ въ трехъ.

Иркутскъ—городъ очень богатый и имѣлъ средства разбогатѣть: востокъ и сѣверо-востокъ свозили всѣхъ родовъ дорогіе мѣха,—юго-востокъ доставлялъ чай и шелки Китая. Отпускалъ Иркутскъ въ тѣ же страны произведенія фабрикъ и товаровъ Москвы и заграничныя, и не имѣлъ конкурента. Но за то въ Иркутскѣ и считалось много милліонеровъ: Медвѣдниковъ, Трапезниковъ, Баснины, Сибиряковы и проч.—Послѣ 1818-го года, въ 12 лѣтъ не обошлось безъ перемѣны; тогдашній комендантъ, молодецъ, кавалерійскій полковникъ Цейдлеръ, теперь губернаторъ и вовсе не молодецъ—сгорбился, старикъ-старикомъ.—Какъ кавалерійскій мундиръ дѣлалъ его красивымъ и смѣлымъ воиномъ, такъ фракъ и бумаги—согнули и сморщили его, но благородный, добрый и честный человѣкъ въ немъ не измѣнился. Купцы еще болѣе разбогатѣли, стариковъ—замѣнили молодые.

Иркутское адмиралтейство было счастливо начальниками: въ 1818-мъ году былъ Кутыгинъ—любимецъ Иркутска. Петръ Степановичъ Лутковскій, теперь вице-адмиралъ, оставилъ по себѣ прекрасную память. Впрочемъ, моряки счастливы, ихъ вездѣ ласкаютъ. Мнѣ не было труда въ короткое время сдѣлаться старожиломъ.

Въ 1818-мъ году, въ Иркутскѣ былъ архіепископомъ Михаилъ; это былъ истый монахъ, смиренный, кроткій и—говорили—весьма ученый; онъ долго управлялъ обширнѣйшею иркутскою епархіею, но говорили, что по добротѣ и смиренію своему, какъ выражались—распустилъ духовенство. Иркутскъ очень религіозенъ, владыку Михаила чтили какъ святыню.—Церквей много въ Иркутскѣ. Обычай старый—въ престольный праздникъ служитъ владыко, а богатѣйшій прихожанинъ удостоивался угостить владыку обѣдомъ. Вотъ разсказъ о покойномъ Михаилѣ. Праздникъ въ приходѣ богача Трапезникова; владыко милостивъ и ласковъ какъ всегда. У Трапезниковыхъ, какъ у всѣхъ богачей, держались на дворѣ монгольскія собаки—мохнатыя, сильныя и, по природѣ, злыя до дикости; эти собаки не покорялись человѣку, который кормилъ ихъ: на день, собаку съ побоями запирали въ конуру, а на ночь, собака бѣгала по блоку. За обѣдомъ зашелъ разговоръ о породѣ этихъ злыхъ собакъ. Владыко скромно утверждалъ, что человѣку съ твердою волею и упованіемъ всѣ твари должны покоряться; зашелъ споръ, и спорились на извѣстную собаку Трапезникова. По окончаніи обѣда, владыко пожелалъ видѣть собаку. Вышли на крыльцо и собака, выпущенная изъ темной конуры на свѣтъ, побѣжала по блоку съ рычаніемъ, какъ дикій звѣрь. Владыко молча пошелъ къ собакѣ; бросились удержать архіепископа, онъ кротко рукою отстранилъ всѣхъ и тихо шелъ къ собакѣ. У всѣхъ на глазахъ совершилось чудо: собака пятилась отъ владыки, поджала хвостъ и спряталась въ конуру, зажмурилась и дрожала! Владыко скромно вернулся къ гостямъ. Меня—молодаго—сильно заинтересовалъ этотъ разсказъ. Къ доброму владыкѣ не трудно было приласкаться: онъ любилъ играть въ шашки, а я былъ игрокъ. Поклонами, просьбою упросилъ владыку объяснить мнѣ этотъ фокусъ; это было уже передъ моимъ отъѣздомъ въ 1818 г. Владыко взялъ съ меня слово молчанія и сказалъ,

что въ полѣ его рясы защитъ невыдѣланный кусокъ кожи льва и будто это такъ сильно дѣйствуетъ на инстинктъ собаки, что къ нему не приближается ни одна собака на улицѣ. Другой разсказъ: владыко, утромъ послѣ сна, выходитъ на галлерею, на плечо его садилась сорока и носъ свой прятала въ ухо владыки. Послѣ того, архіепископъ объявлялъ о вчерашнихъ упущеніяхъ въ семинаріи—все разсказывала ему сорока! Скончался архіепископъ Михаилъ, заповѣдалъ похоронить себя подъ папертью близъ дверей, чтобы всѣ попирали грѣшный прахъ его. Въ Петербургѣ знали о распущенности иркутской епархіи, но, должно быть, по уваженію къ Михаилу—терпѣлось. Скоро послѣдовало высочайшее повелѣніе въ святѣйшій синодъ: избрать и назначить въ Иркутскъ строгаго и надежнаго. Синодъ назначилъ пензенскаго архіепископа Іеринея [1]), съ прописаніемъ въ указѣ, какъ строгаго и надежнаго. Говорятъ, все духовенство Пензенской губерніи много служило молебновъ за избавленіе отъ Іеринея.

По пріѣздѣ новаго владыки, скоро Иркутскъ наполнился разсказами о строгости и странностяхъ архіепископа Іеринея; всякій день новость за новостью: то священникъ—на обязанности дьячка, то въ монастырь на три мѣсяца топить печи; не было дома безъ разсказовъ о владыкѣ. Иркутскъ былъ пораженъ дѣйствіями Іеринея тѣмъ сильнѣе, что въ сравненіи съ кроткимъ покойникомъ—былъ слишкомъ великъ и страшенъ контрастъ. Захотѣлось и мнѣ посмотрѣть на владыку. Въ какой-то праздникъ, узнавъ, что будетъ служить архіепископъ въ соборѣ, явился я заранѣе. Съ самаго начала до конца, была не обѣдня, а ротное ученье. «Ключарь, перевяжи галстухъ архидіакону—узломъ назадъ!»—«Священнику не подобаетъ носить смазные сапоги со скрипомъ—20 поклоновъ!» Читающему дьячку: «Стой! пропустилъ точку съ запятой, читай снова—на колѣняхъ». Священнику: «замололъ, не внятно, читай снова, да не кобянься». Пѣвчимъ—всѣмъ доставалось! Настоящее ротное ученье!

Самъ архіепископъ дѣлалъ большое впечатлѣніе. Ему было около 45-ти лѣтъ,—средняго роста, сложенъ очень правильно, не сухощавъ и не расположенъ къ толстотѣ; движенія очень граціозны и выра-

[1]) Кажется, такого имени нѣтъ: есть Ириней—но такъ тогда звали. Э.

жаютъ физическую силу и энергію; лицо мужественно, принадлежитъ къ типу южныхъ славянъ: густой брюнетъ, глаза черные, большіе, полные блеску, взглядъ быстрый, проницательный; волосы черные безъ сѣдаго волоса, густые, длинные, но крупно волнистые, чѣмъ скрадывали большую длину; волоса казались тонкими и блестящими, борода черная, небольшая; голосъ самый чистый—грудной мягкій теноръ. Владѣлъ интонаціею голоса такъ гибко, легко, такъ вѣрно и такъ хорошо, что я другаго такого послушнаго голоса не слыхалъ!—Обыкновенную молитву, сказанную имъ въ алтарѣ: во имя Отца и Сына и Святаго Духа и нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ—я и теперь, по прошествіи 46-ти лѣтъ, живо слышу! Слова: и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ—какою-то магическою волею голоса уходили въ вѣки вѣковъ! Подражать владыкѣ Іеринею—невозможно! Вообще, что касалось до служенія его особы—было превосходно! Всякое служеніе, онъ говорилъ поученія экспромтомъ, поученія всегда строгія къ слабостямъ безъ снисхожденія, пороки громилъ и предавалъ анаѳемѣ, говорилъ просто, понятно, но рылся въ слабостяхъ мущинъ и женщинъ безъ милосердія, какъ химикъ доискивался начала всѣхъ началъ. Разъ, въ женскомъ монастырѣ, говорилъ поученіе, такъ глубоко объяснилъ имъ принятый имя обѣтъ и закончилъ такимъ грознымъ эпилогомъ—поразилъ ихъ смертію безъ прощенія за нарушеніе обѣта въ ихъ санѣ, казнь по смерти сторицею, неизбѣжность ада; послѣдній періодъ проповѣди былъ: смерть, адъ, власть діавола, геенна, жупелъ, вѣчное терзаніе—смерть здѣсь, смерть тамъ, смерть, смерть! Всѣ монахини рыдали истерически, нѣкоторыхъ вынесли въ обморокѣ. Объ этомъ долго говорили въ городѣ. Знакомая мнѣ купчиха разсказывала, что, слушая, она была не своя: и холодно, и жарко, и земли не чувствовала подъ собою, а ужъ какъ жалостно было смотрѣть на матушекъ-монахинь!

Обычай—въ церковные праздники просить владыку на обѣдъ—не измѣнился, но и тутъ рѣдко проходилъ обѣдъ безъ критическаго взгляда на нравы хозяина и гостей и часто владыко уходилъ гнѣвенъ. Не рады были такому гостю, но обычай переспиливалъ.

Одинъ разъ, знакомый купецъ (не важный, но не помню фамиліи) пріѣхалъ и присталъ съ просьбою—у него обѣдать и что будетъ владыко. Какъ я ни отговаривался—поѣхалъ. Владыко из-

бралъ себѣ мѣсто за столомъ по лѣвую сторону хозяина, меня посадили по правую хозяина. Владыко прямо обратился ко мнѣ.

— «Вы морякъ, астрономъ?»

— Точно такъ, владыко, безъ астрономіи не найдешь дороги въ морѣ!

— «Ну, а какъ по вашему: земля вертится, или солнце ходитъ?»

— Для астрономическихъ вычисленій нѣтъ никакой разницы, и мы говоримъ—восходитъ и заходитъ солнце.

— «Ну, а какъ ваша наука учитъ?»

— Признаваютъ говорить, что земля вертится.

— «А Іисусъ Навинъ сказалъ: стой солнце!»

— Я глубоко вѣрую въ писаніе и сдѣлалъ моему профессору это возраженіе; онъ мнѣ отвѣчалъ: это святая истина, но, послѣ словъ Навина, солнце остановилось и стала вертѣться земля.

Владыко непритворно смѣялся. Перешелъ разговоръ, подали огромнаго осетра. Владыко, смотря на меня, сказалъ:

— «Господь сотворилъ все на службу человѣка».

Я съ покорностію наклонилъ голову и сказалъ: Аминь! Но чрезъ минуту разсказалъ, что, собираясь въ далекій морской походъ, я нагружалъ разную провизію, и видѣлъ суету мышей, какъ онѣ хлопотали и пробовали все съѣстное: всякій бы подумалъ, что мыши вѣрили—провизія грузится собственно для нихъ.

Владыко хохоталъ: ему нравилось, что я, не противорѣча ему, соглашаюсь съ нимъ, но скоро и разбивалъ его.

— «Вы видали въ океанахъ левіаѳана?»

— Китовъ видалъ сотни.

— «Очень большая это рыба?»

— Да, владыко, больше этого дома; бываютъ до 15-ти саженъ.

— «Какъ же по вашему, можетъ человѣкъ жить въ утробѣ этой рыбы?»

— Это, владыко, сказано въ библіи объ Іонѣ?

— «Да».

— Еслибъ въ святой книгѣ было сказано, что Іона проглотилъ левіаѳана и тотъ жилъ въ утробѣ Іоны три дня, то увѣряю, я такъ же несомнѣнно вѣрилъ бы. Для Бога все возможно: я вѣрую, не испытуя.

Владыко опять смѣялся усердно и даже благословилъ меня черезъ столъ. Въ подобныхъ разговорахъ прошло нѣсколько обѣ-

домъ. Хозяинъ и гости увѣряли, что владыко никогда не былъ такъ веселъ и милостивъ. Этотъ обѣдъ сдѣлалъ то, что всѣ упрашивали меня на обѣдъ съ владыкой—хорошо, что было рѣдко. Послѣ нѣсколькихъ обѣденъ, владыко приказалъ мнѣ быть у него на чашку чая. У него, безъ свидѣтелей, я, все съ той же манерой почтительности и покорности, разыгралъ роль умѣреннаго вольнодумца, что, кажется, очень забавляло его: можетъ, новость идей, можетъ—и то, что онъ не могъ говорить такъ по своей обязанности. Когда я сказалъ ему о странности видѣть такого пылкаго, энергическаго характера такихъ полныхъ силъ мужа,—въ монашеской рясѣ и смиренномъ санѣ, архіепископъ Іереней сверкнулъ глазами и сказалъ:

— «Я давно ношу фонтанели на рукахъ».

Владыко затѣмъ продолжалъ: «ты разуменъ, что при посторонникъ не споришь со мною».

Обѣденные мои разговоры я для шутки разсказывалъ генералъ-губернатору.

Въ день Александра Невскаго, генералъ-губернаторъ и всѣ чины были въ соборѣ, наполненномъ до тѣсноты народомъ; служилъ архіепископъ. Послѣ службы, владыко съ посохомъ вышелъ на амвонъ; объяснивъ кратко жизнь Александра Невскаго, сказавъ, что всѣ побѣды далъ ему Богъ за твердую его вѣру, онъ ловко перешелъ къ наставленію удаляться отъ людей, имѣющихъ видъ доброты, кротости; эти люди, часто имѣя значеніе, пользуются любовію общества, обладая способностію сладкой рѣчи; эти люди никогда не спорятъ, но, подъ видомъ согласія и изворотливости, наводятъ на мысли невѣрія, ведутъ къ соблазну; рѣчи ихъ подобны меду, но съ ними сердце поглощаетъ ядъ сомнѣнія, и проч. и проч.—чуть не нарисовалъ моего портрета. Во время поученія, владыко съ довольной миной посматривалъ на меня. Закончилъ наставленіемъ—убѣгать такихъ людей, какъ заразы, гибельной для души. Не пожалѣлъ черной краски для меня владыко!—помню, я очень покраснѣлъ. Лавинскій обернулся ко мнѣ и тихо сказалъ: «въ твой огородъ камни летятъ». Подходя къ кресту, я сказалъ: Благодарю владыко!—«Извини, какъ печка печетъ!»—Послѣ службы, вся интеллигенція—въ владыкѣ на пирогъ.—Завтракъ всегда роскошный отъ купцовъ—это тоже обычай. Владыко, благословляя, смѣялся и шутя спросилъ: «Какъ

ти узналъ себя?»—Хорошо вамъ, владыко, бранить меня, когда я не могъ возражать вамъ.—«Это мое право!»

На берегу Ангары стояла церковь; большое, сухое, ровное мѣсто на обрывистомъ берегу великолѣпной Ангары, съ хорошимъ видомъ къ устью рѣки Иркута—было любимымъ мѣстомъ для прогулокъ. Вздумали насадить тутъ кустарниковъ и сдѣлать дорожки. Владыкѣ Іеринею это показалось святотатствомъ, онъ потребовалъ уничтоженія кустарниковъ; его не послушали; онъ, чтобы поддержать свое требованіе—написалъ, что, служа, изъ алтаря видѣлъ творящійся блудъ подъ кустомъ—и на это не обратили вниманія.

У генералъ-губернатора была любимая близкая церковь. Лавинскій до страсти любилъ музыку и былъ знатокъ.—Въ этой церкви, кромѣ украшеній современнаго вкуса, былъ превосходный хоръ пѣвчихъ изъ казаковъ; отличные голоса и вѣрность исполненія самыхъ трудныхъ концертовъ были неукоризненны. Протоіерей съ причтомъ—во всемъ была гармонія. Владыко началъ нападать на причтъ этой церкви.

Во всемъ городѣ только и слышались жалобы на владыку. Духовенство, духовныя правленія, приносили жалобы и просили защиты у генералъ-губернатора. Строгость владыки доходила до неприличія; я теперь не помню многаго, но, по разсказамъ, иногда доходило до скандала во время служенія. Владыко любилъ повторять: «я власть, я намѣстникъ Христа, другой власти нѣтъ!» и тому подобное. Много было мелочей, но ими былъ полонъ городъ. Генералъ-губернаторъ написалъ къ оберъ-прокурору синода. Іеринею пришло замѣчаніе—это разсердило владыку...

Не помню въ какой праздникъ, мы всѣ были парадно въ соборѣ; генералъ-губернаторъ въ мундирѣ, залитомъ шитьемъ. Безъ ротнаго ученья не обошлось. Послѣ совершенія таинствъ, священникъ, выходя изъ царскихъ дверей съ книжкою для прочтенія молитвы: «Благословляю» и проч., по принятому обычаю, дѣлаетъ легкій поклонъ старшему въ церкви. Только поклонился священникъ Лавинскому, какъ владыко изъ алтаря вернулъ священника.

— «Кому ты кланялся? ты—пастырь, кланялся овцѣ твоего стада? ты молишься златому тельцу!»

Распушилъ священника голосомъ на весь соборъ. Лавинскій не показалъ и вида, что замѣтилъ непристойность. Мнѣ очень

хотѣлось сказать, что это не въ мой огородъ камень — да не посмѣлъ.

Бумаги летѣли въ Петербургъ. Всѣ подробности духовенство сообщало синоду. Матеріала было много!

Осенью пришелъ указъ (вотъ измѣнила память) о вызовѣ или удаленіи архіепископа—по разстройству умственныхъ способностей. Генералъ-губернатору поставлено въ обязанность озаботиться и оказать возможное содѣйствіе въ спокойному путешествію владыки. Архіепископъ, получивъ указъ, нашелъ его поддѣльнымъ, такъ какъ на указѣ не было сургучной печати, а просто: М. П., т. е. мѣсто печати. Опираясь на какой-то законъ Екатерины, что если указъ покажется сомнительнымъ, то сомнѣвающійся имѣетъ право—потребовать указъ съ печатью сургуча,—Іериней заявилъ свое сомнѣніе въ подлинности указа офиціально.

На сомнѣніе Іеринея не обратили вниманія, удобная карета была готова.

Не помню какой былъ праздникъ—не большой. Коллежскій совѣтникъ, чиновникъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ—Александръ Ивановичъ Голубевъ, еще до обѣдни, явился къ владыкѣ и доложилъ, что онъ присланъ для услугъ его высокопреосвященства во время пути и ожидаетъ приказаній. Я долженъ замѣтить, что Голубевъ былъ вершковъ 10-ти ростомъ, брюнетъ, сильнаго сложенія. Владыко саркастически улыбнулся и сказалъ: «Экого славнаго выбрали молодца! Ловко распорядились: ты повезешь меня; такому великану-богатырю не трудно будетъ задушить меня и потомъ сказать, что я—какъ сумасшедшій—задушилъ самъ себя .... не дурно придумано!»

Владыко крѣпко взялъ за руку Голубева и сказалъ: «пойдемъ!» Іериней привелъ Голубева къ перевозу черезъ Ангару; тамъ стоялъ унтеръ-офицерскій караулъ; владыко приказывалъ взять Голубева подъ караулъ, но унтеръ отказался—безъ дежурнаго офицера по карауламъ. Іериней, не выпуская руки Голубева, повелъ его на главную гауптвахту, гдѣ, по приказанію владыки, караульный офицеръ посадилъ Голубева подъ арестъ.

Мимо гауптвахты проходилъ правитель канцеляріи генералъ-губернатора Кибритъ и, видя караулъ въ ружьѣ и владыку на плацѣ, подошелъ, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Владыко, зная Кибрита, и его посадилъ на гауптвахту. Въ это время, я ѣхалъ

изъ адмиралтейства поздравить съ праздникомъ Лавинскаго; дорогою узнавъ исторію на гауптвахтѣ, проѣхалъ прямо къ Лавинскому и доложилъ что узналъ.

Большая площадь: на южной сторонѣ домъ генералъ-губернатора, на сѣверной главная гауптвахта, къ западу гостинный дворъ, къ востоку—улицы и частные дома. Лавинскій въ это время сильно страдалъ геморроемъ. Слушая меня, морщился и сказалъ: «еще глупости, пусть посидитъ и уйдетъ».

Я былъ того мнѣнія, чтобы не вышло чего серьезнаго, вѣдь это владыко!

Лавинскій крякнулъ, надѣлъ фракъ со звѣздой и пошелъ немедля со мною на площадь.

Подходя, видимъ Іеринея расхаживающимъ большими шагами передъ фронтомъ солдатъ; нѣсколько народа отъ гостинаго двора; слышимъ, Іеринеи громко говоритъ, что онъ знать не хочетъ гражданскаго начальства, съ которымъ онъ стоитъ передъ государемъ на одной доскѣ; судъ государя рѣшитъ кто правъ. Лавинскій что-то тихо, почти шепотомъ, сказалъ Іерингею, а тотъ еще громче доказывалъ, благословляя подходящій народъ, что онъ донесъ государю о всемъ и что солдатъ кормятъ мукой съ пескомъ. Говорилъ громко, скоро и благословлялъ. Лавинскій приказалъ караулу идти въ караульный домъ. Молодой офицеръ не повиновался. Я громко скомандовалъ: напра-во! скорымъ шагомъ, лѣвое плечо впередъ—маршъ!! Хотя я и морякъ, но штабъ-офицеръ, а главное русскому солдату—команда! Караулъ, какъ машина, повиновался. Іеринеи, на разныя манеры твердилъ одно, что онъ знать не хочетъ гражданскаго начальства, которому не вѣритъ, а отдаетъ себя подъ охрану военному начальству и народу! Не помню, кто подъѣхалъ и докладываетъ Лавинскому, что комендантъ болѣнъ.

Какъ теперь гляжу на Іеринея: онъ сознавалъ, что переступилъ черезъ Рубиконъ! День былъ прохладный, но Іеринеи весь горѣлъ, снялъ шлобукъ; по прекраснымъ его волосамъ струились капли пота, онъ былъ прекрасенъ, это былъ азартный игрокъ и игралъ—быть или не быть! Народъ подходилъ болѣе и болѣе. Іеринеи, благословляя народъ, рѣшился говорить, что онъ съ крестомъ въ одной рукѣ и съ мечомъ въ другой готовъ защищать и стать въ головѣ народа, который страдаетъ отъ гражданской власти.

Надобно замѣтить, что еще шла обѣдня, на базарѣ еще не съѣзжались и народъ еще былъ трезвъ, и еще замѣтка—въ Сибири лаптей не носятъ [1]). Дѣло становилося слишкомъ серьезно! Когда доложили Лавинскому, что комендантъ болѣнъ, онъ обернулся ко мнѣ и сказалъ: «привези!»

Необходимо ознакомить съ комендантомъ; это былъ генералъ-маіоръ по кавалеріи, дослужился изъ кантонистовъ и былъ простакъ; имѣлъ много ранъ, а дыркомъ на ордена—цѣлую стопу: кажется, вся Европа давала ему ордена, начиная съ низшихъ степеней и до высшихъ. Фамилія его была Покровскій, а имени его, кажется, никто не зналъ.

По приказанію Лавинскаго, я бросился на дрожки и маршъ-маршъ! Нахожу коменданта — здоровешенекъ! уже начерненъ, набѣленъ и кончилъ румяниться—безъ этого онъ не выходилъ изъ дома. Оказалось, что комендантъ именинникъ и полагалъ, что я пріѣхалъ поздравить его. Я передалъ ему приказаніе генералъ-губернатора; комендантъ отвѣчалъ, что ему нездоровится, да и что онъ будетъ тамъ дѣлать? Комендантъ видимо трусилъ, хотя и былъ храбрецъ на войнѣ. «Надѣвайте мундиръ, ваше превосходительство; хотя мертваго, но отвезу васъ, въ томъ даю вамъ честное слово! а что вамъ дѣлать—разскажу на дрожкахъ». Минуты были слишкомъ дороги и серьезны, я самъ подалъ ему мундиръ и почти силой увелъ и усадилъ въ дрожки. Дорогой научилъ его подойти къ Іеринею и сказать ему, что, какъ главная военная власть, берете охраненіе его подъ свое покровительство в честію ручаетесь за его спокойствіе, возьмите подъ руку и уведите домой. Подъѣзжая, я махалъ караулу, барабанщикъ чуть не походъ пробилъ, караулъ, честь—все исполнено важно! Іериней продолжалъ возмутительно говорить къ народу. Къ счастію, не было семинаристовъ, которые очень были преданы владыкѣ. Мнѣ кажется, недоставало начальнаго голоса въ пользу Іеринея. Румяный комендантъ подошелъ молодцомъ и, какъ по писаному, объявилъ Іеринею. Тотъ сталъ-было говорить о своихъ правахъ; комендантъ взялъ Іеринея подъ руку и далъ ему слово выслушать его дома. Іериней сверкнулъ глазами на народъ и, не видя

---

[1]) Въ Россіи сапоги носятъ: кулаки, міроѣды, подрядчики—народъ болѣе развитой. Въ Сибири всѣ въ сапогахъ, простака-лапотника—нѣтъ. Э.

ни въ комъ участія къ себѣ, пошелъ съ комендантомъ. Генералъ-губернаторъ и всѣ мы молча пошли за нами. Въ это время изъ всѣхъ церквей выходилъ народъ и частію слѣдовалъ за нами. Всю дорогу Іеринеи говорилъ съ жаромъ, внушалъ коменданту, почему онъ не можетъ вѣрить гражданскому начальству, и проч. Комендантъ, кажется, и не понималъ, молчалъ и прибавлялъ шагу.

Довели архіепископа до его кельи и всѣ мы вошли за нимъ. Лавинскій заглянулъ въ другую комнату, Іеринеи громко сказалъ: «тамъ у меня деньги, могутъ пропасть!» Обернулся ко мнѣ: «вы обезчестили свой мундиръ золотой, тѣмъ, что стали противъ меня». Я отвѣчалъ: монаху принадлежитъ смиреніе, вы учите насъ покорности и повиновенію; смиритесь, владыко!—Онъ зло взглянулъ на меня и быстро повернулся. Была и комическая сцена: явился прокуроръ—презабавный человѣчекъ, небольшаго роста, съ очень большимъ брюхомъ, на коротенькихъ и, какъ флейты, тоненькихъ ножкахъ. Раздраженный и красивый архіепископъ началъ излагать прокурору всѣ свои неудовольствія и права отъ А до Z, говорилъ около часу. Забавная фигура прокурора точно окаменѣла, ни одна фибра въ лицѣ не дрогнула; прокуроръ не произведъ звука и не мигнулъ глазомъ. Іеринеи кончилъ, прокуроръ повернулся. Я послѣ спросилъ его, что говорилъ ему владыко? «Не знаю, не понялъ и не слыхалъ», отвѣчалъ мнѣ прокуроръ. Я искренно повѣрилъ ему.

На дворъ архіепископа привели роту солдатъ съ ружьями и боевыми патронами.

Мы всѣ пошли въ домъ генералъ-губернатора, составили подробный актъ происшествію и подписались болѣе 100 человѣкъ свидѣтелей. Казацкій офицеръ, въ тотъ же день, полетѣлъ съ донесеніемъ къ государю.

День былъ праздничный, много съѣхалось на базаръ; послѣ полдня пьяные и трезвые толпами толковали объ обидѣ владыкѣ. Ошибка была въ томъ, что не заперли семинаристовъ: они шатались между народомъ и волновали. Я вооружилъ своихъ сотню матросъ, были у меня 3-хъ фунтовыя пушки; моя армія ночью охраняла домъ генералъ-губернатора. Чрезъ двое сутокъ, говоръ и шумъ въ народѣ успокоился.

Кстати разскажу. Тогда въ Иркутскѣ былъ полиціймейстеромъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ; онъ былъ полковни-

комъ колоновожатыхъ; извѣстно, что онъ былъ организаторомъ общества 14-го декабря, но послѣ отсталъ, когда общество измѣнило цѣль, духъ и направленіе. Онъ былъ сосланъ въ Якутскъ, не доѣхалъ—назначили въ Верхнеудинскъ; я уже засталъ его отличнымъ полиціймейстеромъ въ Иркутскѣ—хорошо ученый, вполнѣ честный человѣкъ; мы были очень дружны. Онъ хорошо фехтовалъ на рапирахъ, а я былъ ученикъ Севербрика—первый по корпусу. На гауптвахтѣ былъ и Муравьевъ; смотрю—глаза горятъ у моего друга и весь какъ-то возбужденъ! Я говорю ему тихонько: чтобы не дошло до катастрофы? Онъ быстро мнѣ сказалъ: «ничего, вы возьмите ружье, я возьму другое, станемъ спинами, насъ скоро не одолѣютъ; а потомъ, мы станемъ въ головѣ, можетъ, выйдетъ къ лучшему». Я тогда подумалъ: каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилкѣ.

Шумъ архіепископской катастрофы улегся; сначала интересовались, какъ поживаетъ и что̀ говоритъ Іериней, но скоро и забыли о немъ. Духовенство радовалось. Шаловливость моя тянула меня повидаться съ плѣненнымъ архіепископомъ и подиспутировать по знакомству, но запретилъ Лавинскій.

Наступила зима. Иркутскъ веселился. Кажется, не ошибаюсь, въ Николинъ день—балъ у генералъ-губернатора; я отличный танцоръ, изъ лучшихъ учениковъ Да-Росси и единственный въ Иркутскѣ съ густыми эполетами; только кончилъ французскую кадриль съ дочерью Лавинскаго, какъ онъ подозвалъ и быстро сказалъ: «иди внизъ, распорядись, да ни гу-гу!» Сбѣжавъ во флигель, нахожу—трое въ шубахъ, еще въ снѣгу—это были: жандармскій полковникъ Брянчаниновъ, флигель-адъютантъ Гогель и фельдъегерь капитанъ Иностранцевъ. Они пріѣхали весьма секретно. Я распорядился напоить и накормить ихъ. Они хотѣли знать объ Іеринеѣ, но зачѣмъ пріѣхали—молчали. Балъ продолжался своимъ чередомъ; для приличія, я явился на балъ; тамъ никто и не подозрѣвалъ, что есть секретные гости. Лавинскій украдкой сходилъ къ нимъ. Въ концѣ бала приказано всѣмъ подписавшимъ актъ явиться утромъ.

Утромъ, всѣ собрались къ генералъ-губернатору и отправились къ Іеринею. Много пришло въ комнаты архіепископа; онъ сидѣлъ въ креслѣ и не всталъ при входѣ генералъ-губернатора, который представилъ пріѣзжихъ. Флигель-адъютантъ подалъ за-

печатанный рескриптъ государя, который былъ показанъ Іерине́ю и въ которомъ повелѣвалось генералъ-губернатору: архіепископа Іеринея, по разстройству умственныхъ способностей, передать жандармскому полковнику Брянчанинову, для дальнѣйшихъ распоряженій. Привезли и указъ съ сургучною печатью. Іериней слушалъ и смотрѣлъ съ улыбкою, какъ будто видѣлъ забаву. Трудно было догадаться, что̀ думалъ Іериней. Фельдъегерь Иностранцевъ стоялъ у дверей; архіепископъ вдругъ спросилъ: «а ты кто такой?»—обращаясь къ Иностранцеву; тотъ назвалъ себя фельдъегеремъ. Іериней непритворно разсмѣялся: «а почему у тебя черное перо?» Обращаясь ко всѣмъ, сказалъ строго: «убирайтесь всѣ вонъ! я комедій не люблю, да и не умѣете наряжаться». Тогда Брянчаниновъ, громаднаго роста (вершковъ 11-ти), подошелъ къ Іерине́ю и что-то шепнулъ ему на ухо. Вдругъ перемѣнилась сцена: Іериней всталъ со смиреннымъ видомъ, сложилъ руки на груди, поцѣловалъ подпись государя на рескриптѣ и покорился безусловно.

Исторія съ султаномъ Иностранцева такая: дорогой, на перекладной, заготовляя лошадей, онъ потерялъ свой бѣлый султанъ; въ Иркутскѣ кавалеріи нѣтъ, онъ взялъ у армейскаго офицера черный султанъ.—Мы никто не замѣтили и были крайне удивлены, какъ обратилъ вниманіе Іериней на цвѣтъ султана.

Тѣмъ и кончилась исторія, въ свое время надѣлавшая такъ много шума—надобно принять въ соображеніе, въ какомъ отдаленномъ краѣ и какимъ элементомъ населенномъ краѣ, по русской пословицѣ: отъ копѣечной свѣчки Москва сгорѣла.

Экипажъ и всѣ удобства для путешествія Іеринея были готовы, Брянчаниновъ не медлилъ, Иностранцевъ полетѣлъ заготовлять лошадей. Разсказывали, что у кареты Брянчаниновъ самъ запиралъ дверцы на ключъ; на станціяхъ не позволялось подходить къ каретѣ. Чѣмъ же кончилъ Іериней? Я слышалъ, что онъ былъ помѣщенъ въ Прилуцкомъ монастырѣ (Вологодской губерніи) на обязанность дьячка, хотя не былъ лишенъ ни сана, ни орденовъ. Далѣе ничего не слышалъ.

Иностранцевъ, гостивъ у меня, много разсказывалъ исторій—странныя и трудныя иногда бываютъ порученія фельдъегерямъ! Да и молодчина же былъ Иностранцевъ.

Въ 1854 г. я держалъ въ южной Россіи почтовую станцію; тогда не было телеграфовъ. Фельдъегерь капитанъ—все таки капитанъ Иностранцевъ—мчался изъ Питера подъ. Силистрію съ повелѣніемъ ретироваться нашимъ войскамъ—тогда удивила своею неблагодарностью Австрія цѣлый міръ! Австрія вѣрна себѣ и до сего часа! За 1854 годъ сколько потеряла Австрія! Что-то будетъ теперь?

Въ 1854 году, встрѣтившись съ Иностранцевымъ, мы узнали другъ друга. Я удивился неустанной его фельдъегерской физикѣ, а онъ, глядя на меня, подивился—какъ швыряетъ судьба людей.

А вотъ одинъ изъ многихъ анекдотовъ, по поводу Иностранцева.

Императоръ Николай собирался выѣхать изъ Тулы; недавно выпалъ снѣгъ. Государь, незамѣтно для свиты, вышелъ по черной лѣстницѣ и крикнулъ: «№ 1-й, фельдъегерская!» Подкатилъ на санкахъ тройкою парень лѣтъ 20-ти. Государь сѣлъ въ сани и сказалъ: «пошелъ!»—Промчалась тройка верстъ пять, ямщикъ лихой, правитъ стоймя.—Сначала ямщикъ робко оглядывался, а потомъ сказалъ про себя: «вишь, ты не дерешься, добрый».—Погодя опять оглянулся: «ребята говорили, что ты больно дерешься, анъ ты смирный». Всю дорогу дивился ямщикъ, что государь не бьетъ его. Тройка была—Иностранцева. Свита сбилась съ ногъ—гдѣ государь? догадались и рѣшились ѣхать.

Государь говорилъ: «хорошо прокатиться подъ именемъ Иностранцева: я никогда такъ отлично не ѣздилъ». Это разсказывалъ мнѣ одинъ флигель-адъютантъ въ Кіевѣ.... .

Въ настоящемъ очеркѣ я довольно много говорилъ объ Александрѣ Степановичѣ Лавинскомъ; хочу нѣсколько съ нимъ познакомить моихъ читателей.—Послѣ Сперанскаго, сдѣланъ Лавинскій генералъ-губернаторомъ иркутскимъ, енисейскимъ (красноярскимъ) и якутскимъ и пробылъ, помнится, 14 лѣтъ.—Лавинскій былъ очень добрый человѣкъ, съ большимъ тактомъ главнаго администратора. Лавинскій все зналъ что́ дѣлается, на маленькія злоупотребленія онъ смотрѣлъ снисходительно, а большія останавливалъ тѣмъ, что давалъ знать стороною, что это дѣло ему извѣстно—и этого было довольно.—Какъ генералъ-губернаторъ, можетъ быть, онъ выскажется въ моихъ разсказахъ. Но кто же онъ?—Я вотъ что знаю: онъ незаконнорожденный сынъ Головина и Ланской; откинувъ отъ фамиліи отца слогъ Го и прибавивъ конецъ фамиліи матери—составилась

фамилія сына. Богатые родители дали ему состояніе. Лавинскій былъ неудачно женатъ—если не забылъ—на Закревской; имѣлъ одну дочь Елисавету, которую надобно было лечить въ Парижѣ; съ дочерью уѣхала и мать, тамъ перешла въ католицизмъ и дочь сдѣлала католичкой.—Императоръ Николай пожелалъ, чтобы Лавинскій жилъ съ женою. При мнѣ пріѣхали жена и дочь Лавинскаго; жена была нафанатизирована до крайности, она не могла видѣть православнаго безъ отвращенія!— Ей было устроено особое отдѣленіе въ домѣ, особая прислуга и экипажъ, была каплица и всенды. Дочь, лѣтъ 20-ти, почти не говорила по русски; отецъ очень любилъ ее и скоро сдѣлалъ православной.

Лавинскій не жилъ въ большомъ домѣ, тамъ давались только балы, а жилъ во флигелѣ при домѣ, въ три окна; въ нижнемъ этажѣ жилъ отецъ, а въ верхнемъ дочь. Бывало у генералъ-губернатора балъ, весь городъ веселится; среди бала, присылаетъ жена и требуетъ прекращенія бала—шумъ-де мѣшаетъ ей молиться. Александръ Степановичъ выслушаетъ, загнетъ русское непечатное слово—и продолжаютъ танцовать. Дочь сдѣлана фрейлиной. Лавинскій богатъ и въ милости... О службѣ своей онъ говорилъ мало.—Онъ былъ губернскимъ почтмейстеромъ въ Вильнѣ и это я знаю потому, что, когда онъ получилъ списокъ—чьи письма должны подпечатываться и прочитываться, Лавинскій мнѣ сказалъ: «я всегда разрѣзывалъ конвертъ и не читая посылалъ по адресу; скоро сдѣлались осторожны и «запретныхъ» писемъ не посылали».—Въ 1810 и 1811 годахъ, Лавинскій, если не ошибаюсь, былъ губернаторомъ въ Вильнѣ.—Поляки были преданы Наполеону и льстили Государю.—Устроили за городомъ балъ для рандеву съ красавицей Тизенгаузенъ [1]). Балъ, такъ потомъ болтали, былъ средствомъ предать Государя Наполеону.—Балъ въ разгарѣ. Государь одѣтъ по бальному—въ чулкахъ и башмакахъ—прекрасенъ и веселъ. «Мнѣ докладываютъ,—разсказывалъ Лавинскій,—что приближаются французы. Я доложилъ генералъ-губернатору, князю полуглухому (боюсь переврать фамилію—забылъ), онъ замоталъ головою и руками—нельзя, не смѣю. Докладываютъ другой, третій разъ, что французы близко. Я рѣшился прямо доложить государю. Вывелъ незамѣтно государя по черной лѣстницѣ.—Экипажей нѣтъ

[1]) См. «Записки Шуазель-Гуфье, рожденной Тизенгаузенъ», напечатанныя въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 579—632.

ни одного; я предложилъ государю мою англійскую верховую кобылу, накинулъ на государя свою бурку, провожалъ его одинъ казакъ». Бурку эту я видѣлъ въ 1822 году. Министръ двора кн. Волконскій, по приказанію государя, при отношеніи, съ благодарностію возвратилъ бурку; зеленой тафты подкладка изношена въ полосахъ. Лавинскій хранилъ и очень дорожилъ этой буркой.

Наполеонъ очень милостивъ былъ къ Лавинскому; если не ошибаюсь, А. С. оставался губернаторомъ при входѣ и выходѣ изъ Россіи французовъ; меня увѣряли, будто благодарные вилепцы поставили столбъ съ надписью въ память Лавинскому.—Но все, это передаю какъ слухи и росказни, ходившіе въ мое время, отнюдь не ручаясь за достовѣрность.

Въ 1832 году Лавинскій просился изъ Сибири, но получилъ рескриптъ, въ которомъ государь просилъ остаться и выразился такъ: «Если я и найду вамъ равнаго по достоинству, то гдѣ найду вамъ равнаго по опытности».—При этомъ табакерка съ портретомъ и брилліантами, тысячъ въ пятнадцать рублей. Александръ Степановичъ, показывая мнѣ рескриптъ и табакерку, съ неудовольствіемъ сказалъ: «вотъ такъ и держатъ въ ссылкѣ».—Ему хотѣлось въ Питеръ, для дочери.

Узнавъ изъ словъ Лавинскаго, что онъ броситъ должность, я, оставленный противъ воли и не желая быть въ Иркутскѣ безъ Лавинскаго, тихонько перепросился въ Кронштадтъ.—Мѣсяца черезъ четыре пріѣхалъ Лавинскій въ отпускъ; у него былъ свой домъ въ Коломнѣ. Я встрѣтилъ его и провожалъ во дворецъ; меня удивило, что онъ былъ въ вицъ-мундирѣ, безъ орденовъ, въ узкихъ панталонахъ, въ башмакахъ и безъ шпаги. Государь представилъ Лавинскаго государынѣ и при этомъ сказалъ: «вотъ кто охраняетъ насъ на востокѣ», а Лавинскому: «ну, что же ты не поцѣлуешь мою хозяйку?» государыня подала ему руку.

Возвратился Лавинскій не въ духѣ и сказалъ: «я объявилъ Бенкендорфу, что въ Сибирь не поѣду,—нѣмецъ стращаетъ гнѣвомъ Государя—пусть какъ хотятъ!»

Бенкендорфъ, пріѣзжая, долго уговаривалъ, но Лавинскій рѣшительно отказался.—Государь гнѣвался: Лавинскаго—въ сенатъ, но не надолго; скоро, а именно 1-го января 1836 г.—членомъ въ государственный совѣтъ; умеръ онъ въ 1844-мъ году—въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Лавинскій, оставшись въ Питерѣ, попалъ опять въ милость; однажды Государь говоритъ ему: «а, кажется, мы погорячились съ твоимъ архіереемъ (Іеринеемъ): оказывается, что онъ не столько виноватъ. Я хотѣлъ поговорить съ тобою подробно». Лавинскій былъ крайне удивленъ и нашелся только сказать: «Государь, объ этомъ происшествіи я представилъ актъ за подписью болѣе 100 чиновниковъ-свидѣтелей».—«Ахъ, правда, объ актѣ я и забылъ, то и говорить нечего, а мнѣ представляли это дѣло въ другомъ свѣтѣ». Вотъ какую силу и при какомъ государѣ имѣли представители чернаго духовенства.

Выше упомянуто, что къ Іеринею явился Голубевъ. Съ Лавинскимъ выѣхалъ и онъ съ женою. Лавинскій, желая опредѣлить Голубева въ Питерѣ, обращался во всѣ министерства; какъ только упоминалась фамилія Голубева—рѣшительный отказъ! Даже Канкринъ откровенно сказалъ: «батуска, Голубеву дать мѣсто не могу!» Такъ Голубевъ мѣста въ Питерѣ и не получилъ. Лавинскій вымолилъ у Канкрина для Голубева частное мѣсто, управляющимъ суконною фабрикою, кажется, въ Курской губерніи. Вотъ сила сторонниковъ смѣщеннаго Іеринея! Я слышалъ отъ Лавинскаго, что митрополитъ Филаретъ писалъ къ Іеринею: «Дай намъ средство смыть пятно съ имени святителей, помоги намъ своими объясненіями и указаніями; а врагамъ твоимъ мы сами найдемъ орудіе отмстить». Іериней отвѣчалъ: «Безумные вы! вы въ слабоуміи своемъ признали меня лишеннымъ умственныхъ способностей, чего же вы можете требовать отъ безумнаго? Безсильны вы».

Прочитавши объ Іеринеѣ, многіе подумаютъ, что онъ былъ сумасшедшій. Я, какъ личный и близкій свидѣтель, могу увѣрить своихъ читателей, что онъ дѣйствовалъ въ совершенно здравомъ умѣ. Честолюбіе и привычка властвовать осилили его, энергія и самонадѣянность тянули его къ полному господству въ краѣ; видя препятствіе въ гражданской власти, надѣясь на вліяніе своего сана, онъ задумалъ взволновать такой отдаленный край—а нравы ссыльныхъ, людей порочныхъ, давали ему надежду легко взволновать—потомъ, ставши въ головѣ волненія, усмирить и повергнуть покорныхъ государю. Вотъ его затѣя—не удалась, сорвалось! да мало ли сколько затѣй не удается. Э.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Примѣчаніе. Въ слѣдующемъ очеркѣ разсказану о пребываніи Сперанскаго въ Иркутскѣ въ 1818 году. Впослѣдствіи, если никто не помѣшаетъ, познакомлю читателей «Русской Старины» съ Дмитріемъ Гавриловичемъ Бибиковымъ. Былъ Бибиковъ и умеръ Бибиковъ—только! Бибиковъ былъ лѣтъ 16 генералъ-губернаторомъ югозападнаго края, былъ, можно сказать, владѣтельный герцогъ края, полный генералъ, генералъ-адъютантъ, членъ государственнаго совѣта, наконецъ, министръ внутреннихъ дѣлъ. Умеръ въ Дрезденѣ, безъ эксельбанта, безъ мундира, безъ пенсіи. Умеръ, какъ и слышалъ, на каменномъ полу, въ одиночествѣ! Кромѣ меня, едва ли кто его знаетъ и никто не узнаетъ, потому что послѣ него не осталось и не могло остаться ни одной строчки.

Не забуду, такъ разсказану о Бенкендорфѣ, о Паскевичѣ, о кн. Меншикове—какіе это все гиганты издали, но, увы, только издали, а подойди близенько..... Вотъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, тотъ и близко не теряетъ...

Не знаю я, какъ понимаютъ теперь Сенковскаго? а я и теперь его почитываю. Я былъ лично знакомъ съ нимъ и содѣйствовалъ къ напечатанію разсказа: «Большой выходъ у сатаны». Мой двоюродный братъ, Василій Семеновъ, тогда былъ цензоромъ и мы вмѣстѣ надули Бенкендорфа.

Я племянникъ Анны Петровны Буниной—десятая муза, и бывалъ на бесѣдахъ русскаго слова у Державина, помню его экспромтъ. Въ залѣ, въ два свѣта, неширокое мѣсто отдѣлено колоннами; въ этомъ отдѣленіи длинный столъ, нѣсколько литераторовъ за столомъ съ тетрадками; большое зало унизано около стѣнъ дамами. Вышелъ Державинъ чрезъ маленькую дверь прямо къ предсѣдательскому креслу, въ собольемъ опашнѣ, въ собольей высокой татарской шапкѣ; по лѣвую его сторону сидѣлъ гр. Д. Хвостовъ. Говорятъ, тогда Державинъ переводилъ Пиндара. Хвостовъ, скрипучимъ голосомъ къ Державину, который сѣлъ полуоборотомъ къ нему:

— Пиндаръ Романовичъ!

Державинъ не обернулся.

Хвостовъ повторилъ: «Пиндаръ Романовичъ!»

Державинъ, не оборачиваясь, на-распѣвъ сказалъ: «Хвосты есть у лисицъ, хвосты есть у волковъ, хвосты есть у кнутовъ—такъ берегись, Хвостовъ!» По большой залѣ прошелъ шопотъ и одна изъ присутствовавшихъ записала изреченіе маститаго поэта.

Э..... .....въ.

ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ

Э..... ....ВА

IV [1]).

Сперанскій и Трескинъ въ Иркутскѣ.

1819 г.

Въ концѣ 1817 года, приказъ главнаго командира Кронштадта вызвалъ лейтенанта и двухъ мичмановъ, желающихъ служить въ Охотскѣ. Что касается меня, я обдумалъ и рѣшилъ: въ Кронштадтѣ очень нехорошо, такъ много офицеровъ, чтобы попасть въ походъ, надобна протекція. Содержаніе слишкомъ бѣдно, жить едва можно. Можетъ быть, и въ Охотскѣ нехорошо; если я не найду тамъ лучшаго, то увижу новое—всетаки выигрываю! Эта посылка глубокаго и мудраго размышленія рѣшила: ѣду!

Узнаю, объявили желаніе до сорока человѣкъ! трудно надѣяться на счастье. У меня былъ дядя Бунинъ; тогда онъ былъ знаменитость во флотѣ, онъ всю службу былъ адъютантомъ адмирала Ханыкова и былъ дорогимъ другомъ—всего флота. О немъ современемъ разскажу, а теперь упомяну, что онъ единственный учредитель клуба въ Кронштадтѣ; клубъ, празднуя день своего учрежденія, и до сего времени не забываетъ выпить за здоровье Ивана Петровича Бунина. Жизнь въ Кронштадтѣ такъ была нехороша, что еслибъ была экспедиція въ адъ, то много бы нашлось охотниковъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 301—316; 616—632. Томъ XXIII, стр. 98—117.

Я обратился къ дядѣ, прося его содѣйствія. Оказались избранниками: я, товарищъ мой по выпуску Повалишинъ и лейтенантъ Вороновъ. Съ нами отправлялись 25 человѣкъ матросъ—тоже охотниковъ, да два пожилые штурмана—классическіе пьяницы.

Получа полугодовое жалованье и прогоны, въ началѣ лѣта пустились мы въ неизвѣстную тогда страну. Не было ни одного служащаго, возвратившагося изъ Охотска. Охотскъ, Камчатка—тогда были настоящія terra incognita. Для экономіи, мы купили большую повозку и умѣстились трое.

Описать наше долгое путешествіе—пришлось бы описать Россію 60 лѣтъ назадъ, но съ этимъ не совладать мнѣ; взглядъ, понятія юноши-моряка не были подготовлены къ тому. Могу сказать, что насъ вездѣ ласкали, по городамъ отлично кормили, чуть получше городъ—танцы, вездѣ упрашивали погостить. Не разъ я слышалъ на вечерахъ, какъ старухи говорили: «какіе молоденькіе, а за что-то ѣдутъ въ далекую ссылку». По три матроса ѣхали на подводѣ въ одну лошадь, а крестьяне давали каждому по парѣ и благодарили, если матросы сами правятъ: пора была рабочая. Крестьяне, узнавъ въ какую далекую сторону ѣдемъ, отказывались отъ прогонныхъ, кормили возможно лучшимъ образомъ и не припомню, чтобы хотя разъ согласились взять деньги; говорили: «такой далекій путь, вамъ, голубчики, придется нужду терпѣть; Христосъ съ вами, помоги вамъ Богъ, мы дома въ теплѣ». Кланялись, провожая, бабы совали матросамъ лепешки, яица, дарили полотенца, на рубашку. Добра и ласкова тогда была Россія!

Пріѣхали мы въ Омскъ. Знаю, теперь тамъ пребываніе генералъ-губернатора Западной Сибири, но таковъ ли Омскъ теперь—не знаю; разскажу каковъ онъ былъ тогда.

На рѣкѣ Омѣ и Иртышѣ, на краю киргизскихъ степей, была крѣпость съ очень высокимъ земляннымъ валомъ: это и былъ Омскъ. Въ крѣпости сосредоточивались всѣ управленія корпусной квартиры, всего сибирскаго войска; тутъ жилъ и корпусный командиръ Глазенапъ, который передъ нашимъ пріѣздомъ умеръ; его скромный домъ и былъ нашею квартирою. Комендантомъ былъ полковникъ Ивановъ; онъ и его семейство, можно сказать, были единственные вполнѣ цивилизованные люди по петербургски. Полковникъ Ивановъ всю свою службу былъ адъютантомъ при генералъ-губернаторахъ; онъ и семейство его были ласковы, при-

вѣтливы; въ первый же день, я сталъ другомъ его и его семьи Вмѣсто Глазенапа, управлялъ корпусомъ генералъ баронъ Клодъ фонъ-Югенсбургъ, уже пожилой, добрый, но страшный флегматикъ; я ему понравился, онъ самъ повелъ меня знакомить съ знаменитостями: генералъ-аудиторомъ, интендантомъ и проч.; онъ вводилъ меня даже въ комнаты дѣвицъ-дочерей. Каково же было мое удивленіе, когда я увидалъ, что всѣ комнатки дѣвицъ окнами на высоко огороженный дворъ; въ окнахъ толстыя желѣзныя рѣшетки, въ комнату одна только дверь изъ спальни родителей— вотъ настоящая Азія! Баронъ, вводя меня въ дѣвицамъ, надѣвалъ на глаза отломокъ желѣзки съ дырочкою—это, видите ли, былъ самъ амуръ! Въ первый же день, милый комендантъ жаловался, что въ крѣпости частые поджоги. Я спросилъ его, ѣздитъ ли онъ по карауламъ? Онъ пренаивно спросилъ: «за чѣмъ это?» Я объявилъ ему, что онъ можетъ попасть подъ судъ. Оказалось, что онъ не понималъ даже слова «рундъ». Я былъ мудрецомъ передъ нимъ. Совѣтовалъ ѣздить, объяснилъ порядки; онъ упросилъ меня поѣхать съ нимъ. Часовыхъ вездѣ много, но все дремлетъ, отставивъ ружье, и что же? мы нашли горѣвшую головешку очень недалеко отъ пороховаго магазина. Хотя опасности быть не могло и можно думать, что головешка была куда-то несена и брошена— заслышавъ шумъ. Комендантъ обнималъ и благодарилъ меня. Учредили патрули и поджоги прекратились. Такая патріархальность службы не могла не остаться у меня въ памяти. Форштадтъ при крѣпости былъ большой, тамъ жилъ атаманъ линейныхъ казаковъ Броневскій. На другой же день, онъ пригласилъ насъ на балъ. Молодыхъ дамъ и барышень было много, но кавалеровъ танцующихъ мало. Казацкихъ офицеровъ было много и на подборъ красавцы, стройные молодцы, любаго въ натурщики скульптору; комендантъ мнѣ сказалъ, что всѣ они хорошаго поведенія, но малограмотны и для общества не годятся; ихъ дѣлаютъ офицерами для красоты фронта. Я видѣлъ фронтъ казаковъ—это богатыри и красивы, что за люди, что за кони! Танцовали только экосезъ, да кругъ съ шеномъ и крестомъ. Въ первый же балъ, мы стали львами, научили матрадуръ, тампедъ, кадриль съ вальсомъ и даже котильонъ. Начались балъ за баломъ каждый день. Мы ввели, что мужчины не садятся ужинать, а ходятъ, занимая и служа дамамъ. Хорошенькихъ замѣчательно много. дамъ и дѣвицъ, молодыя, скоро

знакомятся. Хорошенькая барышня, развитѣе другихъ, особенно мнѣ нравилась; я уговорилъ ее сѣсть близко музыкантовъ и напѣвалъ ей, стоя за стуломъ. Она испуганно говоритъ: «отойдите, маменька грозится». Старуха, сухая, длинная, съ другаго конца стола, грозитъ сердито предлиннымъ пальцемъ. Я бросился къ старухѣ и притворился увѣреннымъ, что она звала меня пальцемъ. Старуха, чиновная, сконфузилась, увѣряла, что это она—Глафирѣ, но болѣе не грозила. Вотъ какая была Азія въ Омскѣ. Насъ просто не отпускали, насъ ласкали, матросъ кормили; но всему бываетъ конецъ; поѣхали, провожали насъ чуть ни всѣ. Верстахъ въ трехъ, спускаясь въ оврагъ, лошади понесли, повозка наша опрокинулась, мы разлетѣлись; но матросъ, сидѣвшій на козлахъ, оказался со сломанной ключицей. Судьба вернула насъ въ Омскъ. Опять праздники.—Не помню чрезъ сколько дней, ночью, бѣжалъ я отъ гнавшихся за мною двухъ солдатъ съ ружьями и кто-то кричалъ: «убей его, я отвѣчаю!» Бѣгать я не имѣлъ себѣ равнаго, солдатъ я не могъ бояться, я былъ переодѣтъ, меня не узнали; выбѣжалъ я на валъ и забавлялся надъ запыхавшимися солдатами, но пришлось плохо мнѣ: неожиданно на валу, изъ будки, вышелъ часовой навстрѣчу. Въ такомъ критическомъ положеніи, я рѣшился соскочить съ вала. Правда, въ корпусѣ, за булку, я много разъ скакалъ съ галлереи втораго этажа на дворъ, но это было не выше трехъ сажень, а валъ былъ высотою до пяти сажень. Разсуждать было некогда, я изъ ближайшей амбразуры, держась руками, спустился по валу, носками сапоговъ успѣлъ выбить ямки—всетаки уменьшилъ высоту вала. Подбѣжали солдаты; прочитавъ молитву, оттолкнулся и сдѣлалъ прыжокъ. Упалъ на ноги, песокъ, большая путаная трава, скоро опомнился—цѣлъ! Слышу, солдаты кричатъ: «тутъ тебѣ и карачунъ проклятому!» я всталъ и пошелъ, солдаты заговорили: «да это шайтанъ, бѣсъ!» Я обошелъ валъ, вошелъ въ ворота и легъ спать. Поутру говоръ въ Омскѣ: кто? какъ? что? и проч. Полагаю, никто не спроситъ, по какой причинѣ я попалъ въ такое происшествіе? Любовь, содержательница міра, душа чувствительныхъ сердецъ! Послѣ обѣда, комендантъ сказалъ мнѣ, что онъ все знаетъ. Запираться передъ другомъ не слѣдовало. «Вы забыли, что здѣсь Азія?»—Я думаю, что здѣсь Россія!—«Нѣтъ, здѣсь Азія, и я за вашу жизнь не ручаюсь».—Мнѣ кажется, вы увеличиваете.—«Нѣтъ, я знаю Омскъ. А вотъ что,

одно средство: вотъ вамъ курьерская подорожная до Иркутска, соберитесь скорѣй, поѣдемъ прогуляться за крѣпость, тамъ сядете на курьерскую, у меня все подготовлено. Съ семействомъ прощаться не нужно».

Такъ я и укатилъ изъ Омска одинъ. Въ Иркутскѣ получилъ отъ коменданта коротенькое письмо: «въ твоемъ тюфякѣ и въ сдѣланной вмѣсто тебя куклѣ, въ ту же ночь, сдѣлано пять ранъ ножами». Вотъ она, Азія! Надѣюсь, теперь Омскъ сталъ европейскимъ городомъ и желѣзныя рѣшетки улетучились.

Въ Иркутскѣ, прямо пріѣхалъ въ адмиралтейство; начальникомъ былъ лейтенантъ Кутыгинъ, холостой; онъ былъ старше меня лѣтъ на десять, личность уважаемая и любимая всѣмъ городомъ; онъ принялъ меня какъ родной и обращался со мною какъ съ сыномъ; видя во мнѣ мало-опытнаго юношу, онъ просто приказывалъ, что мнѣ дѣлать. Тогда во флотѣ былъ духъ: для флотскаго офицера былъ государь, потомъ адмиралъ, и больше старшаго начальства не было; все остальное, попавши на корабль, подчиняется командиру, хотя бы лейтенанту. Поэтому, когда Кутыгинъ предложилъ мнѣ явиться къ гражданскому губернатору Трескину, я находилъ это униженіемъ, но поѣхалъ.

Что такое былъ Трескинъ въ Иркутскѣ, теперь трудно разсказать, а еще труднѣе вѣрить. Николай Иванычъ Трескинъ былъ губернаторомъ 14 лѣтъ въ Иркутскѣ, но какимъ губернаторомъ? Теперь трудно имѣть понятіе. Въ текущемъ столѣтіи, называютъ властителемъ Наполеона I; по моему, онъ былъ неограниченная власть въ войскѣ—при успѣхѣ, а власть гражданская ограничивалась законами. Трескинъ и законы—были синонимы, болѣе: былъ только Трескинъ, а законы были далеко, далеко! По праздникамъ, Николай Иванычъ дозволялъ дамамъ цѣловать свою руку; изъ мужчинъ допускались къ рукѣ только старшіе чины и первогильдейцы. Всѣ дамы цѣловали ручки у его супруги и у дочерей. Разсказовъ о деспотической власти Трескина множество и едва вѣроятныхъ, но вѣрныхъ. Жалобы не доходили до Питера, а если рѣдкая и прорывалась, то для того, чтобы не повторяться.

13 лѣтъ былъ генералъ-губернаторомъ Пестель, былъ ли онъ въ Иркутскѣ—не знаю. Разсказывали, по какому случаю былъ

посланъ Сперанскій. Государь обѣдалъ у извѣстнаго тогда остряка Нарышкина; государь обратился къ Нарышкину: «графъ (онъ всегда называлъ графомъ), временемъ я чувствую необходимость въ очкахъ, но не рѣшаюсь». Нарышкинъ отвѣчалъ: «я знаю удивительныя очки!»—«У кого?» Нарышкинъ всталъ и, указывая рукою черезъ столъ, сказалъ: «в..о..н..ъ у Пестеля: онъ 13 лѣтъ живетъ здѣсь и видитъ все въ Сибири!» Говорятъ, эта шутка, а вѣроятнѣе жалобы, слухи—рѣшили послать пензенскаго губернатора Сперанскаго въ Сибирь генералъ-губернаторомъ. Когда я пріѣхалъ въ Иркутскъ, передо мною (29-го августа 1819 года) пріѣхалъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. Трескинъ все еще былъ нетронутый, цѣльный Трескинъ: онъ не вѣрилъ, что бы безъ него могла существовать Иркутская губернія.

Часовъ въ 9 утромъ, пріѣхалъ я къ Трескину. Большая прихожая полна служебнаго люда: два казацкихъ и два полицейскіе офицера, казаки, полицейскіе, да два дежурныхъ чиновника. Тишина. Вхожу въ большое зало—три печи и пять дверей. У глухой стѣны, на разъ назначенныхъ мѣстахъ, стоятъ чиновники съ бумагами; остававшіяся пустыя мѣста около печекъ подходящіе занимали; по видимому, каждый имѣлъ назначенное ему мѣсто. Тишина во всемъ домѣ совершенная, кажется, ни одинъ чиновникъ не пошевелилъ ногой. Я вошелъ и сѣлъ около окна и столика. Не могъ не замѣтить, что на меня значительно поглядывали чиновники; я полагалъ, что имъ въ диковинку чужой человѣкъ, да еще морякъ. Послѣ узналъ—ихъ изумляла моя дерзость, что я сѣлъ. Вошелъ молодчина кавалеристъ, это—комендантъ полковникъ Цейдлеръ съ рапортомъ, осмотрѣлся и сѣлъ около меня. Послѣ я узналъ, что комендантъ осмѣлился первый разъ сѣсть у Трескина и, вѣроятно, ему неловко было стоять, когда сидитъ юноша. Болѣе часу мы сидѣли и очень тихо говорили, а чиновники продолжали стоять, каменные. Замѣтилъ я, что комендантъ не сводитъ глазъ съ маленькой двери. Растворилась эта маленькая дверь, комендантъ быстро вскочилъ, а я заглядѣлся, да и было на что: представьте себѣ, въ отворенную дверь видѣнъ мраморную бѣлую статую! Это былъ его превосходительство губернаторъ Трескинъ. Какъ снѣгъ бѣлый колпакъ, изъ-подъ колпака длинные бѣлые волосы, рубашка съ стоячимъ воротникомъ, безъ галстука, какъ снѣгъ бѣлый халатъ, подпоясан-

ный бѣлымъ кушакомъ, изъ-подъ халата внизу видно нижнее бѣлье, чулки и мягкія туфли безъ задковъ. Трескинъ не шелъ, а двигался скользя туфлями. Минуя коменданта, который, рапортуя, называлъ ваше превосходительство, Трескинъ, не слушая, подошелъ прямо ко мнѣ:

— «А ты уже сѣлъ?»

— Съ дороги, ваше превосходительство.

— «Гдѣ ты учился?»

— У дьячка на мѣдныя деньги (Думаю: видишь мундиръ).

— «Сколько у тебя денегъ?»

— Императорское третное въ карманѣ.

Трескинъ взялъ меня за руку и вывелъ на средину залы; держитъ и говоритъ:

— «Не велика птичка, да носокъ остеръ!»

— Къ вашимъ услугамъ, ваше превосходительство.

— «Сколько у тебя душъ?»

— Одна своя, но прекрасная, имѣю честь рекомендовать.

Трескинъ обернулся къ чиновнику и сказалъ: «отведи его къ дѣтямъ».

Въ одну изъ дверей, я пошелъ за чиновникомъ; онъ передалъ меня лакею, который и привелъ меня къ дѣтямъ. Кажется, помню: три взрослыхъ дѣвицы: Юлія—совершенный монголъ, Софія—китайка, хоть на картинку чайнаго ящика: маленькая, нѣжная, съ мягкими движеніями, съ прекрасной кожей и китайскими глазками. Третьей не помню имени—русская. Каждая изъ нихъ сидѣла за пяльцами. Я поклонился, а онѣ и не взглянули; я молча осмотрѣлъ ихъ работы—молчатъ. Одна уронила клубокъ, я бросился поднимать, но, по кадетски, соразмѣрилъ стукнуться головой. «Какъ это вѣжливо!»—Вамъ не должно было безпокоиться, моя обязанность служить вамъ.—«Не нужны ваши услуги!» Думаю, врете, дѣвчаты. Хвалю работы—молчатъ. Критикую—молчатъ. Русская пошла въ комодъ, смотрю,—три перегородки ящика полнешеньки конфектъ. Я быстро и обѣими руками схватилъ по полной горсти; русская закричала: «это что? разбойникъ!» Сестры вскочили—за мной, я на софу, на столъ—въ дверяхъ молча стоитъ самъ Трескинъ и смотритъ съ недоумѣніемъ. Сестры жалуются на меня, я жалуюсь на дѣвицъ и, стоя на столѣ, ѣмъ конфекты. Трескинъ разхохотался и ушелъ, а мы помирились и познакомились. Мир-

но и весело наболтавшись съ дочерьми, пошелъ откланяться отцу; старикъ любезно приказалъ мнѣ обѣдать у него въ 2 часа.

До обѣда, я былъ у коменданта—прекрасная личность, доброе и почтенное нѣмецкое семейство; нѣсколько гостей, разговоръ шелъ о моемъ представленіи Трескину. Кто-то сказалъ мнѣ, что опасно шутить съ Трескинымъ. Я отвѣчалъ: Трескинъ не адмиралъ, мы съ нимъ равны, а попадетъ ко мнѣ на корабль, то будетъ подъ моей командой.

Послѣ я узналъ, что мое представленіе Трескину и разговоръ съ нимъ ходили по городу съ прибавленіями, а такой скандалъ у дочерей былъ невообразимъ для иркутянъ въ домѣ Трескина.

Въ два часа, за обѣдомъ, Трескинъ былъ въ томъ-же нарядѣ, въ какомъ дѣлалъ пріемъ. Кромѣ дѣтей, было человѣкъ пять немолодыхъ чиновниковъ; они были дѣйствующія лица безъ словъ и рѣчей. Я, какъ молодой, ѣлъ за двоихъ, а говорилъ со старикомъ и дочерьми—за всѣхъ. Помню, не упускалъ случая пошутить надъ его беззубою старостію, что очень забавляло его. Старикъ хотѣлъ знать всѣ подробности о фамильныхъ дѣлахъ моихъ, о службѣ, о причинѣ поѣздки, о будущихъ цѣляхъ. Я былъ откровененъ и болтливъ. Я старику понравился и онъ сказалъ: «глядя на него, я давно такъ не ѣлъ; приходи ко мнѣ, какъ можешь чаще, обѣдать». Послѣ обѣда, дочери пригласили къ себѣ и угощали на-славу сладкимъ. Зоветъ старикъ; онъ лежалъ въ кабинетѣ на софѣ, далъ мнѣ какую-то книгу: «читай». Какая-то нравственная скука, я началъ читать съ толкомъ, съ разстановкой. Старикъ вскочилъ: «ты не умѣешь лучше читать? Читай скорѣй!» Я замололъ какъ дьячекъ. Старикъ былъ доволенъ. Оказалось, что эта старая голова еще съ такимъ пылкимъ воображеніемъ, что, при медленномъ чтеніи, у него толпятся въ головѣ свои идеи и онъ не можетъ слѣдить за чтеніемъ внимательно. Безтолковое и быстрое мое чтеніе онъ очень хвалилъ.

Я не знаю, чѣмъ былъ прежде Трескинъ—не любопытствовалъ, но почему-то думается, что онъ давнишній чиновникъ Иркутска. Трескинъ, безъ сомнѣнія, былъ умный дѣлецъ, дѣятельность его была изумительна. Полиція, земскіе суды, палаты—онъ или его власть была все! Онъ зналъ все и распоряжался

всѣмъ; онъ зналъ подробно всю частную жизнь Иркутска. Трескинъ былъ деспотъ безграничный! Но мнѣ случилось прочитать немного бумагъ его въ Питеръ къ Пестелю: тамъ онъ скроменъ, добръ, скорбѣлъ о людскихъ слабостяхъ и тяготился обязанностію исправлять падшихъ. Трескинъ былъ страшный корыстолюбецъ, его считали въ десяткахъ милліоновъ, но удивительно то, что вообще мало жаловались на его взяточничество: это мнѣ объясняли тѣмъ, что онъ бралъ, но и умѣлъ дать средство наживать. Я не засталъ жены его живою, о ней тоже не переслушать разсказовъ. Если Трескинъ властвовалъ головою, она властвовала сердцемъ надъ всѣми мужчинами—безъ оппозиціи. Трескинъ въ дѣла жены не мѣшался. Послѣдняго ею избраннаго я хорошо зналъ, его звали Иванъ Ефимычъ Кузнецовъ, а весь Иркутскъ звалъ его королемъ. Дѣйствительно, это былъ рѣдкій красавецъ, его я сравнивалъ съ павлиномъ; говорилъ онъ очень дурно, грубо на о, уродливыхъ провинціализмовъ пропасть. Жена Трескина возвращалась съ королемъ Кузнецовымъ изъ-за Байкала; поѣхали кругомъ Байкала, дорога адская, такою и останется—гора на горѣ и очень высоки. На этотъ разъ, лошади понесли съ большой горы; губернаторша рѣшилась выскочить изъ кареты, попала платьемъ въ колеса и ее буквально разорвало. Король усидѣлъ и спасся.

Трескинъ, какъ медаль, имѣлъ двѣ стороны; сказавши объ одной, надобно сказать и о другой сторонѣ. Мнѣ казалось, Трескинъ не былъ золъ и жестокъ, но, какъ власть, былъ очень строгъ: всѣ полиціи были доведены до совершенства и за то въ Иркутской губерніи не было ни грабежей, ни воровства; я сотни примѣровъ слышалъ: проѣзжій, забывшій въ домѣ крестьянина кошелекъ, часы, бумаги, непремѣнно былъ догоняемъ и получалъ забытое. Дороги, мосты были превосходны, деревни чисты; судя по наружности домовъ, крестьяне были зажиточны; скота, лошадей много; пятнадцать, двадцать троекъ стояли при въѣздѣ въ деревню, платили четыре копѣйки на тройку за версту. Иркутскъ былъ очень опрятный городъ и много хорошихъ домовъ. О преступленіяхъ въ городѣ не было слышно.

12 лѣтъ спустя, я нашелъ: убійства, грабежи, воровство, шайки разбойниковъ близь города. Села, деревни по наружности очень обѣднѣли; если чего и не забудете, то у васъ укра-

дуть все, что можно; дороги, мосты очень дурны. Я объясняю такую разницу тѣмъ, что Трескинъ былъ законъ, а Лавинскій повиновался закону. Шесть или семь лѣтъ шайка грабила и убивала. Иванъ Яковлевичъ Козловъ (знакомый по солеваренному заводу) распорядился удачно поймать знаменитаго красавца и храбреца атамана Александрова, который поклялся убить Козлова. Атаманъ никогда не измѣнялъ данному слову. По жалобѣ Козлова, Лавинскій потребовалъ дѣло, ему привезли на двухъ возахъ. Лавинскій не пожалѣлъ русскихъ непечатныхъ словъ, а на послѣдней страницѣ написалъ: «Четырехъ главныхъ наказать кнутомъ нещадно». Артистъ-палачъ Буяновъ каждаго убилъ съ четырехъ ударовъ. Лавинскій получилъ строгій выговоръ и послѣдовало общее распоряженіе: въ приговорахъ, слово нещадно—не употреблять. При мнѣ и на моихъ глазахъ, въ теченіи четырехъ часовъ, въ городѣ Иркутскѣ, днемъ, убили: крестьянина, двухъ женщинъ и дѣвушку, послѣднюю—въ пяти шагахъ отъ меня, на главной улицѣ, человѣкъ—незнающій дѣвушки; но это особая исторія, я былъ слѣдователемъ по просьбѣ Лавинскаго. Когда нибудь разскажу объ этихъ убійствахъ. Вотъ какъ измѣнился цѣлый край—всего въ 12 только лѣтъ!

О Сперанскомъ въ Иркутскѣ мало что было слышно, онъ какъ будто ничего не дѣлалъ. Сперанскій занималъ домъ «короля» Кузнецова. Домъ деревянный, большой—оконъ въ 9, а, можетъ, въ 11, на восточномъ краю города, ближайшій къ адмиралтейству. На другой день послѣ Трескина, я явился Михаилу Михайловичу. Изъ прихожей, гдѣ были: казацкій офицеръ, казакъ и полицейскій солдатъ, вхожу въ большую залу—пестрая толпа: буряты, крестьяне, тунгусы. Сперанскій въ форменномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы; онъ говорилъ съ крестьяниномъ, а чиновникъ записывалъ. Только я вошелъ, Сперанскій обратился ко мнѣ, и когда я назвалъ себя, онъ спросилъ:

— «Давно пріѣхали?»

— Только вчера.

— «Куда ѣдете?»

— Въ Охотскъ.

— «Одни?»

— Съ командой, она еще не прибыла.

— «Повеселитесь здѣсь, въ Охотскѣ соскучитесь».

Поклонъ. Разница съ Трескинымъ и въ обстановкѣ и въ пріемѣ.

Портретовъ Сперанскаго очень много и всѣ похожи, только я не видалъ ни одного портрета съ глазами Сперанскаго: есть предметы недоступные для живописи! Такихъ глазъ, какъ у Сперанскаго, я другихъ не встрѣчалъ, не возьмусь и приблизительно описать ихъ. Могу сказать только: глаза Сперанскаго я ни разу не видалъ измѣняющимися—всегда, постоянно тихіе, спокойны, ласковы; они не прищурены, но и не открыты, не вызывающіе и не уклоняющіеся—умъ, душа и сердце помѣстились въ этихъ глазахъ! Живопись безсильна! Увѣренъ, что со смертію этихъ глазъ, другихъ такихъ глазъ не осталось; не видавшіе выраженія глазъ Сперанскаго—не составятъ себѣ понятія о прелести оригинальнаго выраженія ихъ! Сперанскій былъ выше средняго роста, сухощавъ, правильно сложенъ. Оригинальный, голый, большой черепъ—очень къ нему шелъ. Правильныя черты всегда покойнаго, добраго лица были привлекательны, голосъ тихій—будто подъ сурдинкой, говорилъ медленно и, казалось, всегда откровенно. Говорилъ мало, будто по необходимости; смѣха не слыхалъ, а улыбка—весьма часто, всегда скромная, очень пріятная. При такой особѣ, провинціальные чины закутывались въ молчаніе, а пріѣхавшіе съ нимъ, знавшіе его добрую снисходительность—болтали, шутили не стѣсняясь, какъ-бы въ его отсутствіе; онъ даже любилъ говорливость другихъ за обѣдомъ, но безъ его участія въ разговорѣ.

День Сперанскаго былъ расчитанъ по табели—не отступая. Утро просителямъ, не много работы, заданной канцеляріи съ вечера, долгая прогулка на открытомъ воздухѣ. Сколько разъ встрѣчалъ я его одного въ—20°,—25° R.: холодная поношеная шинель, на голой головѣ сафьянный черный картузъ, вверху четыреугольный—настоящая конфедератка: Картузъ на шелковой подкладкѣ—и ему не холодно! Ходилъ тихо, размѣренно—какъ говорилъ. Прогулка—недалеко отъ дома и на небольшомъ пространствѣ. Сперанскій никогда не отказывался отъ приглашенія на обѣдъ; тогда онъ былъ въ мундирномъ фракѣ. Орденовъ на немъ никогда не видалъ. Званные обѣды были очень часты и часто я обѣдалъ вмѣстѣ.

Первый обѣдъ, на которомъ я былъ съ Сперанскимъ—это парадный обѣдъ у Трескина; на этомъ обѣдѣ я видѣлъ Сперанскаго въ мундирѣ и въ бѣлыхъ брюкахъ съ золотыми лампасами—только одинъ разъ и видѣлъ Сперанскаго въ мундирѣ. Даже самъ Николай Ивановичъ Трескинъ былъ въ мѣшковатомъ вице-мундирѣ. Манеры Сперанскаго на обѣдѣ были тѣ же, что и на обѣдѣ у купца. Послѣ обѣда Сперанскій вынулъ золотую коробку въ родѣ папиросницы, досталъ изъ нея черную пилюлю и проглотилъ—это было въ гостиной. Недолгая бесѣда послѣ обѣда и если есть дамы, то преимущественно съ дамами, и уѣзжалъ. Послѣ обѣда немного чтенія, въ сумерки ходилъ по залѣ до темноти. При огнѣ принимался за бумаги и, кажется, это время было временемъ усиленной работы. Въ праздники, купцы давали балы въ домѣ ратуши. Сперанскій постоянно посѣщалъ, говорилъ съ дамами, кажется, особенно отличалъ жену коменданта Лунду Ивановну и жену полковника Нараевскаго Наталію Карповну; послѣдняя была красавица. Я, товарищъ мой Повалишинъ, племянникъ Сперанскаго Вейкартъ и какой-то чиновникъ постоянно составляли кадриль. Сперанскій постоянно смотрѣлъ на нашъ танецъ и, кажется, его занимала наша молодая рѣзвость. Тѣмъ и оканчивался его балъ.

Разсказовъ по городу ходило множество о Сперанскомъ; каждое его слово, кажется, каждое его движеніе замѣчалось и повторялось въ публикѣ. Терпѣніе его съ просителями было неистощимо. Однажды, надѣлало много говору: монголъ-бурятъ жаловался, что исправникъ Волошинъ вызвалъ его въ Иркутскъ, въ его отсутствіе забрались въ его юрту волки и собаки, утащили говядину и боговъ. Просилъ взыскать съ исправника убытки. Сперанскій отказалъ. Бурятъ пришелъ другой разъ съ той же просьбой—получилъ отказъ. Пришелъ третій разъ. Сперанскій назвалъ его глупымъ и приказалъ вывести. Это происшествіе сильно удивило всѣхъ, говору было много! Изъ этого можно заключить, какимъ терпѣніемъ обладалъ Сперанскій.

Иркутскъ зналъ, что Сперанскій сказалъ, гдѣ былъ—малѣйшія подробности не ускользали отъ общества, но не было ни одного слова о томъ, что дѣлалъ въ кабинетѣ и дѣлалъ ли что нибудь, готовилось-ли, или не готовилось въ будущемъ для Сибири? Это будущее было непроницаемо, не было даже догадокъ. Три

секретаря Сперанскаго были люди бойкіе, не отказывались отъ удовольствія и даже очень, но о дѣлахъ ни полслова! Всѣ знали, что Цейеръ—правая рука Сперанскаго по бумагамъ. Цейеръ, маленькаго роста, сухенькой, съ большимъ носомъ, въ очкахъ, съ торопливою походкою—не ручаюсь есть ли у него голосъ? Часто видѣлъ его, но положительно не помню, чтобы онъ выговорилъ хотя одно слово. Цейеръ, статскій совѣтникъ, вѣчно съ бумагами подъ мышкою и бѣжитъ, либо къ Сперанскому, либо отъ него. На обѣдахъ, балахъ, Цейеръ почти не бывалъ. Былъ и правитель канцеляріи (Иванъ Ивановичъ Шкларевскій), но всѣ знали, что онъ носитъ только званіе; Сперанскій не употреблялъ его. Сперанскій былъ чрезвычайно доступенъ, но нельзя было не замѣтить—служащіе при немъ были совершенно свободны внѣ службы, но никогда ни одинъ не приближался къ нему.

На одномъ изъ обѣдовъ, мнѣ пришлось сѣсть противъ капитана путей сообщенія; онъ спросилъ меня:

— «По какой причинѣ морская служба называется смоленая?»

— По той же, по которой служба на канавахъ называется—грязная служба.

— «Вы ходили въ морѣ?»

— Да, я четыре лѣта служилъ на корабляхъ.

— «Вы такъ рано начали службу походами?»

— Мы всѣ привыкаемъ смолоду.

— «Скучная ваша служба?»

— Почему такъ? это неправда, мы всѣ любимъ быть въ морѣ.

— «На корабляхъ не бываетъ дамъ?»

— Не бываетъ. Онѣ только бы мѣшали, на кораблѣ для нихъ нѣтъ времени и мѣста.

— «Признайтесь, первый походъ былъ для васъ страшенъ?»

— Можетъ быть, бываютъ трусы, но такіе переходятъ въ другія службы; изъ моихъ товарищей перешли двое въ вѣдомство путей сообщенія, ихъ никто не держитъ.

— «Моряки очень серьезны и строги».

— Моряки никогда никого не затрогиваютъ.

Это было недалеко отъ Сперанскаго; я на концѣ непріятнаго разговора замѣтилъ, что онъ внимательно слушаетъ и улыбается; я прекратилъ отвѣчать, считая продолжать неприличнымъ.

Послѣ обѣда, капитанъ подошелъ ко мнѣ и рекомендовался: Гаврило Степанычъ Батенковъ. Я сказалъ о себѣ.

— «Извините, я, можетъ быть, сказалъ вамъ что нибудь непріятное?»

— Извините, я отвѣчалъ вамъ какъ умѣлъ.

Онъ взялъ меня за руки, просилъ быть знакомымъ.

— «А на счетъ разговора прошу васъ, не стѣсняйтесь, браните меня сколько угодно; кромѣ благодарности, отъ меня ничего не будетъ. Михаилъ Михайловичъ очень любитъ когда я говорю за обѣдомъ, а эти господа (указывая на иркутскихъ чиновниковъ) всякою малостью обижаются, говорить съ ними невозможно. Вы такъ добры и умны, дали мнѣ возможность поддержать разговоръ. Надѣюсь, мы будемъ пріятелями, будемъ садиться противъ и вы выведете меня изъ затрудненія».

На другой день, Батенковъ пріѣзжалъ ко мнѣ, потомъ я бывалъ у него очень часто. Мы подружились.

Батенковъ былъ довольно большаго роста, сухощавъ, брюнетъ, съ золотыми очками, по близорукости; въ фигурѣ его ничего не было замѣчательнаго, но ротъ и устройство губъ поражали своею особенностію. Губы его не выражали ни злости, ни улыбки, но такъ и ожидаешь—вотъ-вотъ услышишь насмѣшку, сарказмъ. Даръ говорить о чемъ угодно занимательно, весело, и говорить цѣлые часы—эта способность была изумительна! Готовность его на отвѣты и возраженія не имѣла равнаго. Батенковъ былъ незлобиваго, добрѣйшаго сердца. Ученость его была замѣчательна, онъ очень легко и много писалъ стиховъ; я много читалъ его басень, но и тутъ—только сатира и сарказмъ, болѣе на извѣстныя лица и нравы. О Батенковѣ я знаю только изъ случайныхъ его разсказовъ; онъ началъ службу въ артиллеріи. Въ 1812-мъ году, ему съ товарищемъ дали по двѣ пушки, приказали защищать мостъ и не уходить.

— «Мы стрѣляли, французы валились; мы стрѣляли, а французы падали и приближались; французы были близко; товарищъ, чтобы спасти пушки, отъѣхалъ; у меня оставались только два канонира, я самъ приложилъ фитиль и отъ удара упалъ; меня проходящіе французы кололи, но мнѣ не было больно, но когда штыкъ попалъ мнѣ подъ чашку колѣна, я потерялъ память. Очнулся я въ палаткѣ, лежатъ раненые французы: я былъ въ плѣну.

Вмѣстѣ съ другими, я былъ отправленъ на югъ Франціи, гдѣ и вылечился отъ 18-ти ранъ. Когда наши взяли Парижъ и мы, плѣнные, получили свободу, я явился въ главный штабъ. Тамъ мнѣ сказали, что Батеньковъ убитъ и исключенъ изъ списковъ, требовали документовъ. Какіе документы я могъ представить? Я назвалъ батарею, въ которой служилъ; нашлось только два канонира, которые остались живы; узнавъ меня, засвидѣтельствовали, что я ихъ поручикъ».

— А что было съ вашимъ ушедшимъ товарищемъ?

— «Кутузовъ смотрѣлъ въ трубу съ холма; товарища судили и приговорили за ослушаніе разстрѣлять. Кутузовъ разжаловалъ его въ солдаты, онъ убитъ».

— Какъ же вы попали въ путей сообщенія?

— «Раны меня безпокоили въ ненастье, да и надоѣла мнѣ фронтовая служба; я написалъ въ управленіе путей сообщенія: если желаютъ имѣть хорошаго офицера, то я согласенъ служить».

— Будто бы такъ и написали?

— «Право такъ, у насъ въ Россіи худо просить, искать; иди законнымъ порядкомъ—тысячи затрудненій, проволочки».

— Ну, а какъ же сюда попали?

— «Хотѣлось посмотрѣть Сибирь. Сперанскій, познакомившись, вмѣсто моей обязанности, далъ мнѣ работу: составить новое положеніе о ссыльныхъ. Много собралъ свѣдѣній—путаницы, противорѣчій пропасть; надобно прежде привести къ одному знаменателю и потомъ составить что нибудь цѣлое».

Я съ Батеньковымъ каждый день становился дружнѣе; за обѣдами онъ вострился надо мною; если удавалось, и я платилъ ему тѣмъ же. Въ то время и до сего часа, я имѣю природное отвращеніе ко всякому вину; за здоровье Сперанскаго, вмѣсто шампанскаго, я пилъ превосходный медъ; отъ двухъ бокаловъ меда выходилъ изъ-за стола красненькій. Это замѣчалъ Сперанскій; видя мою дружбу съ Батеньковымъ, разъ говоритъ ему:

— Пріятель вашъ молодошка-морякъ, можетъ быть, неглупый юноша, но что значитъ среда: такъ молодъ, а уже становится пьяницей.

Батеньковъ расхохотался и сказалъ: «вотъ какъ иногда высокостоящіе дѣлаютъ ошибочныя заключенія о маленькихъ. Мой пріятель-морякъ еще въ жизни не пробовалъ никакого вина,

онъ и за ваше здоровье пьетъ медъ, а не шампанское, а что онъ краснѣетъ—виновата юность».

Сперанскій смѣялся надъ своею ошибкою и добавилъ, что онъ желалъ бы почаще сознаваться въ такихъ ошибкахъ.

Батенковъ былъ старше меня лѣтъ на десять, но онъ такъ былъ уменъ и умѣлъ сдѣлать, что я не чувствовалъ этой разницы. Однажды, въ сумерки, между интересными его разсказами, онъ сказалъ мнѣ, что у нихъ есть кагалъ, что у нихъ ходятъ свои почты и что всѣхъ своихъ членовъ кагала они имѣютъ средства быстро двигать къ повышенію по службѣ. «Хочешь, я запишу тебя въ члены?»

— Какая цѣль кагала?

— «Этого я не могу сказать тебѣ: это тайна!»

Я не думавши отвѣчалъ: По моему, Гаврило Степанычъ, гдѣ тайна, тамъ—нечисто!

Мы болѣе не говорили объ этомъ. Я теперь ясно помню: я отвѣчалъ Батенкову безъ всякаго сознательнаго намѣренія, вовсе не обдумавъ. Это время было щегольство фразъ и готовности резонно отвѣчать противорѣча. Въ послѣдствіи оказалось, что 1819-го года называвшійся кагалъ—послѣ было общество 14-го декабря! Не сорвись тогда съ языка глупая фраза, попади я въ списокъ—другимъ бы путемъ пошла вся жизнь моя! Батенковъ не желалъ мнѣ сдѣлать зла, онъ желалъ сдѣлать мнѣ добро, потому что самъ былъ членомъ сильнаго кагала.

Послѣ разговоровъ моихъ съ Сперанскимъ, о чемъ потомъ разскажу, буду продолжать о Батенковѣ что только знаю о немъ. Сперанскій, черезъ Батенкова, предложилъ мнѣ перейти служить къ нему; вотъ слова Сперанскаго:

— «Скажите ему, пусть лучше начинаетъ служить съ головы! Жизнь въ дикой сторонѣ, безъ общества, можетъ очерствить его».

Я отвѣчалъ, что я только и знаю морскую науку, для нея только учился семь лѣтъ и увѣренъ, что я недурной морской офицеръ. Штатская служба мнѣ неизвѣстна; мнѣ надобно учиться вновь—поздно, можетъ быть, и не выучусь; отъ флота отстану, а къ штатскимъ не пристану; кромѣ того, я страстно люблю морскую жизнь. Пусть будетъ какъ будетъ! Благодарю и вѣчно не

забуду милостиваго вниманія ко мнѣ Михаила Михайловича—остаюсь во флотѣ! Хорошо ли я сдѣлалъ, худо ли—не знаю!

Судьба послѣ запрягла меня въ штатскую—совладалъ!

Пришло время ѣхать изъ Иркутска; прощаясь съ Батенковымъ, онъ съ большимъ чувствомъ проводилъ меня, взялъ съ меня слово писать къ нему по пріѣздѣ въ Охотскъ и что я найду тамъ, что я и исполнилъ. Батенковъ писалъ ко мнѣ прекрасныя письма, полныя веселости, какъ будто хотѣлъ утѣшить меня въ дикомъ одиночествѣ. Помню одно письмо изъ Питера: онъ просилъ меня наблюсти и точно объяснить: когда прибываетъ другая вода въ рѣку, то вливается она по дну или по поверхности? Наблюсти было легко тамъ, гдѣ каждыя сутки морской приливъ возвышаетъ воду въ рѣкѣ отъ 10-ти до 12-ти футъ. Я получилъ отъ Батенкова писемъ пять и отвѣчалъ. Когда же дошло до насъ извѣстіе о катастрофѣ 14-го декабря, я вспомнилъ о кагалѣ и не сомнѣвался, что это одно и то же тайное общество; очень боялся за свои письма, хотя тамъ и тѣни не было преступныхъ идей, но въ такихъ случаяхъ во всемъ вина. Читая слѣдствіе и судъ, я успокоился: вѣроятно, Батенковъ уничтожилъ всѣ бумаги.

Будучи начальникомъ адмиралтейства въ Иркутскѣ, я употребилъ возможное стараніе узнать гдѣ Батенковъ? Въ Восточной Сибири его не было. Нашелъ случай навести справки въ Западной—и тамъ не было моего Гаврилы!

Въ 1819 году, въ Иркутскѣ, были особенно дружны: Батенковъ, докторъ Вальтеръ и Гедельштромъ. О послѣднемъ послѣ. Между сказанными друзьями, если я не былъ другомъ существительнымъ, то хотя прилагательнымъ, но всетаки былъ очень близкимъ.

Чтобы не забыть: Батенковъ не употреблялъ табаку, не игралъ въ карты и почти не пилъ вина.

Въ 1832 году, является ко мнѣ изъ Питера Гедельштромъ. Матвѣй Матвѣичъ! какими судьбами? Оказалось, что онъ пріѣхалъ при жандармскомъ полковникѣ Кильченскомъ, которому поручено было составить статистику всей Сибири. Говоря между нами, ловкій полковникъ составить никакой статистики не могъ, для того и взялъ ученаго Гедельштрома, а самъ исполнялъ другое порученіе. Но это къ разсказу не идетъ. Дѣло было къ обѣду.

Гедельштромъ любилъ выпить, даже и очень; я угостилъ его препорядочно любимой его наливкой съ облѣпихой. Послѣ обѣда, въ гостиной, я упросилъ его разсказать мнѣ подробно, что онъ знаетъ о нашемъ дорогомъ Гаврилѣ? Гедельштромъ приказалъ мнѣ запереть двери гостиной и сосѣднихъ комнатъ, и вотъ что разсказалъ:

— «Послѣ 14-го декабря, Батеньковъ оставался недѣли двѣ на свободѣ. Былъ онъ на вечерѣ у вагенмейстера Соломки, стоялъ въ залѣ опершись у стола; гдѣ бы ни былъ Гаврило, его всегда окружала толпа слушателей. Сказали: пріѣхалъ фельдъегерь! Батеньковъ спокойнымъ голосомъ сказалъ: «господа, прощайте, это за мной!» Фельдъегерь увезъ Батенькова. Я зналъ, что Гаврило посаженъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ видѣться съ нимъ не было средствъ. Узнаю, что Гаврило въ казематѣ Петропавловской крѣпости. Мнѣ очень хотѣлось повидаться съ Гаврилой, такъ хотѣлось, что я покоя не зналъ. Какъ ни обдумывалъ, видѣлъ одну невозможность. Подружился я съ капитаномъ Преображенскаго полка; онъ съ ротою ходилъ карауломъ въ крѣпость. Въ минуты откровенности, я высказалъ ему страстное свое желаніе повидаться съ Гаврилой. Долго мы судили и рядили—средствъ не находилось. Придумалъ я—хоть бы побывать въ крѣпости, все ближе къ цѣли. Капитанъ предложилъ взять меня деньщикомъ, я охотно согласился. Но до цѣли далеко! Однажды, шутя проектировалъ капитанъ: «вотъ бы тебѣ одѣться преображенскимъ солдатомъ, стать бы тебѣ на часы въ коридоръ казематовъ, ты могъ бы видѣться цѣлый часъ». Отъ шутливаго предложенія дошло до осуществленія. Добрый капитанъ рѣшился, а я радъ пуститься на все!—лишь повидаться. Приготовилъ я себѣ солдатскій мундиръ, обстригся и въ одинъ изъ карауловъ капитана пошелъ съ нимъ деньщикомъ. Около полночи, я былъ солдатомъ и лежалъ между спящими солдатами. По крику унтера: смѣна внутреннихъ! я взялъ ружье и сталъ съ другими».

Я взглянулъ на Гедельштрома и, видя пожилаго и порядочно полнаго мужчину, не могъ безъ смѣха вообразить его солдатомъ.

— Да какъ же не узналъ васъ унтеръ?

— «Въ караульномъ домѣ полусвѣтъ отъ закопченной лампы, да и все сонное, только проснулись. Привели меня въ длинный коридоръ, тоже не ярко освѣщенный. Порядку смѣны часоваго

научилъ капитанъ, сталъ я на часы. Ружье къ стѣнѣ, дверей нѣсколько, но въ которыхъ Гаврило? Въ каждой двери стеклышко, закрытое снаружи, двери заперты крѣпкими засовами и аружи. Поднимаю закрышку стекла, внутри ночникъ освѣщалъ казематъ. Въ одномъ казематѣ, вижу сидитъ на кровати высокій, тонкій, сѣдой—не Гавриила ли? отодвинулъ засовъ, отворилъ и спросилъ: Гаврило?

Всталъ сухой старикъ и, вмѣсто отвѣта, спросилъ: «кто теперь на престолѣ царствуетъ?»

Я отвѣчалъ: Николай.

— «Чей сынъ?»

— Внукъ Екатерины, сынъ Павла. А вы кто?

— «Я Шушеринъ».

«Я заперъ казематъ и нашелъ Гаврилу. Мы обнялись, говорили вмѣстѣ, Гаврило разсказалъ: «Въ Шлиссельбургѣ было несносно. Удалось написать къ моей невѣстѣ, приказалъ чертенку сходить къ Сперанскому и просить о переводѣ меня въ Петропавловскую крѣпость. Перевели—по болѣзни. Я написалъ письмо къ государю—полное раскаянія, и просилъ помилованія. Заболѣлъ я нервной горячкой. Пріѣзжалъ штабъ-докторъ. Пришелъ въ себя и чувствую приближеніе смерти. Гадко мнѣ показалось, что я малодушно лгалъ, просилъ прощенія и раскаявался. Я потребовалъ священника и продиктовалъ, что я не хочу умереть и унести съ собою подлую ложь. Раскаяніе и просьба о прощеніи—ложь! пусть не вѣритъ государь, никто изъ нашихъ виновныхъ не попроситъ прощенія, а если и будетъ прощенъ, то не отстанетъ отъ начатаго дѣла.—Я выздоровѣлъ и остался на-вѣчно живымъ въ этомъ гробѣ! Найди мою невѣсту, она въ нуждѣ, помоги ей, сколько можешь. Я притворился сумасшедшимъ, думалъ попаду въ сумасшедшій домъ, тамъ всетаки люди». Заслышали хлопнувшія двери: это смѣна. Простились, поплакали, заперъ казематъ и взялъ ружье, смѣнился. Повторить было невозможно, капитанъ увѣрялъ, что онъ много выстрадалъ въ этотъ часъ. Нашелъ бывшую невѣсту Гаврилы, она ....., жила безъ нужды; я подарилъ ей 100 руб. отъ имени Гаврилы; она очень плакала, вспоминая о Гаврилѣ».

— Гдѣ она живетъ?

— «Въ Конюшенной».

Передаю разсказъ Гедельштрома дословно; есть невѣроятное, но это остается на его совѣсти.

Бывшую невѣсту Батенкова, въ 1833 году, нашелъ и я; она еще была недурна ..... О Батенковѣ наговориться не могла; она любила его и никого болѣе не любила; были женихи—отказала. Бывшая невѣста Батенкова разсказывала, что Сперанскій принадлежалъ къ обществу 14-го декабря и боялся показаній Батенкова; она нѣсколько разъ была посылана въ казематъ къ Батенкову съ обнадеживаніемъ, что дѣло принимаетъ хорошій оборотъ. Какъ же васъ пропускали?—«Какъ скажу: отъ Сперанскаго, то крѣпостной офицеръ и проведетъ». Эта дѣвушка замѣтно была съ хорошимъ образованіемъ, очень жива, вѣроятно, потому Батенковъ и называлъ ее чертенкомъ.

Гораздо позже я слышалъ подтвержденіе разсказа Гедельштрома о просьбѣ Батенкова съ раскаяніемъ и потомъ объ исповѣди.

Разсказывали мнѣ еще, что когда, по приговору суда, Батенковъ долженъ былъ быть сосланъ въ каторжную работу въ Сибирь, что будто бы Сперанскій входилъ съ докладомъ, что Батенковъ понесетъ двойное наказаніе, потому что въ Сибири извѣстно всѣмъ, что Батенковъ составлялъ положеніе о ссыльныхъ. Что будто бы по этому докладу и сдѣлано для Батенкова исключеніе: вмѣсто Сибири—въ казематъ крѣпости.

Вотъ, кажется, все, что я знаю о Батенковѣ, но ручаюсь только за то, гдѣ лично участвовалъ, а остальное—за что купилъ, за то и продаю.

Сперанскій въ Иркутскѣ все продолжалъ «ничего не дѣлать», но не замѣтно, какъ-то постепенно и тихо, Трескинъ—все еще губернаторъ, но отошелъ на второй планъ. Я не любилъ Трескина и его дочерей, да и было что любить получше.

Сижу одинъ въ адмиралтействѣ; передъ сумерками, является казацкій офицеръ: пожалуйте къ генералъ-губернатору! Одѣлся въ полную форму. Вхожу въ залъ. Михаилъ Михайловичъ стоитъ у косяка окна и читаетъ книжку въ $^1/_{16}$ листа. Увидавъ меня, спросилъ:

— «Что вы такъ примундирились?»

— Къ вашему высокопревосходительству.

— «Посланный, вѣрно, васъ позвалъ къ генералъ-губернатору?»

— Точно такъ-съ.

— «Они не понимаютъ: я приказалъ пригласить васъ къ Михаилу Михайловичу: прошу различать, можете приходить въ сюртучкѣ, мнѣ хотѣлось побесѣдовать съ вами; снимите вашу саблю, положите шляпу и походимте. Вы, конечно, воспитанникъ Морскаго корпуса?»

— Точно такъ, морскихъ офицеровъ изъ другихъ заведеній нѣтъ.

— «Да, я это знаю. Вашъ главный курсъ астрономія?»

— Учебный курсъ очень разнообразенъ, но главный — математика.

— «У васъ система Коперника?»

— Дѣйствительно такъ, но съ послѣдующими развитіями: Галилея, Кеплера, Ньютона и другихъ.

— «Скажите мнѣ, довольны вы этой системой?»

Я взглянулъ на Сперанскаго и подумалъ: шутишь, баринъ! или подурачить хочешь?

Сперанскій, замѣтивъ мое молчаніе, сказалъ:

— «Пожалуйста не стѣсняйтесь, прошу, выскажите свои мысли откровенно!»

Я рѣшился на шутку отвѣчать шуткою. Сперанскій такъ былъ привѣтливъ, какъ будто ободрялъ меня.

— Курсъ астрономіи вамъ извѣстенъ; конечно, извѣстно вамъ и то, что вычисленія наши не имѣютъ разницы, если мы принимаемъ, что движется солнце и стоитъ земля и обратно: вотъ уже первое сомнѣніе въ совершенствѣ системы міра. Я не вполнѣ доволенъ.

— «Такъ вы имѣете свою систему?»

— Да, я думаю, должно быть иначе.

— «Право, пожалуйста, объясните ваши мысли».

— Солнце, какъ центръ нашей планетной системы, признано за тѣло, дающее свѣтъ и теплоту. Съ послѣднимъ я согласиться не могу.

— «По какому основанію?»

— Все, что даетъ тепло, съ приближеніемъ къ нему—тепло усиливается, а съ приближеніемъ къ солнцу, на вершинахъ высочайшихъ горъ, на воздушныхъ шарахъ—тепло уменьшается.

— «Но вы не отвергнете, что чувствуете теплоту отъ лучей солнца?»

— Я полагаю, мы еще не знаемъ вполнѣ физико-химическаго свойства лучей свѣта на тѣла; можетъ быть, свѣтъ солнца способенъ только возбуждать теплоту въ тѣлахъ.

— «Хорошо, что же вы создаете на вашемъ основаніи?»

— Отъ дошедшихъ до насъ ученій египетскихъ жрецовъ, Птоломея и грековъ, они признавали нѣсколько небесъ и нѣсколько міровъ. Принимая за основаніе, что, съ удаленіемъ отъ земли, тепло исчезаетъ, а холодъ усиливается, трудно вполнѣ отвергнуть ученіе древнихъ; разумъ, слѣдя за мертвящимъ холодомъ, упрется въ ледяную кору видимаго нами неба, эта видимая синева есть подобіе замерзшей воды.

— «Положимъ, а звѣзды?»

— Если допустить твердую ледяную кору вмѣсто неба, то вмѣстѣ съ тѣмъ, не отвергая безконечности творенія Создателя, будетъ естественно вѣрить, что за этой корой есть другой, высшій міръ— міръ, въ которомъ нашъ воздухъ замѣняетъ камень. Того міра, того свѣта намъ постигнуть не дано, но, повинуясь воображенію, руководимому логическимъ разумомъ, мы можемъ только предполагать о томъ непостижимомъ свѣтѣ, а какъ нѣтъ тѣлъ безъ скважинъ, мы можемъ допустить и въ ледяной корѣ скважины, сквозь которыя крошечныя частицы того свѣта проникаютъ къ намъ.

— «Прекрасно, а солнце, луна?»

— Солнце есть отверстіе большое, но заслоненное полупрозрачнымъ тѣломъ, и потому передаетъ намъ только часть того свѣта, иначе все погибло бы на землѣ. Луна есть холодное, мертвое тѣло, не имѣющее огня, воды, атмосферы, а потому и жизни; луна есть матеріалъ для будущей планеты.

— «Вы думаете?»

— Мы, новые, признаемъ для грѣшниковъ мученіе преисподней; гдѣ она—я не знаю, но мой разумъ допускаетъ, что душа умершаго, какъ эфиръ воспаряя, приближается къ ледяной корѣ; праведные допускаются проникнуть въ тотъ высшій свѣтъ для блаженства, а грѣшные терзаются по сю сторону мертвой ледяной коры.

— «Браво, ваша система не забыла и разрѣшаетъ о дѣлахъ и душахъ людей».

Приплелъ рай и адъ—помня, что говорилъ съ поповичемъ. Въ этомъ родѣ продолжался разговоръ—съ моей стороны серьезно; Сперанскій тоже не улыбался, а какъ бы ободрялъ. Я путалъ все, что зналъ изъ физики—электричество, магнитъ. Между многими вопросами, смѣло разрѣшилъ сѣверное сіяніе, доказывая, что безъ этого магнито-электрическаго процесса земля была бы необитаема отъ испорченности воздуха на экваторѣ. Сперанскій, выслушавъ о сѣверномъ сіяніи, сказалъ:

— «Скажите, какъ это просто, а я думалъ, что этого никто не знаетъ».

Въ сосѣдней комнатѣ подали огонь; Сперанскій подалъ мнѣ руку и сказалъ: «когда вы ничѣмъ не заняты, побывайте у меня, но только помните, къ Михаилу Михайловичу въ мундирѣ не ходятъ. Прощайте, благодарю васъ, меня зовутъ работать».

Когда я болталъ галиматью, часто взглядывалъ на Сперанскаго, ожидалъ видѣть улыбку, но онъ, ходя мѣрными шагами, серьезно слушалъ. Сперанскій былъ въ старенькомъ сюртукѣ съ очень узкими рукавами, вѣрно—старинная мода.

Хотя я тогда штатскихъ уважать не могъ, но мнѣ казалось, не пересолилъ ли я, такъ много и глупо болтая? Пріѣхавъ домой, я до слова записалъ, и въ тотъ же вечеръ былъ у Батенькова; разсказалъ и прочиталъ записанное, мы вмѣстѣ съ Гаврилой смѣялись. Я спросилъ его, не очень ли я наглупилъ и что меня немного безпокоитъ. Батеньковъ успокоилъ меня, сказавъ, что Сперанскому все можно говорить, онъ даже любитъ слушать болтовню веселонравныхъ.

— «Да что тебѣ вздумалось излагать свою систему міра?»

— Мнѣ показалось, что онъ хочетъ дурачить меня, я хотѣлъ сказать небольшую шутку за шутку, да какъ началъ говорить, а онъ поддавивать, то и нагородилъ чушь!

Я спросилъ Гаврилу, не знаетъ ли какую книжку читаетъ Сперанскій?

— «Онъ очень любитъ и постоянно читаетъ Оому Кемпійскаго».

На другой день, Батеньковъ только явился къ Сперанскому, какъ тотъ началъ смѣяться, разсказывая о моей болтовнѣ. Сперанскій полагалъ, что я серьезно увлекаюсь своей системой. Батеньковъ разувѣрилъ его и сказалъ, что я безпокоюсь, не слиш-

комъ ли наглупилъ. Сперанскій приказалъ успокоить меня и прибавилъ:

— «Бойкое молодое воображеніе; мнѣ нравится, онъ смѣлый юноша!»

Батенковъ объяснилъ, что я, какъ морякъ, уважаю только адмирала—остальные чины не существуютъ.

— «Правда, моряки всегда держатъ себя особенно, сдержанно, но время и жизнь научатъ его».

Для меня слова пророческія!

Чтобы быть послѣдовательнымъ, я запишу и вторыя сумерки у Сперанскаго. Дней черезъ пять или семь послѣ первыхъ сумерекъ, явился тотъ же ординарецъ и сказалъ: пожалуйте къ Михаилу Михайловичу. Я надѣлъ вице-мундиръ, безъ сабли, въ фуражкѣ; явился поранѣе въ ту же залу. Сперанскій такъ же ласковъ, спросилъ не занятъ ли я, и сказалъ: «походимте».

— «Гдѣ ваша родина?»

Я отвѣчалъ.

— «Имѣете родныхъ въ Петербургѣ?»

Я назвалъ Анну Петровну и Ивана Петровича Бунинныхъ.

— «Это дѣвица-поэтъ?»

— Точно такъ, она мнѣ тетка.

— «Бунинъ—это весельчакъ?»

— Дѣйствительно онъ.

— «Тетку вашу я встрѣчалъ въ обществѣ, а о дядѣ вашемъ много забавныхъ разсказовъ».

— Онъ былъ тоже морякъ.

— «Гдѣ вы прежде учились?»

— Я нигдѣ не учился, умѣлъ только читать, а подписывалъ прошеніе въ корпусъ по карандашу. Тетка отвезла меня въ Петербургъ, а дядя, какъ морякъ, опредѣлилъ.

— «Долго вы пробыли въ корпусѣ?»

— Семь лѣтъ.

— «И успѣли вончить полный курсъ? у васъ наукъ много?»

— Мы каждый день сидимъ въ классахъ восемь часовъ и вмѣ классовъ учимъ уроки.

Сперанскій хотѣлъ знать малѣйшія подробности о порядкахъ въ корпусѣ, о начальствѣ, объ обращеніи, о наказаніяхъ, объ обязанности офицеровъ, о пищѣ, даже объ играхъ кадетъ, объ

экзаменахъ. Сперанскій, замѣтивъ, что я говорю о корпусѣ восторженно, съ любовію —

— «Вы любите корпусъ?»

— Я всегда съ благоговѣніемъ вспоминаю Морской корпусъ!

— «Такъ весело вамъ было въ корпусѣ?»

— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, корпусъ далъ мнѣ нравственное бытіе, я обязанъ корпусу всѣмъ: я поступилъ въ корпусъ—дикимъ волченкомъ, а вышелъ человѣкомъ, воспоминанія о корпусѣ для меня священны. Начальники были благодѣтели—отцы къ дѣтямъ.

— «Это дѣлаетъ вамъ честь. Но пока вы въ корпусѣ, для васъ внѣшняя жизнь не существуетъ?»

— Напротивъ, мы знаемъ все, что дѣлается, что говорится въ городѣ.

— «Какимъ это образомъ?»

— По субботамъ и праздникамъ насъ отпускаютъ къ роднымъ и знакомымъ; насъ много, насъ, какъ дѣтей, не остерегаются. Когда мы возвращаемся въ корпусъ и разсказываемъ слышанныя новости, мы, своимъ критическимъ умомъ, противорѣчія подводимъ къ общему знаменателю и дѣлаемъ свои заключенія.

— «Обо мнѣ что нибудь говорили у васъ?»

— Какъ же, и очень громко.

— «Что же?»

— Да я васъ повѣсилъ.

— «Какъ такъ?»

— Такъ, вырѣжу изъ бумаги человѣчка, одинъ конецъ нитки на шею, а другой конецъ заверну въ кусокъ жеваной бумаги, брошу въ потолокъ; мокрая жеваная бумага прилипнетъ и человѣчекъ виситъ съ подписью: Сперанскій измѣнникъ.

— «За что же вы меня вѣшали?»

— Говорили, что вы передали Наполеону великіе секреты государя и подписали какую-то бумагу.

— «Такъ вы такіе патріоты въ корпусѣ?»

— Да, мы очень любимъ государя.

— «А Россію?»

— Да какъ любить, чего не знаешь; вотъ я ѣду болѣе года и все Россія, я и теперь ее не знаю.

— «Какъ вы рѣшились ѣхать въ такую даль?»

— Въ Кронштадтѣ не хорошо жить, насъ очень много. Я подумалъ: если въ Камчаткѣ не найду лучшаго, то найду новое—всетаки выигрываю.

— «Смѣлая посылка!»

— Да когда же и искать, какъ не въ мои годы?

— «Вы правы».

Подали огонь; Сперанскій поблагодарилъ, я откланялся.

Иркутскъ веселился напропалую, казалось, никто ничего не дѣлаетъ, а Сперанскій меньше всѣхъ: обѣдъ, балъ—Сперанскій непремѣнно вездѣ присутствуетъ; служащіе при немъ, кажется, затѣмъ и пріѣхали, чтобы праздновать,—только никто не видитъ Цейера и канцелярскихъ, да долго по ночамъ освѣщенъ весь домъ Сперанскаго. Не слыша служебнаго слова и не видя дѣлъ—домъ Трескина постоянно пустѣлъ; домъ, недавно сцентрировавшій въ себѣ всю жизнь Иркутска—сталъ какъ зачумленный, хотя Трескинъ продолжалъ быть губернаторомъ. Въ обществѣ не было о немъ ни полслова.

Какъ-то вдругъ, неожиданно, явились на сцену разговора три исправника: иркутскій—Волошинъ, верхнеудинскій—Гедельштромъ и нижнеудинскій—Лоскутовъ. Первые два были въ Иркутскѣ и были постоянными членами общества; о нихъ заговорили, но они одни, кажется, не слыхали говора. Двухъ первыхъ я хорошо зналъ, а третьяго—никогда не видалъ.

Волошина называли—студентъ, смѣялись, что онъ, бывши еще московскимъ студентомъ, уже былъ назначенъ исправникомъ, занималъ должность 13 лѣтъ.

Гедельштромъ, по разсказамъ, былъ домашнимъ секретаремъ графа Румянцева; по какому-то дѣлу (не сохранила моя память, чуть-ли не въ Ревелѣ), падающему тѣнью на графа, Гедельштромъ принялъ вину на себя и былъ удаленъ въ Сибирь. Человѣкъ, хорошо учившійся, предпринялъ путешествіе къ Ледовитому океану; изданная имъ книжка была у меня, но теперь, вѣроятно, не найдется. Гедельштромъ долго былъ исправникомъ за Байкаломъ. На каждаго исправника, по жалобамъ—насчитывались милліоны взятокъ. Гедельштромъ говорилъ, что у нихъ оставались проценты, а капиталъ попадалъ къ Трескину.

У Волошина были крестины; на парадномъ обѣдѣ былъ Сперанскій, обѣдъ былъ роскошный, помню—стерляжью уху на шампанскомъ; обѣдъ былъ очень веселъ, говорливъ, Батенковъ былъ въ ударѣ, абордировалъ меня немилосердно; Сперанскій добръ, молчаливъ, но былъ привѣтливъ, ласково шутилъ съ хозяиномъ. На другой день слышимъ: у бѣднаго Волошина описали имѣніе и оказалось денегъ—одинъ рубль семьдесятъ три копѣйки. Бѣдный Волошинъ, въ день описи имущества, должно быть съ горя, при мнѣ, вечеромъ, проигралъ въ банкъ до 25-ти тысячъ рублей. Странно, никого это не удивило, еще страннѣе, что Сперанскій зналъ о проигрышѣ, но не показалъ и вида, что ему извѣстно. Объ описи Гедельштрома—не знаю или не помню, а вотъ при описи въ Нижнеудинскѣ Лоскутова, у него нашли—набитую мебель ассигнаціями и только въ мебели нашли 450 тысячъ рублей. Сперанскій, немилосердно, жестоко наказалъ этихъ грабителей—онъ сослалъ ихъ въ Россію! Они, бѣдные страдальцы, переѣхали—кто въ Москву, кто въ Петербургъ. Хотя жестокое, но оригинальное наказаніе—ссылка изъ Сибири въ столицы!

Михаилъ Михайловичъ трудился не надъ исправленіемъ прошедшаго зла, чего и невозможно было исправить, была бы безплодная работа; онъ трудился надъ устраненіемъ зла въ будущемъ и работалъ—пересоздать управленіе Сибири. Разъ, я случайно слышалъ, какъ говорили люди, имѣющіе возможность знать многое, что Сперанскій сначала хотѣлъ сдѣлать изъ Сибири—Финляндію, но получилъ совѣтъ—не начинать.

Передѣланную Сибирь я видѣлъ чрезъ 12 лѣтъ. Плоды труда Сперанскаго были осязательны: власти были ограничены, правленіе Трескина—было слабымъ преданіемъ и умерло въ исторіи, сохранившись въ анекдотахъ. Но какъ всѣ дѣла человѣческія—несовершенны, такъ и послѣдствія благонамѣреннаго труда умнаго человѣка—оказались односторонними. Злоупотребленія властей дѣйствительно уменьшились; не слыхать было жалобъ отъ богатаго купечества и вообще классы имущіе были довольны, но за то обезсиленная власть не имѣла силы сдерживать народъ, впадала въ апатію. Въ нравственномъ бытѣ народа я нашелъ огромную перемѣну, менѣе одного поколѣнія—и народа

узнать было нельзя! Жизнь въ городѣ мало была обезпечена частыя убійства, грабежи, воровства, не далеко отъ Иркутска, въ горахъ—двѣ шайки разбойниковъ. Нѣсколько разъ я слышалъ какъ Лавинскій съ негодованіемъ говорилъ:

— «Человѣкъ готовился лазить на колокольню и звонить въ колокола, а ему поручили передѣлать край! Хорошъ реформаторъ!» и не скупился прибавить непечатныхъ словъ. Болѣе всего поразило меня—это замѣтное обѣднѣніе деревень. Казалось бы, съ уничтоженіемъ деспотической власти полицій, избавленіемъ отъ незаконныхъ поборовъ исправниковъ—жизнь крестьянъ должна бы улучшиться, но результатъ вышелъ противный. Не одинъ разъ слышалъ отъ стариковъ, жалѣвшихъ объ управленіи Трескина, вспоминали какое было спокойствіе, а теперь что...

Я ничего не сказалъ о частной жизни жителей Иркутска, да и вообще не могу сказать многаго. О чиновникахъ говорить нечего, это кочующій народъ—пріѣзжаютъ съ цѣлію, на время, и уѣзжаютъ, достигнувъ по возможности своей цѣли; чиновники не составляютъ кореннаго осѣдлаго населенія Иркутска. Аристократію Иркутска составляютъ первогильдейцы-милліонеры, торгующіе съ Китаемъ чрезъ Кяхту. Градація купцовъ, какъ и вездѣ—по величинѣ капитала. Мѣщане, казаки—всѣ собственники домовъ и не бѣдны. Иркутскіе купцы люди образованные, въ щегольскихъ фракахъ; танцуя съ молодыми женами ихъ, я зналъ, что онѣ въ платьяхъ, не рѣдко выписанныхъ изъ Парижа. Коляски изъ Питера, съ иголочки. Вотъ вамъ купецъ Вася Баснинъ: Лавинскій пошелъ гулять пѣшкомъ и взялъ меня съ собою. «Вотъ близко, зайдемъ къ Васѣ Баснину». Огромный двухъ-этажный каменный домъ, чистота прекрасная. Не приказавъ доложить, мы нашли Васю Баснина въ библіотекѣ, въ богатомъ китайскомъ шелковомъ халатѣ, въ большомъ покойномъ креслѣ, съ новѣйшею книгою. Вася сконфузился, засуетился. Генералъ-губернаторъ запретилъ одѣваться. Вася позвонилъ, явился серебряный шоколадникъ; при насъ сваривъ на спиртѣ, предложилъ намъ прекраснаго шоколада. Лавинскій приказалъ ему надѣть сюртукъ и мы пошли втроемъ продолжать прогулку. Лавинскій взялъ подъ руку Васю, серьезно говорили о средствахъ усилить и улучшить кяхтинскую торговлю. Чувствуя, что я имъ не товарищъ, я откланялся. Вотъ типъ иркутскаго первогильдейца.

Въ 1819-мъ году, выдвигался изъ всѣхъ Иванъ Ефимовичъ Кузнецовъ—по недавнему положенію своему друга сердца губернаторши Трескиной и потому еще, что онъ тогда былъ товарищемъ откупщика. Его домъ занималъ Сперанскій (Кузнецовъ имѣлъ огромный двухъ-этажный каменный домъ на берегу рѣчки Ушаковки). Дума нанимала нѣсколько отдѣльныхъ, небольшихъ домовъ для проѣзжающихъ—служащихъ, въ домахъ было все удобство на первое время. Содержатель почты обязанъ былъ немедля прислать пару лошадей съ кучеромъ, которые и находились въ распоряженіи проѣзжающаго цѣлый день. Самъ проѣзжающій попадалъ въ распоряженіе Кузнецова, у котораго, въ нижнемъ этажѣ, обѣдъ, ужинъ, чай—день и вечеръ. Обѣдъ даже прихотливый и разливное море; вечеръ—постоянная игра въ карты; самъ Кузнецовъ не игралъ. Случалось быть свидѣтелемъ, какъ выигрывались десятки тысячъ въ банкъ. Но все было чинно, прилично, весело.

Иркутскъ стоитъ на ровной, сухой мѣстности праваго берега Ангары. Отъ востока обходитъ, а сѣверную часть города прорѣзываетъ быстрая рѣчка Ида и тутъ же впадаетъ въ огромную Ангару. Иркутскъ 1819-го года щеголялъ опрятностію улицъ и домовъ. Въ Иркутскѣ всѣ жители имѣли своихъ лошадей, а потому извощикамъ не было мѣста.

Въ штатѣ Сперанскаго былъ весьма приличный господинъ; говорили, что онъ считается чтецомъ Михаила Михайловича, но едвали это правда: этотъ господинъ говорилъ съ сильнѣйшимъ нѣмецкимъ акцентомъ; но онъ былъ замѣчателенъ: превосходно игралъ на скрипкѣ, непобѣдимый игрокъ въ шахматы, артистъ на биллiардѣ; вотъ онъ-то и давалъ каждый вечеръ концертъ—на картахъ въ банкъ.

Въ Иркутскѣ былъ Вейкартъ; онъ былъ родной племянникъ Сперанскаго; мы были ровесники, онъ еще нигдѣ не служилъ, превосходно образованъ, воспитанникъ іезуитовъ, которыхъ онъ серьезно боялся—хотя іезуиты и были далеко. Жоржъ Вейкартъ былъ очень недуренъ собою, средняго роста, сильно и стройно сложенъ и предобрѣйшаго сердца. Мы скоро сдѣлались друзьями; Сперанскій, кажется, доволенъ былъ нашею дружбою; онъ очень любилъ Жоржа, но денегъ не давалъ ни копѣйки; Жоржъ всегда былъ хорошо одѣтъ, но и только. Всѣ шалости сходили намъ

безъ замѣчанія. Гдѣ теперь незабвенный мой другъ Жоржъ?— Живъ-ли онъ? а онъ обѣщалъ пойти далеко!

Сперанскій все ничего не дѣлалъ, все продолжалъ бывать на обѣдахъ и балахъ; казалось, все шло по старому. Цейеръ все суетливо бѣгалъ съ бумагами,—никто ничего не зналъ.

Оставшаяся команда въ Омскѣ прибыла въ Иркутскъ поздно осенью; для слѣдованія въ Якутскъ, мы должны были дождаться, какъ замерзнетъ великолѣпная Лена. Въ мое отсутствіе изъ Омска, Вороновъ женился тамъ.

Стала зима, мы должны были ѣхать. Сдѣлавъ прощальные визиты, Трескина, кажется, не видалъ; я не любилъ его, тогда всѣ обходили его, домъ его точно стоялъ оглашеннымъ, хотя онъ и былъ еще губернаторомъ. Когда я откланивался Сперанскому, онъ, ласково улыбаясь, пожелалъ успѣха, не скучать и сказалъ:

— «Совѣтую найти занятіе кромѣ службы и не быть праздными».

Батенковъ проводилъ за городъ и съ чувствомъ друга, прощаясь, твердилъ: «пиши, пиши!» Дорогой мой Жоржъ проводилъ меня до первой станціи.

Чрезъ 15 лѣтъ, я видѣлъ только одного Сперанскаго; его уже вносили на лѣстницу; онъ сидѣлъ въ большомъ креслѣ внимательно посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— «Ваше имя не обще-употребительное?»

Я назвалъ себя (Эразмъ).

А онъ улыбаясь прибавилъ «Ротердамскій!» Смотря на мое лицо, Михаилъ Михайловичъ сказалъ: «надѣюсь, вамъ была удача въ вашихъ дѣлахъ?»

— Да, я не могу пожаловаться, до сихъ поръ, я доволенъ и службою и дѣлами.

— «Надѣюсь, такъ и будетъ продолжаться, вы должны имѣть успѣхъ.—Скучали вы?»

— Мнѣ чувство скуки неизвѣстно.

— «Счастливый характеръ».

Я замѣтилъ тогда и убѣжденъ теперь, что Сперанскій не только зналъ, но и уважалъ Лафатера: родимыя пятна на моемъ

лицѣ, по Лафатеру, означаютъ успѣхъ въ жизни. Затѣмъ спрашивалъ о моей службѣ, о жизни въ Камчаткѣ и Охотскѣ. Узнавъ, что я поневолѣ былъ въ Иркутскѣ, хотѣлъ знать, какъ я нашелъ Иркутскъ? Я былъ скроменъ, но онъ сказалъ:

— «Я имѣю свѣдѣнія, что тамъ сталъ пороченъ народъ. Можетъ быть, народъ рано получилъ много воли, можетъ быть, были нужны еще крѣпкія вожжи, но будемъ надѣяться лучшаго отъ времени». Въ заключеніе спросилъ, не имѣю-ли я нужды въ его содѣйствіи?

Я почтительно благодарилъ и откланялся. Сперанскій приглашалъ меня раздѣлить свободный часъ, но я болѣе не былъ.

Знаменитость Иркутска въ 1819 году былъ Иванъ Ефимовичъ Кузнецовъ, въ обществѣ назывался король. Въ 1830 году, я нашелъ короля порядочно старымъ, до крайности бѣднымъ; кажется, всего имущества остался деревянный домъ, въ которомъ жилъ Сперанскій. Домъ большой, въ 1819 году—горѣлъ огнями, въ 1830 стоялъ темный. По старому знакомству, помня хлѣбъ-соль, былъ я у короля—пусто, бѣдно! одинокъ, дѣтей нѣтъ и не было. Говорилъ такъ же на о, но былъ молчаливъ, скученъ, даже плохо одѣтъ. Грустное впечатлѣніе! Въ 1833 году, прощаясь окончательно съ Иркутскомъ, заѣхалъ къ королю. Нашелъ его въ маленькой комнаткѣ, въ халатѣ съ сотнею заплатъ; онъ сидѣлъ около наклоненнаго лотка (которымъ дѣти катаютъ яица на Пасхѣ), около него два мѣшка грязнаго песку, а выше лотка—ведро воды. Король со щеткою въ рукѣ вымывалъ песокъ въ лоткѣ.

— Что это вы дѣлаете, Иванъ Ефимычъ?

— «Да вотъ, по старому знакомству, бѣглый варначекъ принесъ землицы на пробу; не знаю, что будетъ—пробую».

Подумалъ я: ни въ какомъ положеніи надежда не оставляетъ человѣка. Простились съ пожеланіями.

Въ Кіевѣ, получилъ я письмо изъ Иркутска: Иванъ Ефимовичъ Кузнецовъ—милліонеръ, не знаетъ счета деньгамъ, дѣлаетъ громадныя пожертвованія, статскій совѣтникъ, въ орденахъ и сталъ настоящимъ королемъ между милліонерами!—Видѣнный мною грязный песокъ оказался богато-содержащимъ золото; го-

ворятъ, 100 пудовъ песку давали около фунта золотаго песку; это, конечно, неисчислимое богатство, когда считается не бѣдною розсыпь, которая даетъ изъ 100 пудовъ золотникъ золотаго песку.

Трескинъ переселился въ Москву, притворялся бѣднякомъ, дочерей водилъ въ заячьихъ салопахъ. Разсказывали, что Нарышкинъ ходатайствовалъ о вспомоществованіи Трескину и сказалъ, что, по бѣдности, дочери его ходятъ въ заячьихъ салопахъ. Добавляютъ, что государь много смѣялся участію Нарышкина. Кто тогда не слыхалъ о милліонахъ Трескина?

Изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этого воспоминанія за 60 лѣтъ, вѣроятно, живутъ не многіе, да и я оживаю только въ прошедшемъ. Настоящее часто напоминаетъ мнѣ, что я хожу по кладбищу!

Э..... .....въ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ

Э..... .....ВА.

V [1]).

Жизнь и служба въ Сибири.

1834—1839 гг.

Бывши начальникомъ адмиралтейства въ Иркутскѣ, въ февралѣ 1832 года, поѣхалъ я въ Кяхту; февраль у китайцевъ—мѣсяцъ праздниковъ новаго года. Не доѣзжая станціи три до Троицкосавска, зимній путь прекращается; на этой мѣстности никогда не бываетъ ни снѣга, ни дождя. Въ Троицкосавскѣ—главное управленіе таможни, населеніе города большое; тутъ живутъ постоянные и временные рабочіе изъ Кяхты, тысячи обозниковъ—движенія очень много. Отъ Троицкосавска до Кяхты 4 версты. Кяхта небольшой городокъ съ своеобразнымъ бытомъ и населеніемъ: это міръ первогильдейцевъ, которые только одни имѣютъ право вести заграничную торговлю. Въ городкѣ совершенная тишина, движенія никакого; въ это время шли переговоры и сдѣлки съ китайцами. Тузы иркутскіе всѣ были мнѣ знакомы, я сдѣлалъ имъ визиты, т. е. выпилъ чашекъ десятокъ чаю и прихлебнулъ изъ десятка рюмокъ вина. Всѣ были заняты, всѣ озабочены. Возвратясь на квартиру, вмѣсто контръвизитовъ, получилъ столько же ящичковъ чаю. Не буду описы-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 301—316; 616—632. Томъ XXIII, стр. 99—117; 499—530.

вать Кяхту, Маймачинъ, тамошніе порядки у русскихъ и китайцевъ – все это описано и переписано десятки разъ. Подъ покровительствомъ Васи Баснина, обѣдалъ у богатаго купца-китайца; сосчиталъ шариками хлѣба 93 кушанья, какія это кушанья? право не знаю, но пробовалъ всего чайною ложечкою, всѣ блюда сносны и многія вкусны. Обратило мое вниманіе блюдо съ турецкимъ табакомъ, очень пышно наложеннымъ; смотрю, всѣ ѣдятъ, макая въ сою; взялъ и я, во рту таетъ, спросилъ что̀ такое? сказали—свиная кожа! Своеобразный міръ китайцевъ извѣстенъ, а если скажу, что начинается обѣдъ конфектами и кончается супомъ, то достаточно выражу противоположность всему русскому. Мы гордимся изобрѣтеніемъ самовара, но едва ли это вѣрно: мы придумали только дать другое употребленіе самовару. Самоваръ съ незапамятныхъ временъ употребляется китайцами, но не для чая, какъ у насъ: у нихъ кипящій самоваръ подается послѣднимъ блюдомъ за обѣдомъ. Въ самоварѣ кипѣла разная зелень и коренья; каждому изъ насъ подали на блюдцѣ тонко, претонко нарѣзанные ломтики сыраго фазана; каждый палочками бралъ ломтики, опускалъ въ кипящій бульонъ, и, подержавъ недолго, кушалъ. Право, это недурно. Самоваръ прекрасной формы, не такъ давно и Тула переняла эту форму. Пили китайцы не больше наперстка, но пили очень часто, пили спиртъ изъ риса—какъ огонь острый, думаю, градусовъ до 70-ти. Не взирая, что я былъ предупрежденъ разсказами и чтеніемъ, но былъ удивленъ міромъ другой планеты! Былъ съ визитомъ у Дзаргучея, очень важный и очень вѣжливый китаецъ. Обѣдалъ у него въ какой-то ихъ праздникъ, было 113 блюдъ, порядки одни. Я замѣтилъ, что у Дзаргучея акцентъ и даже голосъ разговора не похожъ на другихъ; мнѣ сказали, что эта манера говорить употребляется при дворѣ, гдѣ Дзаргучей былъ чиновникомъ. У одного китайца, какъ оказалось, полицейскаго Дзаргучея, уши въ стеклянныхъ футлярахъ. Китаецъ на вопросъ объяснилъ: «Русскіе, когда худо видятъ, то носятъ стекла на глазахъ; я худо слышу, тоже надѣлъ стекла на уши». Видно, физика не процвѣтаетъ въ Китаѣ. Извѣстно, что китайское правительство запретило быть женщинамъ въ Маймачинѣ, для того чтобы не ссориться съ русскими, потому что исторія Китая раз-

сказываетъ, что всѣ ссоры, войны, происходили изъ-за женщинъ. Это доказываетъ, что китайскія женщины—не другой планеты!

Возвратился въ Троицкосавскъ. Тамъ въ это время жилъ баронъ Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ. Этотъ дѣйствительный статскій совѣтникъ пріѣхалъ изъ Питера для изученія религіи Далай-Ламы. Извѣстно было, что этотъ баронъ—отецъ всѣхъ наукъ и братъ мудрости. Вечеркомъ я сдѣлалъ ему визитъ; прося лакея доложить, получилъ отвѣтъ:

— Барону, его прев—ству, не докладываютъ, пожалуйте.

Цивилизованный лакей годился бы въ старинную французскую комедію. Въ небольшомъ домикѣ, въ первой низенькой комнатѣ, около стола, спиной къ дверямъ, сидѣлъ толстякъ въ халатѣ; противъ него, у того же ломбернаго стола, наклонился черезъ столъ въ одеждѣ священника; оба разсматривали какую-то брошюрку на китайскомъ языкѣ. Тихо войдя, слышу—говоритъ баронъ:

— Да вы, отецъ Іакинѳъ, обратите вниманіе, не кабалистика ли это?

Я сталъ за кресломъ барона, оба такъ были углублены въ книжку, что не обратили вниманія на мой приходъ. Сталъ и я смотрѣть на книжку, мнѣ казалось неприличнымъ прервать интересное разсужденіе. Вижу, книжка вся состоитъ изъ цифръ въ нѣсколько рядовъ съ китайскими буквами. Въ это время, баронъ перевернулъ листокъ, я увидѣлъ сбоку чертежъ сферическаго треугольника съ отмѣтками извѣстныхъ и неизвѣстныхъ. Дѣло знакомое, я сказалъ:

— Да это логариѳмы!

Баронъ обернулся ко мнѣ и не вставая—что, кажется, едвали и возможно было—подалъ руку и самой привѣтливой манерой усадилъ меня къ столу и представилъ отцу Іакинѳу. Въ двѣ, три минуты, я чувствовалъ себя коротко знакомымъ, такъ привлекательна была манера барона, а я подумалъ: вотъ удалось однимъ камнемъ убить два воробья: хотѣлось видѣть монаха Іакинѳа Бичурина, да не зналъ какъ. Тотчасъ потребовалось отъ меня объясненіе, что̀ я разумѣю подъ названіемъ логариѳмъ, и почему я признаю эту непонятную книжку, надъ которою они ломаютъ голову,—логариѳмами? Я объяснилъ до подробностей употребленіе логариѳмъ и даже объяснилъ способъ

вычисленія ихъ. Оказалось, брошюрка издана іезуитами въ Пекинѣ. Любезность барона наименовала меня ученымъ. Скоро баронъ овладѣлъ разговоромъ и съ гордостью хвасталъ, что онъ считалъ громаднымъ успѣхомъ пріобрѣтеніе Ганжура и не теряетъ надежды пріобрѣсти Данжуръ, что Европа не имѣетъ ничего подобнаго и проч. и проч. Эти Ганжуръ и Данжуръ, въ религіи Далай-Ламы,—почти то же самое, что у папы костёльное право, одно пространное, другое сокращенное.

Хитрые логарномы сблизили меня съ барономъ. Что за увлекательный человѣкъ: пропасть путешествовалъ, знакомъ и въ перепискѣ съ учеными знаменитостями цѣлаго свѣта. Занимательныхъ разсказовъ, всегда умныхъ, интересныхъ анекдотовъ—безъ конца. Баронъ Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ былъ небольшаго средняго роста, необыкновенной толщины. Всегда привѣтливое выраженіе недурнаго лица, глаза полные веселости и блеска. Баронъ былъ холостъ. Обращеніе его было—человѣка самаго высшаго тона. Онъ имѣлъ искусство оставить увѣренность въ каждомъ, что Шиллингъ находитъ его умнымъ человѣкомъ. Въ Петербургѣ я видалъ, какъ дамы, и особенно молодыя, ласкали его: онъ умѣлъ заставить ихъ хохотать и быть внимательными къ его анекдотамъ. Шиллингъ былъ другъ всего высшаго круга Питера. Помню разъ, какъ баронъ заставилъ усердно хохотать все большое общество своимъ разсказомъ въ лицахъ, какъ тонкіе италіанцы несли громадную его толщину на Этну; онъ самъ не смѣялся, но разсказъ былъ мастерской и чрезвычайно комиченъ.

Возвратясь въ Петербургъ съ идеями стараго флота, но побывавъ въ Кронштадтѣ, я страшно разочаровался! Той отдѣльной касты, того завѣтнаго братства, той независимости, кажется, отъ цѣлаго свѣта—ничего не нашелъ! Достойные старики, около которыхъ кристаллизовалась молодежь и продолжала нравы флота—одни поумирали, другіе удалились. Изъ огромнаго моего выпуска, нашелъ только семь товарищей—всѣ разбрелись, а оставшіеся казались будто каждый сцентрировался въ себѣ; нѣтъ прежней разгульной откровенности, бѣдность большая, я былъ богачъ между ними. Далъ товарищамъ хорошій

обѣдъ въ трактирѣ Стюарта. Обѣдъ прошелъ молчаливо. Всѣ были ласковы по товарищески, но и только! На вопросы, что съ вами? отвѣчали: «не то время, поживешь, увидишь». Самые искренные, и тѣ тихо, жаловались на князя Меншикова.

45 лѣтъ прошло—разскажу мое первое представленіе князю Меншикову. Это время было время проектовъ—кто могъ, тотъ и умничалъ, я еще въ Сибири понялъ современную моду. Надумалъ и я проектовъ для Охотска и для Байкала. Являюсь смѣло князю. Я надѣялся щегольнуть, заинтересовать своими проектами, но не на того напалъ: я съ незрѣлой и недоконченной мыслью хотѣлъ сдѣлать скачокъ, не тутъ-то было: князь крѣпко держалъ нитку начатой идеи! Я понялъ, что могу остаться въ дуракахъ, и замолчалъ.

— «Что-жъ вы молчите?»

— Извините, ваша свѣтлость, я не могу говорить съ вами.

— «Отчего?»

— 15 лѣтъ я не видалъ такъ высоко стоящей особы и во всю жизнь не встрѣчалъ такого могучаго ума.

— «Ну, такъ какъ же мы будемъ говорить съ вами?»

— Ваша свѣтлость, я искренно доложу вамъ, что, стоя передъ вами, я потерялъ способность мыслить, я чувствую свое ничтожество!

— «Вы одичали, поживите въ Петербургѣ, отдохните, иногда приходите (кажется) по середамъ пить чай. Прощайте».

Мнѣ только и хотѣлось дозволенія пожить въ Питерѣ. Деньжонки у меня были, я счелъ дозволеннымъ себѣ упиться удовольствіями, отъ которыхъ былъ отчужденъ 15 лѣтъ.

Во флотѣ я разочаровался: упадокъ общаго духа, бѣдность товарищей, поразили меня—какая будущность? Я долго думалъ и рѣшился искать другой службы. Тогда самое большое содержаніе было, какъ въ новомъ учрежденіи, въ корпусѣ жандармовъ, но безъ протекціи какъ попасть туда? Бродя по Питеру, я вспомнилъ барона Шиллинга, засталъ его дома, онъ принялъ меня очаровательно; разговаривая со мною, заставилъ меня высказать откровенно о причинахъ моего намѣренія. Спросилъ мою квартиру и мы простились. Утромъ, получаю съ жандармомъ записку отъ начальника штаба корпуса жандармовъ Дубельта, всѣмъ знакомой формы: «свидѣтельствуя совершенное

почтеніе» и проч., приглашался я въ штабъ, для нѣкоторыхъ личныхъ объясненій. Дубельтъ хотѣлъ знать объ Американской компаніи, а кончилось приглашеніемъ меня въ жандармы.

Явился къ князю Меншикову; опять исторія проектовъ, я опять замолчалъ и повторилъ въ родѣ первой продѣлки, а на вопросъ князя: «какъ же мы будемъ говорить?» я просилъ позволенія написать. — «Такъ вы литераторъ? Ну, сочините, посмотримъ». Я написалъ и принесъ, князь читалъ саркастически улыбаясь и, отдавая мнѣ, сказалъ:

— «Предметы такъ важны, что превосходятъ мою власть; отнесите въ совѣтъ адмиралтейства, но будьте осторожны (понизивъ голосъ), тамъ сидятъ все мудрецы!»

Это онъ сказалъ съ такимъ сарказмомъ презрѣнія, что я будто теперь слышу.

Въ адмиралтействѣ я нашелъ Васильева, съ которымъ я бралъ обсерваціи въ Камчаткѣ, Рикорда, съ которымъ служилъ тамъ же, и другихъ. Моряки приняли меня по родному; я подалъ проектъ, много хохотали и спросили: да чего ты хочешь? я просилъ позволенія пожить въ Питерѣ. Мнѣ дали билетъ съ прописаніемъ не отлучаться изъ Петербурга до разсмотрѣнія моихъ проектовъ.

Мнѣ того и нужно было, чтобы не отдѣлиться отъ жандармовъ. Государь уѣхалъ и вызвалъ кн. Меншикова въ Мюнхенгрецъ. Я объявилъ Дубельту: если желаютъ, чтобы я былъ жандармомъ, то это можно сдѣлать только безъ кн. Меншикова. Отвѣтъ изъ флота о мнѣ много стоилъ мнѣ хлопотъ и я обязанъ много Лермантову.

Я—жандармъ. Возвратившійся князь очень гнѣвался, узнавъ, что я перешелъ въ жандармы. Лермантовъ разсказывалъ, что князь назначалъ меня командиромъ новаго фрегата, но методѣ Стефенса; при этомъ и доложилъ Лермантовъ, что меня уже нѣтъ во флотѣ; князь гнѣвно спросилъ:

— «Кто его выпустилъ?»

— Моллеръ.

— «Охъ, этотъ гнилой, онъ всѣхъ распуститъ».

Мнѣ хотѣлось имѣть патентъ изъ флота. Князь бросилъ патентъ на полъ и сказалъ: «никогда не подпишу». Послѣдовало сепаратное повелѣніе: изъ флота не переводить.

У меня былъ двоюродный братъ Василій Семеновъ; онъ былъ тогда цензоромъ, къ нему собирались литераторы и любители. Въ одинъ вечеръ Семеновъ объявилъ, что онъ прочтетъ замѣчательную вещь. В. Семеновъ, превосходный чтецъ, прочиталъ «Большой выходъ у Сатаны» Сенковскаго. Только ахали, удивленію, похваламъ, восторгамъ—не было конца. Но когда братъ сказалъ, что пропустить не можетъ, всѣ заговорили: это преступленіе, это грабежъ литературы, это убійство таланта, это святотатство и проч., долго судили и рядили. В. Семеновъ рѣшилъ, что если не поможетъ графъ Бенкендорфъ—на него послѣдняя надежда—онъ другаго средства не видитъ. Графъ хорошо зналъ Семенова, который, говоря о своемъ сомнѣніи въ статьѣ, божился, что въ ней ничего нѣтъ, но сомнѣвается по своей неопытности. Графъ приказалъ мнѣ положить у него на туалетъ. Я отлично припряталъ и прикрылъ бумагами. Каждую недѣлю приходилъ Семеновъ за статьею; графъ увѣрялъ, что еще не дочиталъ, а я видѣлъ, что и не дотрогивался. Пришелъ Семеновъ третій разъ и увѣрилъ, что литераторъ настоятельно проситъ, работа срочная. Графъ приказалъ мнѣ подать, я отвернулъ послѣднюю страницу и графъ написалъ: «дозволяется печатать». Говорятъ, государь былъ недоволенъ цензурою, оборвалось на Бенкендорфѣ.

Меня назначили въ Симбирскую губернію.

Откланиваясь графу Бенкендорфу, я просилъ его наставленія, чего я долженъ достигать нравственно, исполняя свою обязанность? Графъ отвѣчалъ:

— «Ваша обязанность—утирать слезы несчастныхъ и отвращать злоупотребленія власти, а обществу содѣйствовать быть въ согласіи. Если будутъ любить васъ, то вы легко всего достигнете».

— Ваше сіятельство, общество играетъ въ запрещенныя игры—въ карты, долженъ ли я мѣшаться?

— «А вы любите играть?»

— Нѣтъ.

— «Ну, такъ позволяю вамъ играть въ банкъ до 5 руб., но вы не должны дозволять обыгрывать неопытную юность и хранителя казенныхъ суммъ».

Я далъ честное слово исполнить.

Пріѣхалъ въ Симбирскъ, кажется, 8-го января 1834 года;

предмѣстника моего, полковника М....., я не засталъ уже, но засталъ озлобленіе всего общества противъ него, а вмѣстѣ съ тѣмъ недовѣріе и нерасположеніе къ голубому мундиру.

Разбирая дѣятельность М....., я нашелъ, что онъ совершенно не понималъ своей обязанности: онъ хотѣлъ быть сыщикомъ, ему казалось славою—рыться въ грязныхъ мелочахъ и хвастать знаніемъ домашнихъ тайнъ общества. Жена его любила щеголять знаніемъ всѣхъ сплетенъ и такъ была дѣятельна, что для помощи мужу осматривала предварительно рекрутъ, хотя это и не было обязанностію жандармскаго штабъ-офицера, но М..... совался вездѣ. Однимъ словомъ, М..... хотѣлось быть страшнымъ и—достигъ общаго презрѣнія!

Симбирскъ отъ Москвы болѣе 700 верстъ, а отъ Питера до 1,500 верстъ; ѣхать для зимнихъ удовольствій въ столицы—слишкомъ далеко, да тогда и сообщенія были не такія, какъ теперь. Богатаго дворянства много; по необходимости, по окончаніи лѣтнихъ хлопотъ по хозяйству, на зиму всѣ помѣщики группировались въ Симбирскѣ и веселились такъ, какъ уже не веселятся!

Я зналъ по опыту, что тотъ не находитъ любви, кто ее ищетъ; общая любовь и довѣріе заслуживаются нравственною правдою, уваженіемъ условій общественныхъ и неприкосновеніемъ семейнаго домашняго быта.

Первый визитъ губернатору, онъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ:

— «Съ какимъ намѣреніемъ вы сюда пріѣхали?»

— Содѣйствовать возвышенію власти вашего прев—ства.

— «Какіе ваши планы?»

— Я еще ничего не знаю.

— «Имѣете знакомыхъ?»

— Никого.

— «Если вы намѣрены искренно содѣйствовать мнѣ, то чего вы требуете отъ меня?»

— Только личнаго ко мнѣ уваженія и когда мнѣ нуженъ будетъ секретъ, то сохранить, я тогда только и буду вамъ полезенъ.

— «Это такъ немного, что я не только даю вамъ честное слово, но считаю прямою своею обязанностію исполнить».

— Мнѣ болѣе ничего и не нужно.

— «Вы, господа жандармы, любите много писать?»

— При данныхъ вами обѣщаніяхъ, я даю вамъ слово по-

назвать вамъ все, что я буду писать, но до тѣхъ поръ, пока вы будете исполнять свои условія.

— «Наши условія такъ несложны, что мнѣ пріятно подать вамъ руку дружбы».

Мы простились. Слышу, всякій день въ городѣ обѣды, балы, но я расчелъ не навязываться на знакомство, дать забыть систему М..... Первымъ пріѣхалъ ко мнѣ Борисъ Петровичъ Бестужевъ, отставной лейтенантъ начала столѣтія; старикъ узналъ, что я служилъ во флотѣ, не утерпѣлъ не повидаться и упросилъ къ себѣ на балъ. Скоро я сталъ членомъ общества. Скоро я узналъ въ курильныхъ кабинетахъ, что все общество ненавидитъ губернатора, причинъ — безчисленное множество, какъ обыкновенно бываетъ при неудовольствіяхъ. Во всѣхъ общественныхъ положеніяхъ есть непремѣнно центръ, откуда и расходятся мнѣнія и причины—какъ радіусы. Въ этомъ случаѣ, оказались два помѣщика: Т. и О.—несомнѣнно люди умные! я къ губернатору:

— Васъ здѣсь не любятъ.

— «Это правда».

— Какая причина?

— «Право, не знаю».

— Быть главной властью и быть нелюбимымъ—непріятно.

— «Непріятно, да что же сдѣлать?»

— Я скажу вамъ средство, отъ васъ зависитъ помириться съ обществомъ.

— «Пожалуйста, я на все согласенъ».

— Вы дѣйствительно не знаете причины?

— «Честное слово, не знаю!»

— Т. и О. главные ваши враги, причины неважны; пригласите ихъ, вы съумѣете смягчить; объяснитесь и помиритесь, тогда все общество повернется къ вамъ лицомъ.

— «Очень много вамъ благодаренъ, вы дѣйствуете какъ мой другъ!»

— Но надѣюсь—вы обо мнѣ не упомянете, мой успѣхъ въ секретѣ.

— «Будьте покойны, я помню наши условія».

Предъ этимъ, я нашелъ случай познакомиться съ Т. и видѣлся съ О. Зналъ я, что губернаторъ приглашалъ къ себѣ

этихъ господъ утромъ. Вечеромъ, я былъ у Т. Холодный поклонъ, молчатъ, отворачиваются. Я притворился сиротинкой и не понимаю, говорю любезности дамамъ. Т. не выдержалъ и въ досадѣ началъ говорить даже оскорбительно:

— «Мы думали, что вы человѣкъ съ характеромъ и не имѣли нужды скрывать своихъ чувствъ передъ вами, а вы унизились и передали подлецу» и проч.

— Я хотѣлъ согласія, единодушія общества съ властію; если унизился, по вашему, то съ доброю цѣлію. Жалѣю, что я ошибся, но кто не ошибался? Могу я узнать, какая была сцена между вами?

— «Губернаторъ усадилъ насъ въ кабинетъ и сказалъ: господа, между нами есть непріятности, и вы и я имѣемъ обоюдныя причины; полагаю, какъ благородные люди, мы не обязаны давать въ томъ кому бы ни было отчета, но, къ удивленію моему, вы малодушно сообщили жандарму! Ха, ха, ха, да знаете-ли кто этотъ жандармъ? онъ, по просьбѣ моей, присланъ сюда для моихъ услугъ! вотъ кому вы довѣрились. Господа, я не отнимаю у васъ права имѣть ко мнѣ неудовольствіе, но будьте-же благородны, дѣйствуйте сами, безъ жалкаго жандарма. Прощайте, я счелъ долгомъ сказать вамъ это».

Каково мнѣ было слушать этотъ монологъ! Я высказался искренно, не имѣя причинъ не вѣрить губернатору; жалѣю, что я обезпокоилъ уважаемыхъ мною людей, но надѣюсь, другой разъ не ошибусь. Мы помирились, согласившись, что губернаторъ [болѣе чѣмъ человѣкъ не хорошій].

Рано утромъ—я у губернатора. Ласковъ, привѣтливъ, хорошій другъ!

— Не утерпѣли, не сохранили секрета?

— «Языкъ мой—врагъ мой! Кругомъ виновать!»

— Ну, по условію—вы губернаторъ, а я жандармъ, но помните, у меня огорода нѣтъ, а у васъ столько огородовъ—куда ни брось камень, попадешь въ вашъ огородъ!

— «Не будемъ ссориться, я виноватъ, прошу прощенія; увлекся съ не.....ми, больше этого не будетъ».

Тутъ пристала страдалица-жена его съ просьбой—простить.

— Такъ и быть, этотъ разъ не въ счетъ, забудемъ; но другой разъ не забудемъ!

— «Душою и сердцемъ—согласенъ!»

Вскорѣ повторился другой подобный случай....

Тогда установленной формы для переписки въ корпусѣ жандармовъ не было; армейскіе писали рапортами, такая форма не позволяла вольничать, я принялъ манеру писать: письмами, докладами и простыми записками, но рапорта—никогда! Составилъ письмо къ шефу объ отношеніяхъ моихъ къ губернатору и объ его безхарактерности и въ концѣ увѣрилъ, что не пройдетъ много времени, какъ выяснится необходимость смѣнить его.

Пришелъ къ губернатору и прямо сказалъ: намъ болѣе говорить нечего! Онъ началъ извиняться, я подалъ ему письмо къ шефу и сказалъ: я далъ слово показать вамъ, что я пишу—прочтите. Прочитавъ, поблѣднѣлъ и сказалъ:

— «Вы такъ писать не можете!»

— Отчего?

— «Я буду жаловаться на васъ!»

— Тѣмъ лучше, скорѣй объяснятся ваши дѣйствія.

— «Вы не пошлете».

Я кликнулъ жандарма, запечаталъ у губернатора и приказалъ отнести на почту.

Кто такой губернаторъ Z.? Онъ былъ въ отставкѣ капитаномъ Преображенскаго полка. 14-го декабря, онъ явился къ дворцу. Государь нѣсколько разъ посылалъ Якубовича образумить бунтовщиковъ и убѣдить ихъ, чтобъ покорились. Якубовичъ шелъ къ мятежникамъ и Z. за нимъ. Якубовичъ, вмѣсто убѣжденія, говорилъ: «ребята, держись, наша беретъ, трусятъ, ура! Константинъ!» и бунтовщики кричатъ: «ура, Константинъ и супруга его Конституція!» Якубовичъ возвращался и докладываетъ: «изволите слышать, они съума сошли, хотѣли въ меня стрѣлять».

Такъ было нѣсколько разъ и Z. всякій разъ ходилъ и одинъ разъ перевязалъ ногу платкомъ, прихрамывая, будто ударили его по ногѣ.

Государь не забывалъ усердія и сказалъ в. к. Михаилу Павловичу: «я видѣлъ усердіе Z., спроси его, чего онъ хочетъ?» В. к. Михаилъ спросилъ Z.: «чего ты хочешь?» Z., не задумавшись, отвѣчалъ: желаю быть губернаторомъ.

— «Не много ли это будетъ?»

— Для государя все возможно!

И вотъ Z. чрезъ разныя метаморфозы — губернаторъ въ Симбирскѣ. Это я знаю отъ него самого.

Z. былъ очень недуренъ собой, средняго роста, строенъ, всегда щеголь, образованія — для гостиной, не дурной актеръ. Дѣла, бумаги для него дѣло постороннее.

Застаю Z., подписываетъ кучу бумагъ: «какъ же это вы не читаете?»

— «Пробовалъ читать, ничего не понимаю; пробовалъ не читать — все равно, такъ лучше не читать — результатъ одинъ».

Былъ рекрутскій наборъ; для пріема въ Симбирскѣ пріѣхалъ маіоръ Ю., а для наблюденія въ губерніи флигель-адъютантъ полковникъ К. Высочайше повелѣно: при пріѣздѣ флигель-адъютанта, хотя бы и младшаго чиномъ, жандармскій штабъ-офицеръ обязанъ явиться къ нему; но не позже какъ на другой день, хотя бы генералъ-адъютантъ, обязанъ отдать визитъ. Я вообще былъ строгій исполнитель служебныхъ обязанностей, немедля явился къ флигель-адъютанту К.; онъ принялъ меня, какъ петербуржецъ — вѣжливо, ласково, какъ милый товарищъ. Прошло два дня — не ѣдетъ ко мнѣ, думаю, вѣрно не знаетъ распоряженія. Между безконечными моими разсказами изъ жизни, я напомнилъ К., что онъ обязанъ быть у меня. Онъ расхохотался, любезно назвалъ меня мелочникомъ и что подобная претензія не достойна меня и проч. Я доказывалъ ему, что моя служебная сила зависитъ отъ наружнаго уваженія ко мнѣ, и увѣрялъ, что не прину его. Не поѣхалъ ко мнѣ К., но мы оставались пріятелями.

Рекрутскій наборъ шелъ; слышу, маіоръ Ю. беретъ взятки, но это тогда была вещь обыкновенная. Нѣсколько помѣщиковъ жаловались мнѣ, что помѣщичьяго рекрута не принимаютъ безъ пяти полуимперіаловъ. Одинъ коротко знакомый мнѣ отдавалъ своего лакея; я видѣлъ его: молодчина, 9-ти вершковъ роста, молодой, красавецъ. Приказавъ вести въ присутствіе, пошелъ и я туда же; дошла очередь до лакея; маіоръ Ю. посадилъ его на полъ спиною къ стѣнѣ, ноги его скосилъ въ одну сторону и оказалось — одна нога короче, закричалъ: затылокъ! Я, какъ не имѣющій права мѣшаться, молчалъ, но когда совѣтникъ отмѣчалъ въ книгѣ, я шопотомъ попросилъ дать мнѣ выписку за что обракованъ. Услыхалъ неразумный маіоръ, поднялъ шумъ, заходилъ пѣтухомъ и говорилъ грубости, что всякій тутъ мѣшается

и проч. Я. не выронивъ и полслова, напомнилъ тихо предсѣдателю правило на зерцалѣ. Добрякъ предсѣдатель Огневъ остановилъ расходившагося маіора. Я составилъ записку о рекрутѣ и маіорѣ и подалъ флигель-адъютанту К. Онъ объяснилъ мнѣ, что маіоръ родной братъ служащаго и въ большой силѣ при дворѣ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать, и совѣтовалъ мнѣ не мѣшаться въ дѣла маіора Ю., что и мнѣ будутъ непріятности. К. хотѣлъ возвратить мнѣ записку, но у меня были заняты руки, что я не могъ взять записки, и она осталась у К. Одинъ небогатый помѣщикъ, хорошо знакомый, просилъ моего участія сдать рекрута съ небольшимъ изъяномъ. Я своего унтера преобразилъ въ мужика отдатчика, далъ ему пять полуимперіаловъ, четыре мужика при немъ..... Унтеру приказано—отдавая деньги маіору, уронить на полъ. Рекрутъ принятъ.

Въ городѣ громко говорили о сценѣ въ присутствіи и удивлялись, какъ я перенесъ молча. Одинъ только старикъ почтмейстеръ Лазаревичъ, выслушавъ, сказалъ:

— «Господа, та собака, которая не лаетъ, всегда больно кусаетъ, я за маіора и гроша не держу, онъ пропадетъ».

Наборъ конченъ, маіоръ набралъ до 8-ми тысячъ руб., но въ Симбирскѣ же и проигралъ, бѣдный. Я составилъ о всемъ подробную записку и упомянулъ, что К. не отдалъ мнѣ визита.

Въ февралѣ, вечеромъ, пью чай. Буря, мятель страшная, колокольчикъ у воротъ; входитъ холмъ снѣга и говоритъ:

— «Имѣю честь явиться! прошу извиненія, виноватъ кругомъ!»

Это былъ флигель-адъютантъ, полковникъ К. За чаемъ разсказалъ, что его очень бранилъ Бенкендорфъ за неотданіе визита.

— «На балѣ у Фикильмона, танцую кадриль съ государыней; только кончилъ, фельдъегерь подалъ бумагу: ему приказано немедля отвезти меня въ Симбирскъ, а мнѣ своеручно произвести слѣдствіе о злоупотребленіяхъ маіора Ю. при рекрутскомъ наборѣ».

Мнѣ предписано содержать подъ строгимъ надзоромъ маіора Ю., до окончанія слѣдствія.

Флигель-адъютантъ К..... остановился въ домѣ губернатора. К. не имѣлъ понятія, какъ и приступить къ слѣдствію; Z. далъ ему чиновника, служащаго у него по особымъ приключеніямъ. На другой день, я узналъ, что допрашивалъ и писалъ чиновникъ. Я къ полковнику К. и тутъ сказалъ:

— Говорятъ, что будто бы слѣдствіе дѣлаетъ чиновникъ?

Перепугался, поблѣднѣлъ К., забожился, заклялся честнымъ словомъ и проч., что это неправда. Мнѣ жаль было бѣднягу, я сказалъ, что я удовлетворенъ и вѣрю ему. Привезли маіора Ю. подъ арестомъ унтеръ-офицера и солдата.

Пріѣхалъ графъ Протасовъ; онъ состоялъ при особѣ государя, полковникъ. Удѣльныя имѣнія были разбросаны по всей Россіи; неудобно и дорого было управленіе, предполагалось: удѣльныхъ крестьянъ возвратить въ казну, а симбирскихъ казенныхъ крестьянъ, тысячъ до четырехсотъ, обратить въ удѣльные. Это и поручено было исполнить гр. Протасову. Послѣ него пріѣхалъ жандармскій полковникъ Ф.... Графъ Протасовъ—добрѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ, но страшный педантъ службы.

Симбирскіе казенные крестьяне—на черноземѣ, на Волгѣ, были богаты, много домовъ крыты тесомъ, синіе кафтаны, красные кушаки—жили привольно. Дѣлаясь удѣльными, становились помѣщичьими—переходъ не радостенъ! Надобно было быстро и ловко обдѣлать дѣло. Все исполненіе пало на меня. Понявъ любовь гр. Протасова къ крайней аккуратности, я каждый день посылалъ ему отчетъ въ каждомъ часѣ моей дѣятельности.

Въ это время, я проѣзжалъ въ сутки 300 верстъ.

Я успѣлъ взять подписки со всѣхъ деревень въ согласіи на переходъ, а Ф.... еще сочинялъ проектъ, какъ приступить къ дѣлу. Губернаторъ не участвовалъ, но ему хотѣлось прицѣпиться къ наградѣ; онъ вздумалъ взбунтовать одну отдаленную деревню Буинскаго уѣзда. Я упросилъ графа съѣздить со мною. Городничій Буинска не могъ отвѣчать графу ни на одинъ статистическій вопросъ, даже не сказалъ сколько церквей въ городѣ. Графъ спросилъ меня: «что онъ—дуракъ пошлый?»

— Нѣтъ, вы не умѣете спрашивать, мнѣ онъ отвѣтитъ: г. городничій, сколько у васъ кабаковъ?

Бодро и быстро отвѣчалъ—шесть!

Графъ легъ спать, а я—въ деревню къ бунтовщикамъ и такъ настращалъ ихъ именемъ графа, что когда онъ пріѣхалъ, то нашелъ всю деревню на колѣняхъ; но тутъ же я узналъ, что пріѣзжалъ переодѣтымъ чиновникъ по приключеніямъ, но доказать было трудно и я просилъ дѣла не поднимать.

Огромная была власть у Протасова. Когда я разсказалъ о полковникѣ К. и что онъ флигель-адъютантъ, но живетъ у губернатора, гр. Протасовъ послалъ за К., а мнѣ приказалъ сѣсть за ширмы. Боже мой, я и теперь слышу тотъ повелительный голосъ графа! Оба полковники и К.—флигель-адъютантъ, но графъ такъ жестоко бранилъ его, какъ я не бранилъ бы писаря,—глупцомъ, соусникомъ, блюдолизомъ и проч.... Укорялъ его, какъ довѣреннаго государя: къ нему долженъ прибѣгать обиженный, а кто же пойдетъ съ жалобой на губернатора, когда онъ лижетъ его тарелки! Приказалъ чрезъ два часа съѣхать—и съѣхалъ. Во все время, К. покорно молчалъ. Я такъ и ждалъ, вотъ К. треснетъ графа.

Когда собирался графъ уѣзжать, то я, боясь неустановившагося еще дѣла и боясь шаловливости Z., совѣтовалъ придумать что нибудь. Графъ послалъ меня къ губернатору сказать, что графъ будетъ у него офиціально.

Пришли мы съ графомъ, губернаторъ встрѣтилъ во фракѣ. Графъ спросилъ: какъ передалъ вамъ г. маіоръ? На отвѣтъ губернатора, графъ сказалъ:

— «Я пришелъ офиціально передать губернатору волю государя, съ лакеемъ я говорить не могу, надѣньте мундиръ и придите выслушать».

Пришелъ въ мундирѣ губернаторъ. «Слушайте повелѣніе государя: вы устраняетесь отъ всякаго участія въ дѣлахъ по переименованію казенныхъ крестьянъ въ удѣльные. Государь императоръ повелѣваетъ всѣ распоряженія по этимъ дѣламъ поручить вамъ, г. маіоръ! вы имѣете дѣйствовать не сносясь съ губернаторомъ; малѣйшее косвенное вмѣшательство губернатора замѣтите—пришлите немедля курьера».

Губернаторъ только успѣлъ сказать, что онъ не заслужилъ такого недовѣрія.

Графъ крикнулъ: «молчать! когда приказываетъ государь, тогда не разговариваютъ, а исполняютъ; еще слово—я отправлю васъ въ телѣжкѣ!»

Я былъ свидѣтелемъ два раза страшной власти графа Протасова. Не будучи посвященъ въ іерархію дворскихъ чиновъ, я изумлялся власти полковника и осторожно высказалъ это графу;

онъ много смѣялся моему невинному невѣжеству и сказалъ: «флигель-адъютантовъ много, а при особѣ государя—два, три».

За этими хлопотами, я потерялъ изъ вида слѣдствіе о маіорѣ Ю. Послѣ слышалъ: флигель-адъютанта полковника К. назначили въ какой-то армейскій полкъ—младшимъ. Маіору Ю. не давать въ команду отдѣльной части—милостиво! На счетъ виновныхъ доставить въ Петербургъ забракованнаго рекрута.

Старшимъ, чванству, я никогда не спускалъ, но часто попадались по жалобамъ секретари, столоначальники, засѣдатели и тому подобные: берутъ взятки—бери, Богъ съ ними, на то они и крапивное сѣмя, а то жадные, возьметъ съ одного и беретъ съ противника, обиженная сторона жалуется. Сейчасъ записку: свидѣтельствуя совершенное почтеніе и проч., имѣю честь просить пожаловать для личныхъ объясненій. Въ залѣ всегда есть просители или знакомые. Приходитъ виновный, я самымъ ласковымъ образомъ говорю, что я затрудняюсь въ одномъ дѣлѣ и обращаюсь къ его опытности; прошу его совѣта и приглашаю въ кабинетъ, двери на замокъ и тамъ уже объясненіе, отъ котораго сойдетъ съ головы мыла три! Видя трусость и раскаяніе, обѣщаніе немедля возвратить обиженному деньги и клятва болѣе такъ не дѣлать,—выходя изъ кабинета, я вѣжливо благодарю его за умный и опытный совѣтъ—далѣе кабинета не шло. Не помню случая, чтобы были рецидивисты. Цѣль достигалась безъ оскорбленія.

Чрезъ 10 лѣтъ, я былъ въ Симбирскѣ, имѣлъ дѣло совершить три купчія въ гражданской палатѣ. Совершили въ одинъ день и въ какой—въ субботу! Представьте мое положеніе, я скажу хотя невѣроятную правду, есть свидѣтели, но мнѣ никто не повѣритъ: 1848 года въ 30-й день ноября, въ день Андрея Первозваннаго, я вынулъ 500 руб., чтобы благодарить секретаря и надсмотрщика крѣпостныхъ дѣлъ. Эти господа руки назадъ и сказали: «извините, ваши деньги прожгутъ наши карманы и принесутъ несчастіе нашимъ дѣтямъ; вы были нашимъ отцомъ, за вами мы жили какъ у Христа за-пазухой; извините, полковникъ, не обижайте насъ, мы вашихъ денегъ взять не можемъ!»

Представьте—и не взяли!!! Такой исключительный случай въ тѣ старые годы невѣроятенъ, но былъ; признаться, я считалъ

себѣ высокою наградой за службу въ Симбирскѣ и вѣрилъ, что тамъ я былъ не лишній.

Припоминая прошедшее, дѣйствительно не припомню, чтобы я кому нибудь изъ этой мелкой сошки сдѣлалъ бы существенный вредъ, а что бывало въ кабинетѣ, того никто не зналъ. Оказалось, лекарство было полезное.

Наступили дворянскіе выборы, съѣзжалось дворянъ до 300. Великодушныхъ (болѣе 100 душъ) въ губерніи было много. Выборы обыкновенно были шумны, бывали и серьезныя ссоры, но я не мѣшался. Я на выборы смотрѣлъ какъ на дѣло семейное, сегодня ссорятся, а завтра мирятся—только не мѣшать.

Еще до выборовъ, я зналъ, что князь Д. сосваталъ старшую дочь губернскаго предводителя князя Б. Давненько ходили сплетни, что будто бы губернаторъ Z. наряжался старухою и ходилъ на свиданіе къ теперешней невѣстѣ и что будто бы Z. такъ хорошо гримировался, что отецъ-князь Б. разъ встрѣтилъ старуху-губернатора и не только не узналъ, но указалъ, что дочь его въ саду. Сплетень всегда много въ провинціи, а тѣмъ болѣе въ такомъ большомъ обществѣ; но на этотъ разъ разыгралась весьма серьезная исторія, такъ что я вынужденъ былъ выказать весь авторитетъ моей власти.

Былъ въ Симбирскѣ полковникъ графъ Т.; былъ холостой, жилъ въ Симбирскѣ, но числился по иностранной коллегіи. Графъ Т. былъ другомъ Z. и, еще болѣе—другомъ князя Д., жениха. Z. похвасталъ мнимою интрижкой съ княжной передъ графомъ Т.; послѣдній, любя князя Д., сообщилъ ему о признаніи губернатора Z.

Князь Д. былъ отставной гвардеецъ; онъ кавказскій князь и, говорили, владѣтельнаго дома. Князь Д. былъ брюнетъ, хорошаго средняго роста, стройный, одѣвался отчетливо въ черное, говорилъ сквозь зубы, стригся подъ гребенку, молчаливъ, холоденъ, корчилъ Байрона—тогда много было Байроновъ, мода! Князь Д. считался вспыльчивымъ, храбрымъ; за нимъ была странность, онъ имѣлъ антипатію къ комикѣ. Я думалъ, что онъ притворяется. Мы были знакомы съ нимъ по панибратски. На одномъ вечерѣ, я, увидѣвъ идущаго по улицѣ князя, поймалъ котенка, посадилъ въ столъ и далъ ему сахару. Встрѣтивъ князя, взялъ

его подъ руку и, говоря, велъ его къ столу; подходя, я почувствовалъ, что онъ вздрогнулъ, а подойдя—поблѣднѣлъ, вырвался отъ меня и сказалъ, что онъ не можетъ тутъ быть. Это былъ фактъ сильной антипатіи! Котенка я выкинулъ, но никому не сказалъ о моей шалости. Впрочемъ, князь держалъ себя весьма прилично, въ карты не игралъ, вина почти не пилъ, былъ непарушимо одинаковъ, но на то онъ и былъ Байронъ. Ни одной исторіи не было за княземъ Д.

Какъ только князь Д. выслушалъ графа Т., тотчасъ же объяснился съ отцомъ княземъ Б. и отказался отъ невѣсты. Невѣста въ глубокомъ обморокѣ, отецъ несчастливъ, князь Д. бѣснуется. Узнаю вечеромъ, что князь Б., какъ губернскій предводитель (кажется, въ теченіи 18-ти лѣтъ), намѣренъ утромъ жаловаться дворянству и просить защиты—старому слугѣ дворянства! Князь Д. клянется разбить рожу губернатору въ соборѣ!

Поздно вечеромъ, я нашелъ губернатора въ страшной тревогѣ: онъ слышалъ о намѣреніи князя Б. Зная нерасположеніе къ нему дворянства и какого дворянства—дружнаго, гордаго, сибирскаго,—было отъ чего въ отчаянье придти! А я прибавилъ о намѣреніи князя Д. Это окончательно сдѣлало губернатора неспособнымъ мыслить! Онъ только и видѣлъ спасеніе въ моей помощи. Но какъ же онъ и просилъ меня спасти его!

Я спросилъ Z.: что побудило его хвастать? онъ отвѣчалъ:

— «Имѣть успѣхъ въ женщинѣ и не разсказать, все равно, что, имѣя андреевскую звѣзду, носить ее въ карманѣ».

Исторія—во всѣхъ отношеніяхъ скверная. Не будь Z. губернаторомъ, то была бы смѣшная, скандальная исторія, но хоть лыкомъ шитъ, а онъ—губернаторъ, власть! Разыграйся глупость—огорчила бы государя и на все честное и благородное сибирское дворянство упала бы тѣнь преступленія! Я рѣшился дѣйствовать не для спасенія Z., котораго я уважать не могъ, а для спасенія власти губернатора.

Рано утромъ, я былъ въ кабинетѣ губернскаго предводителя и, послѣ обычныхъ вѣжливостей, я прямо приступилъ:

— До свѣдѣнія моего дошло, что ваше сіятельство намѣрены сегодня говорить передъ дворянствомъ и жаловаться на Z.?

— «Кто вамъ это сказалъ? Можетъ быть, неправда».

— Если неправда, то тѣмъ лучше; вамъ остается, князь, дать мнѣ честное слово, что вы говорить не будете, я вамъ повѣрю.

— «Кто вамъ далъ право: требовать отъ меня честное слово и входить въ мои дѣла?»

— Моя обязанность, князь.

— «Въ чемъ она состоитъ?»

— Въ секретной инструкціи, утвержденной государемъ!

— «Я вамъ слова не дамъ и думаю—наши объясненія кончены!»

— Нѣтъ, князь, если не дадите слова, то я дамъ вамъ слово, что вы отсюда не выйдете!

— «Это какъ?»

— Я васъ арестую!

— «Вы имѣете право арестовать губернскаго предводителя?»

— Имѣю право всякаго арестовать, для охраненія власти, ввѣренной государемъ.

— «Вы молоды судить объ оскорбленіяхъ, вы не отецъ!»

— Я сынъ моихъ родителей и братъ моихъ сестеръ!

— «Вы знаете эту несчастную исторію?»

— Все подробно знаю и знаю, что тутъ все ложь и глупость. Дѣла скандаломъ не поправите, а я, сочувствуя вамъ сердцемъ и душою, беру на себя и ручаюсь, что все дѣло выяснится къ спокойствію вашему и общему; пострадаетъ тотъ, кто виною огорченія вашего.

— «Какое вы можете дать ручательство?»

— Честное мое слово, которому я не измѣнялъ во всю жизнь!

— «Молодой человѣкъ, вы много берете на себя; помните, вы отвѣтите передъ оскорбленнымъ отцомъ!»

— Вамъ нѣтъ исхода, князь: либо вѣрьте моему слову и дайте мнѣ ваше честное слово, либо вы не выйдете отсюда.

Князь заплакалъ и далъ мнѣ честное слово, что говорить передъ дворянствомъ не будетъ. Я успокоивалъ его, какъ умѣлъ. Грустно видѣть старыя слезы оскорбленнаго отца. Разговоръ былъ длиненъ, я записалъ только главные пункты.

Покончивъ съ однимъ княземъ, я посѣтилъ князя Д. Выходитъ ко мнѣ князь, съ плотно обстриженой головой, воротнички

à l'enfant, какъ Байронъ на портретѣ, съ трубкой, и цѣдитъ сквозь зубы—англичанинъ да и только!

— «Чему я обязанъ, что вы пожаловали ко мнѣ?»

— Князь, прежде всего здравствуйте и позвольте сѣсть; мнѣ нужно поговорить съ вами.

Обстановка слишкомъ проста: во всю комнату простой крашеный столъ, около такая же голая скамейка, точно въ бѣдной школѣ; на скамейкѣ мы и усѣлись.

— Вы, князь, огорчены и очень раздражены изъ глупой лжи, дошедшей до васъ.

Князь какъ-то засопѣлъ, сжалъ чубукъ такъ, что у него хрустнули пальцы; странно сопѣвши, придвигался ко мнѣ. Молчитъ, не можетъ или не рѣшается сказать слово. Я спокойно посовѣтовалъ не придвигаться такъ близко, а то намъ неудобно говорить. Азія немного утихла и князь сквозь черные зубы процѣдилъ:

— «Желалъ бы я знать, какое вы имѣете право мѣшаться въ чужія дѣла?»

Я разсмѣялся и сказалъ: жандармы для того и учреждены, чтобы мѣшаться въ чужія дѣла. Вы сердитесь, князь, а, узнавъ мои намѣренія, вы не отвергнете моего участія.

— «Я не имѣю нужды ни въ чьемъ участіи!»

— Дѣло-то въ томъ, что я имѣю необходимость принять участіе въ вашемъ дѣлѣ.

— «Позвольте узнать, какая вамъ необходимость соваться въ мои дѣла?»

— Вы, князь, намѣрены разбить рожу Z. публично?

— «Ну, что же вамъ за дѣло?»

— До рожи Z. мнѣ совершенно нѣтъ дѣла, но п..... рожа Z. принадлежитъ губернатору, вотъ это и перемѣняетъ видъ дѣла. Моя обязанность устранить всякое публичное оскорбленіе власти, поставленной государемъ; я пришелъ доложить вамъ: пока Z. губернаторомъ, вы не исполните своего намѣренія.

— «Кто можетъ остановить меня?»

— Я, князь, затѣмъ и пришелъ къ вамъ.

— «Какимъ это образомъ?»

— Я прошу васъ, пока Z. губернаторомъ, не оскорблять его, въ чемъ и прошу вашего честнаго слова!

— «А если я вамъ слова не дамъ?»

— Я вынужденъ буду арестовать васъ.

Опять засопѣлъ и процѣдилъ:

— «Вы не посмѣете этого сдѣлать!»

— Князь, даю честное слово—сдѣлаю!

— «Кто далъ вамъ право?»

— Секретная инструкція, высочайше утвержденная!

— «Вы не понимаете моего оскорбленія и не можете понять».

— Я вамъ сказалъ, что я все знаю подробно; думаю, что и сочувствовать вамъ могу, что̀ вы и увидите.

— «Въ чемъ же ваше сочувствіе? Какъ вы поймете, что этотъ п..... изъ счастливаго человѣка сдѣлалъ меня несчастнымъ?»

— Прошу васъ выслушать меня безъ раздраженія. Прежде всего скажу вамъ, что вы будете счастливы!

— «Я вамъ не вѣрю и вижу, что вы ничего не знаете».

— Эхъ, почтенный мой князь, какой же я былъ бы жандармъ, еслибъ не зналъ всего; только публикѣ неизвѣстно, что я все знаю, и не узнаютъ безъ нужды.

— «Можете вы мнѣ сказать, что̀ вамъ извѣстно?»

— Очень охотно: малодушный хвастунъ Z. считалъ гордостью для себя похвастать интригой съ прекрасной и уважаемой дѣвушкой, передъ графомъ Т.; послѣдній, какъ вполнѣ благородный и честный человѣкъ, счелъ долгомъ предупредить васъ. Тутъ правы и Т. и вы, князь. Презрѣнно виноватъ Z. Я радъ возможности удостовѣрить васъ честнымъ моимъ словомъ, что Z. солгалъ: ничего подобнаго не было.

— «Какъ вы можете знать и ручаться?»

— Князь, еще повторю: я жандармъ!

— «Но позвольте, вы сами дворянинъ и можете быть въ моемъ положеніи; спрашиваю васъ, не имѣю ли я права наказать его?»

— Вашего права я не отвергалъ и не отвергаю, но согласитесь, какое же вамъ удовлетвореніе, если вы красивой рукой будете бить—кого же?—Z.! Меня бы не удовлетворила подобная месть!

— «Чего же я могу желать или что̀ сдѣлать, по вашему?»

— Вотъ это дѣло, мой почтенный князь; спокойно обсудивъ,

можно найти разумный исходъ. Вы мнѣ сдѣлали вопросъ, а я спрошу васъ: какого вы хотите удовлетворенія?

— «Что же вы можете сдѣлать?»

— Все, что вы хотите!

— «Ну, а еслибъ я потребовалъ, чтобы м..... сознался, что онъ солгалъ?»

— Только-то, князь?

— «Мнѣ и этого будетъ довольно!»

— Нѣтъ, князь, я не того хочу, я обѣщаю вамъ, что онъ долженъ при васъ написать, что онъ п.... солгалъ и что если болтнетъ одно слово, то безъ претензій, гдѣ бы ни было, дозволитъ вамъ разбить свою р....

— «Будто вы можете это сдѣлать?»

— Даю вамъ слово, но и вы дайте мнѣ честное слово, что, пока онъ губернаторомъ, вы не оскорбите его.

— «Слово даю вамъ, но помните, въ случаѣ неудовлетворенія меня, моя ненависть обратится на васъ!»

— Согласенъ, князь, но пока будетъ секретъ.

Съ княземъ Д. мы разстались въ мирномъ настроеніи. Пошелъ я къ Z., увѣдомилъ его, что князь Б. не будетъ жаловаться дворянамъ. Сколько было радости, благодарности—даже черезчуръ! Но зная легкомысленную и шаловливую натуру Z., спускать съ веревочки нельзя его. Я нарисовалъ цѣлый адъ мести въ князѣ Д. и не ручаюся за его отчаянную рѣшимость.

— «Да, я знаю, это кавказскій дикарь, у него кинжалъ всегда готовъ! Батюшка, помогите, я по гробъ буду вамъ благодаренъ!»

— Погодите, что могу, то сдѣлаю. Прощайте, мнѣ сегодня необходимо съѣздить въ уѣздъ по дѣлу.

Боже мой, какъ струсилъ мой губернаторъ!

— «Какъ же вы бросите меня на жертву! мнѣ необходимо будетъ выйти изъ дома—дикарь, кинжалъ!»

— Вотъ какъ мы сдѣлаемъ: я прибавлю вамъ двухъ жандармовъ, которымъ вы послѣ заплатите; выходить не совѣтую, скажитесь больнымъ, а еще лучше прикажите поставить себѣ дюжину пьявокъ: это сдѣлается всѣмъ извѣстно и болѣзнь будетъ прилична.

— «Охотно принимаю вашъ совѣтъ».

Я уѣхалъ въ уѣздъ. Возвратясь, нашелъ моего губернатора въ постелѣ. Еще болѣе я настращалъ его княземъ Д. По моему описанію, это былъ крокодилъ, пантера! Въ нѣсколько дней, до того демонализовалъ моего Z., что онъ впалъ въ отчаяніе. Наступилъ моментъ: все, что я хотѣлъ, могъ сдѣлать съ Z. Публика догадывалась, со всѣхъ сторонъ сыпались ко мнѣ вопросы, но успѣхъ могъ быть тогда, когда дѣло было въ однѣхъ моихъ рукахъ, безъ посторонняго участія; публика могла испортить весь эффектъ. Z. ужасно обрадовался, когда я взялъ на себя прекратить все дѣло съ нѣкоторыми пожертвованіями съ его стороны. Z. соглашался на все безусловно. Я предложилъ свиданіе съ княземъ Д. вечеромъ. Z. долженъ написать подъ диктовку князя письмо и вручить ему лично. Z. опасался, что, при свиданіи, князь пырнетъ его кинжаломъ, я показалъ ему мою саблю, отточенную какъ бритва, и свиданіе будетъ при мнѣ. Z. соглашался написать какое угодно письмо, хотя на гербовой бумагѣ, но только бы не видѣться; я требовалъ свиданія и Z. согласился на все.

Въ 9 часовъ вечера, князь одѣтъ по послѣдней модѣ во фракѣ. Z. въ халатѣ исполнялъ роль больнаго. Большой круглый столъ въ гостиной былъ поставленъ недалеко отъ дверей спальной жены; я поставилъ Z. около стола со стороны и близь дверей— на случай ретирады; на столѣ письменный приборъ. Привелъ князя Д. и поставилъ его на діаметръ противъ Z., а самъ сталъ въ срединѣ между нихъ. Оба молчатъ. Я сказалъ Z.:

— Князь желаетъ продиктовать письмо—угодно вамъ написать?

— «Охотно исполню все!»

— Князь, извольте диктовать.

Послѣ: «Милостивый государь», князь диктовалъ, процѣживая сквозь зубы:

«Дошедшія до васъ слова, сказанныя мною о княжнѣ Б., совершенно ложныя и если я сказалъ, то утверждаю клятвою, что я солгалъ. Клятвою утверждаю, что ничего подобнаго не было и вездѣ, всегда готовъ подтвердить это. Если-жъ я осмѣлюсь повторить мою ложь или безъ особаго уваженія произнести имя княжны, то даю право князю Д., вездѣ и во всякое время, бить меня по лицу, какъ безчестнаго человѣка Z.».

Преотвратительно писалъ Z., а тутъ стоя, въ испугѣ,— еще

хуже, и подалъ князю Д. Комическая сторона этой сцены выразилась тѣмъ: когда диктовалъ князь, то, поглядывая на меня, улыбался и подмигивая показывалъ на пишущаго Z.,—понятно говорилъ: какой д.....! Когда же Z. передалъ письмо князю Д. и тотъ внимательно читалъ, то Z. улыбаясь подмигивалъ мнѣ и тоже выражалъ глазами — какой д.....! А что я думалъ, стоя между ними? позвольте умолчать!

Князь Д., прочитавъ письмо, положилъ въ карманъ и, съ полупоклономъ, молча ушелъ. Бѣдная страдалица-жена Z. мучилась во все время не меньше мужа. По уходѣ князя, я очутился въ роли благодѣтельнаго генія,—благодарности, чуть не молитвы за спасеніе отъ бѣдъ и напастей. Князь Д. совершенно удовлетворился. Князь Д. объяснился съ княземъ Б. и съ ожившей для радостей невѣстой.

Мнѣ остается сказать: я тамъ былъ, медъ, пиво пилъ. Всѣ счастливы, довольны, но конецъ-то вышелъ трагическій. Я написалъ подробное донесеніе шефу обо всемъ этомъ происшествіи, и вотъ, чрезъ три недѣли—указъ объ увольненіи губернатора Z. и высочайшее повелѣніе «впредь никуда не опредѣлять». Мой кредитъ высоко поднялся въ Симбирскѣ.

Бывшій губернаторъ Z. горько плакалъ и жаловался, что онъ не знаетъ причины, по которой лишился мѣста, что онъ такъ бѣденъ, что не знаетъ какъ выѣхать и вывезти семейство (у него была одна дочь, которая послѣ была женою брата П** и умерла, оставя красавицу дочь).

Откупщикъ Бенардаки подарилъ Z. карету. Добряки дворяне собрали деньжонокъ и поручили Бенардаки отдать Z. отъ своего имени. Уѣхалъ Z. безъ проводовъ.

Вмѣсто Z. назначенъ Иванъ Степановичъ Жиркевичъ. Въ «Русской Старинѣ» есть посмертныя Записки его; мнѣ приходится сказать о немъ, какъ стороннему зрителю.

Послѣ графа Протасова, полковникъ Ф.... продолжалъ жить въ Симбирскѣ; дѣла ему не было, да едва ли онъ способенъ былъ на дѣло. Онъ предполагалъ что-то начать, все думалъ начать, но такъ ничего и не началъ; онъ даже не зналъ, что я дѣлаю; губерніи ему не поручали, а числился онъ при штабѣ; можетъ быть, забыли о немъ, или хотѣли забыть. За дѣй-

ствіе при графѣ Протасовѣ, я получилъ подполковника, а Ф.... Владиміра на шею. За что ему? Не знаю! Корпусъ жандармовъ избавился отъ него, сдѣлавъ его подольскимъ губернаторомъ, гдѣ онъ былъ—калифъ на часъ. Я же и былъ на его похоронахъ въ Кіевѣ. Припомнилась мнѣ дѣятельность Ф.... въ Симбирскѣ. Пишетъ ко мнѣ Дубельтъ и присылаетъ доносъ на меня отъ Ф..... Не хотѣлъ я и показать Ф.... его глупости, да и рѣдко съ нимъ видѣлся.

Такъ было недавно, съ небольшимъ 40 лѣтъ, но, какъ ни бужу свою память, не могу добиться отъ нея воспроизведенія момента съ подробностями, какъ явился Жиркевичъ въ Симбирскъ, и думаю, едвали солгу сказавъ, что никто этого не зналъ; какъ тогда, такъ и теперь, не съумѣю объяснить: пѣшкомъ пришелъ или пріѣхалъ Жиркевичъ? Днемъ или ночью? Какъ-то всѣ вдругъ увнали, что новый губернаторъ занимается дѣлами. Говорили въ обществѣ о Жиркевичѣ такъ, какъ будто онъ и не выѣзжалъ изъ Симбирска и какъ будто онъ давно уже губернаторомъ. Всезнайки разсказывали: когда спросили его, когда онъ позволитъ представиться чиновникамъ?—онъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ безпокоиться, я съ господами служащими познакомлюсь занимаясь вмѣстѣ дѣлами». Въ губернскомъ городѣ всѣ знаютъ, кто что ѣстъ, о пріѣзжемъ извѣстно—богатъ, бѣденъ, скученъ, веселъ, играетъ ли, танцуетъ ли, даже хорошо ли говоритъ по французски, и проч. О Жиркевичѣ я не слыхалъ ни одного вопроса, никто не интересовался и почти не упоминалась фамилія: просто говорили—губернаторъ. Я куда-то ѣздилъ; возвратясь, немедля явился къ новому губернатору. Въ залѣ два чиновника съ кипами бумагъ; я просилъ доложить, отвѣчали: не приказано, и указали на отворенную дверь въ кабинетъ. Губернаторъ у стола, уложеннаго бумагами, на двухъ стульяхъ—дѣла. Только я вошелъ, Жиркевичъ всталъ на встрѣчу мнѣ. Онъ былъ больше средняго роста (вершковъ восьми); правильное и, можно сказать, красивое лицо, но не только серьезное, почти суровое выраженіе; темно-русые волосы приглажены по военному; въ форменномъ штатскомъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы—видна привычка къ военной формѣ. Жиркевичъ былъ сухаго сложенія, но не худъ; поклонъ, движенія мнѣ напоминали воспитаніе въ корпусѣ; говорилъ скоро, какъ-то отрывисто. При-

гласилъ сѣсть. Думаю, захочетъ знать о губерніи, объ обществѣ... Ничуть не бывало, хоть бы слово спросилъ, а отъ кого же и узнать, какъ не отъ жандарма! Странное впечатлѣніе сдѣлалъ на меня Жиркевичъ. Онъ вѣжливъ, но очень молчаливъ; всѣ вопросы его касались только лично меня. Я попробовалъ сказать шутку—онъ не слыхалъ; я хотѣлъ заинтересовать его серьезнымъ—онъ не обратилъ вниманія. Откланявшись, я рѣшительно не могъ составить себѣ понятія о характерѣ Жиркевича.

Жиркевичъ скоро отдалъ мнѣ визитъ, и опять странность—пѣшкомъ, тогда какъ въ Симбирскѣ и мѣщане не ходили, а ѣздили; я не сказался дома; на карточкѣ просто: Иванъ Степановичъ Жиркевичъ.

Зашелъ къ Жиркевичу вечеромъ—читаетъ и подписываетъ бумаги; около стоитъ правитель канцеляріи Раевъ. Жиркевичъ отпустилъ Раева, сказавъ: «я бумаги къ вамъ пришлю». Ну, думаю, теперь разговоримся. Жиркевичъ, все въ форменномъ застегнутомъ сюртукѣ, былъ очень вѣжливъ, говорилъ о погодѣ, мѣстоположеніи города—сухая исторія! Я коснулся было общественной жизни, что дворяне любятъ веселиться и привыкли, чтобы участвовалъ съ ними губернаторъ. Онъ отвѣчалъ, что какъ обдѣлается съ дѣлами, то и онъ не прочь раздѣлить общее удовольствіе. Но такъ и не обдѣлался! Я разсказалъ какой-то анекдотъ, думая сорвать улыбку—разсказъ мой прошелъ мимо! Видаясь по разнымъ случаямъ съ Жиркевичемъ, я всегда заставалъ его за бумагами и составилъ о немъ себѣ понятіе, что это человѣкъ дѣла. Онъ всегда былъ какъ-то сдержанъ, очень вѣжливъ, но малѣйшая несправедливость, плутовство по дѣламъ—выводили его изъ себя; вспыливъ, онъ уже не зналъ границъ гнѣва. Много ходило разсказовъ по городу, какъ онъ, забывшись, гнался до крыльца за совѣтникомъ. Мошенники для него теряли личность, но за то и боялись его чиновники!

Жиркевича полюбить очень трудно, но нельзя было не почитать его, нельзя было не уважать честной его дѣятельности, его безкорыстія; онъ отдался весь, безъ остатка, полезному служебному труду. Жиркевичъ былъ ходячій законъ. Узнавши его, я готовъ былъ поклоняться ему, но, къ сожалѣнію, видѣлъ, что онъ не по дому пришелся въ Симбирскѣ. Мои сношенія съ нимъ были прекрасны, но сухи.

Я заговаривалъ съ дворянами, какъ бы губернатора завлечь въ общество? Мнѣ отвѣчали: «Зачѣмъ? Онъ пріѣзжій, долженъ самъ искать въ насъ; не хочетъ, пусть будетъ губернаторомъ, мы ему не мѣшаемъ и не нуждаемся въ немъ».

На послѣднихъ выборахъ, губернскій предводитель, князь Б., прослуживъ предводителемъ, если не ошибаюсь, лѣтъ 18, отказался: на него сильно подѣйствовала разсказанная исторія, онъ заболѣлъ отъ огорченія.

Вмѣсто князя Б., выбрали отставнаго генералъ-маіора Бестужева; онъ былъ старый холостякъ, веселонравный, часто впадалъ въ роль буффа.

Почиталъ я Жиркевича и очень любилъ генерала Бестужева, но вотъ случай, поставившій меня въ затрудненіе: были парадныя похороны уважаемой особы; лѣтній день превосходный, весь городъ высыпалъ проводить гробъ въ монастырь. Въ Симбирскѣ въ общемъ употребленіи: на длинныхъ, тонкихъ дрогахъ устроены очень низко дрожки, на нихъ могутъ сѣсть семь, восемь человѣкъ. На такихъ дрожкахъ, или городовомъ тарантасѣ, сѣли: Жиркевичъ, Бестужевъ и я—между ними посрединѣ. Народъ толпился около важныхъ лицъ. Надобно разсказать бывшій передъ тѣмъ случай. Былъ архитекторъ и въ то же время небольшой помѣщикъ Симбирска. Какая-то казенная постройка или починка поручена архитектору; обыкновенно: смѣта, справочныя цѣны. Архитекторъ не расчиталъ, что ему придется имѣть дѣло съ Жиркевичемъ. Обычная увѣренность спеціалистовъ—что тамъ смыслитъ губернаторъ! Жиркевичъ сразу поймалъ не на одной плутнѣ и еще бы ничего, но архитекторъ упорно заспорилъ; Жиркевичъ вспылилъ, вышелъ изъ себя, и архитекторъ дѣйствіемъ вылетѣлъ изъ кабинета и изъ дома. Архитекторъ, какъ помѣщикъ, принесъ жалобу губернскому предводителю. Сначала мы ѣхали почти молча, Бестужевъ очень скромно сказалъ:

— «Ваше превосходительство, вы на дняхъ очень неосторожно выгнали здѣшняго помѣщика».

— Кого это?

— «Архитектора».

— Онъ мошенникъ, воръ.

— «Этотъ мошенникъ всетаки дворянинъ, помѣщикъ, такъ нельзя поступать».

— Мошенникъ, воръ—не имѣетъ званія, я выгнялъ подлеца и выгоню всякаго вора.

— «Если такъ будете поступать съ дворянами, то къ вамъ придутъ всѣ дворяне!»

— Я прикажу баталіону выгнать ихъ!

Вижу, закипѣлъ Жиркевичъ, дошло до крупнаго, народъ окружаетъ плотно; я рѣшился войти въ свои права и, не смотря ни на котораго, сказалъ: «Ваши превосходительства, господинъ губернаторъ и господинъ губернскій предводитель! На основаніи секретной инструкціи, высочайше утвержденной, прошу прекратить разговоръ, унижающій главныхъ власти; здѣсь не мѣсто, васъ окружаетъ народъ!»

Замолчали оба мои пріятели и молча доѣхали до могилы. Послѣ съ обоими я не коснулся этого случая.

Честный и ретиво-трудолюбивый Жиркевичъ не могъ понравиться симбирскому дворянству, которое было гордо, богато, независимо и дружно. Дворянство привыкло видѣть въ губернаторѣ члена общества, не мѣшая ему быть губернаторомъ. Жиркевичъ не могъ отдѣлиться отъ службы; какъ онъ для общества, такъ и оно для него, не существовали.

Весьма часто я писалъ къ шефу, что Жиркевичъ феноменъ между губернаторами, но въ Симбирскѣ онъ пришелся не по дому. Писалъ, что Жиркевича достанетъ управлять тремя губерніями, стоялъ за его благородную честность, неутомимость, но, какъ губернаторъ, въ Симбирскѣ онъ совершенно нелюбимъ дворянствомъ, которое можетъ уважать губернатора, но когда онъ стоитъ въ головѣ общества и дѣлитъ съ ними удовольствія.

Хлопотавши съ Z., я потерялъ изъ вида дѣла по удѣльнымъ имѣніямъ; доходили до меня слухи о неудовольствіяхъ на удѣльное управленіе, но полагалъ—дѣло новое, еще не освоилось, не надо мѣшать, обойдется. Лишь только я хотѣлъ пощупать осторожно, что дѣлаетъ удѣльная контора, какъ является ко мнѣ лучшій мой унтеръ-офицеръ Варакинъ, посланный мною въ уѣздъ, и разсказываетъ, «что въ татарской деревнѣ Безднѣ, удѣльныхъ чиновниковъ, съ управляющимъ NN., татары засадили въ пустую избу и заколотили—подъ арестъ. Татаръ на-

бралось множество изъ другихъ деревень, всѣ верхами, скачутъ по полю съ ножами и кистенями, бормочатъ по своему; я въ сосѣднемъ русскомъ селѣ дождался ночи и тихимъ манеромъ освободилъ чиновниковъ».

— За что татары арестовали удѣльныхъ?

— «Ничего не знаю».

Я къ Жиркевичу, ему только что донесъ исправникъ; явился удѣльный управляющій и говоритъ объ ужасномъ бунтѣ. Отъ какой причины бунтъ—покрыто мракомъ неизвѣстности. Я спросилъ Жиркевича, что онъ намѣренъ дѣлать?

— «Поѣду, прочитаю законъ».

— Татары, не понимая русскаго языка, не послушаютъ.

— «Тогда приведу войска».

— Какія?

— «Здѣшній баталіонъ».

— Въ баталіонѣ до 300 человѣкъ, но не наберется здоровыхъ и 100 человѣкъ, остальные калѣки, а ружей кой-какъ годныхъ, съ замками, не найдется и 50-ти, что же вы можете съ этой арміей?

— «Исполню законъ».

— Но вы знаете, что это не только безполезно, но вредно тѣмъ, что татары разъ испытаютъ безсиліе воинской команды, тогда нужна противъ нихъ армія, вѣдь татаръ 40 тысячъ!

— «Что же дѣлать, я долженъ исполнить законъ».

Въ этихъ словахъ выразился весь Жиркевичъ.

Сознавая вредъ отъ буквальнаго исполненія закона, я, у него же въ кабинетѣ, написалъ къ нему конфиденціальное письмо, въ которомъ, изложивъ безсиліе его дѣйствовать противъ взбунтовавшихся татаръ—исполняя буквально статьи закона, и могущій произойти отъ того вредъ, то, въ отвращеніе вредныхъ послѣдствій, я, на основаніи секретной инструкціи, высочайше утвержденной, останавливаю ею дѣйствія по этому дѣлу и принимаю на свою отвѣтственность. Подалъ Жиркевичу, онъ прочиталъ внимательно два раза, спросилъ:

— «Вы не возьмете назадъ?»

— Нѣтъ.

— «Что заставляетъ васъ соваться въ такое рискованное дѣло и брать добровольно на свою отвѣтственность?»

— Безполезность вашихъ дѣйствій и польза отъ моей ушли, вѣдь я русскій человѣкъ!

Жиркевичъ обнялъ меня и сказалъ:

— «Вы честный и благородный дуракъ!»

— Спасибо.

— «На вашемъ мѣстѣ, я бы не взялъ на себя, а вамъ дай Богъ успѣха!»

Татары въ Симбирской губерніи называются лашманы. Это названіе первоначально было, вѣроятно, хоцманъ.

Въ Симбирской губерніи, если не ошибаюсь, находится до 270-ти тысячъ десятинъ удивительнаго корабельнаго дубоваго лѣса, есть сосновыя рощи мачтовыхъ деревъ. Петръ I-й возложилъ на татаръ, по требованію адмиралтейства, нарубить и вывезти на пристань дубы по указанію разныхъ тимермановъ; за это татары-лашманы избавлялись отъ податей и отъ рекрутства. Татарамъ, какъ я узналъ, повинность эта обходилась очень дорого, но азіаты гордились отличіемъ особой привиллегіи отъ христіанъ и охотно исполняли хотя и тяжелую повинность.

Съ переводомъ казенныхъ крестьянъ въ удѣльные, о татарахъ-лашманахъ не было и рѣчи; татары оставались прежними лашманами. Пока я хлопоталъ съ Z., потомъ женился, удѣльная контора, въ тихомолку, стала забирать лашманъ въ свое завѣдываніе, стала предписывать волостямъ. Пока шло дѣло о мелочахъ, татары молчали. Контора неразумно коснулась религіозныхъ правъ татаръ, предписала запретить многоженство. Татары зашумѣли. Удѣльная контора не остановилась, вздумала учредить общественную запашку. Татарамъ показалось, что этимъ равняютъ ихъ съ христіанами, лишаютъ привиллегій и дѣлаютъ удѣльными. Пріѣхали удѣльные чиновники въ большое татарское село Бездну и хотѣли ввести общественную запашку. Татары осатанѣли: Азіаты на коней, кинжалы, кистени, съ гикомъ загнали чиновниковъ въ пустую избу и заколотили. Какъ сказано, жандармскій унтеръ-офицеръ, ѣхавшій случайно мимо, ушелъ свободнымъ. Исправникъ докладывалъ, что къ татарамъ и показаться опасно, такъ они взбѣсились.

Чтобы не дать вида и тѣни физической силы, я взялъ съ-собою жандарма безъ оружія, татарина Абрешитку, не видного собою, но ловкаго и преданнаго. Пріѣхалъ въ Бездну вечеромъ.

Абрешитка секретно предувѣдомилъ муллу, что я буду у него ночью и чтобы онъ тайно пригласилъ къ себѣ богатыхъ татаръ. Абрешитка имѣлъ инструкцію—увѣрить татаръ и болѣе муллу, что я пріѣхалъ спасать ихъ отъ страшной бѣды. Около полночи Абрешитка провелъ меня закоулками, огородами, къ муллѣ; тамъ я нашелъ человѣкъ девять главныхъ капиталистовъ.

Азіаты—страшно честолюбивый народъ; я вмѣстѣ съ ними пилъ чай, которымъ потчивалъ мулла. Между разговорами, я увѣрилъ ихъ, что мнѣ извѣстно—вся сила народа въ ихъ рукахъ, что народъ, какъ стадо овецъ, повинуется ихъ разуму и силѣ ихъ капитала. Они сказали мнѣ, что въ Бездну собралось до 8-ми тысячъ татаръ. Я сказалъ имъ мудрую и краснорѣчивую рѣчь, въ которой выяснилъ: положимъ, они могутъ не повиноваться удѣльнымъ, даже губернатору, но они знаютъ, что я особый слуга государя, могу потребовать сто тысячъ солдатъ: что тогда будетъ съ ними? Прежде силы, я, любя ихъ и желая имъ добра, нарочно пріѣхалъ тайно переговорить съ ними и вразумить, что вся бѣда оборвется на нихъ, потому что простой народъ повинуется имъ, какъ мурзамъ, князьямъ. Нарисовалъ имъ спокойный и довольный видъ настоящаго и—ссылка въ Сибирь, въ каторгу, а способные—въ солдаты, тогда лишатся своихъ милыхъ красавицъ-женъ и дѣтей, своего капитала; но это случится тогда, когда они, своимъ неповиновеніемъ, лишатъ меня силы помогать имъ. Тутъ они сказали мнѣ, что удѣльные лишаютъ ихъ вѣры Магомета. Я поручился имъ своимъ словомъ, что уничтожу такія распоряженія. Боялись они, что какъ покорятся, то ихъ заберутъ въ тюрьму. Я объявилъ имъ, что если покорятся мнѣ, то у нихъ не будетъ никакого начальника—кромѣ меня, а я даю слово, что безъ меня до нихъ никто не дотронется пальцемъ, а передъ государемъ я буду ходатайствовать за нихъ. Вижу, подѣйствовало мое краснорѣчіе. Я еще усилилъ настоящій рай и будущій адъ, а главное—ударилъ на лишеніе женъ На вопросъ ихъ: чего же ты хочешь, бачка?—Чтобы вы приказали народу покориться.

— Теперь ночь, бачка, ничего не подѣлаешь.

— Я завтра нарочно буду долго спать, то вы успѣете переговорить. Я прикажу сотскимъ собрать весь народъ на полѣ,

вы станьте около меня, и когда я прикажу стать на колѣни, то вы первые становитесь, а далѣе увидимъ.

Татары спросили: а удѣльные пріѣдутъ?

Я увѣрилъ ихъ, что пока они будутъ повѣрять мнѣ, то одинъ я буду ихъ начальникомъ и до повелѣнія государя другаго начальника не будетъ. Мы еще разсуждали, но надобно было быть очень осторожнымъ съ подозрительными людьми, одно сомнительное слово могло испортить дѣло.

Утромъ, черезъ сотскихъ, я приказалъ собрать весь народъ на волѣ; жандармъ устроилъ небольшой столъ и стулъ, чтобы взлѣзть мнѣ. Самъ я былъ въ сюртукѣ съ эполетами, въ шарфѣ, шляпѣ, но безъ сабли. Абрешитка держалъ мою шпагу. Весенній день былъ очень хорошъ. Когда я взлѣзъ на столъ, то, дѣйствительно, была огромная масса ермолокъ. Около самаго стола стояли мои богачи. Я говорилъ, можетъ быть, геніально, но толпа ни слова не понимала. Вдругъ толпа забормотала, замумѣла. Я крикнулъ: молчать! и потребовалъ покорности. Толпа сердито бормочетъ, я будто зажалъ свои уши и крикнулъ: молчать! Затихло. Я громко, съ разстановкой и, должно быть, торжественно (безъ смѣха не могу вспомнить) сказалъ: еще одно слово и я лишу васъ моего покровительства! Эти грозныя слова опешомили толпу. Видя вліяніе, я закричалъ: на колѣни! Стоявшіе тузы около стола стали на колѣни, толпа, одни за другими, всѣ на колѣнях. Я подумалъ: наша взяла, еще потребую: голову на землю, и я вашъ покровитель! (сильно сказано). Всѣ ермолки легли на землю. Этотъ моментъ нравственной силы и побѣды забыть нельзя. Я помню, можетъ, 20 секундъ посмотрѣлъ на эту картину и промелькнули въ головѣ Чингизъ-ханы, Тамерланы. Приказалъ встать и милостиво объявилъ, что, за ихъ покорность, я одинъ ихъ начальникъ и больше никого нѣтъ. Обрадовались, кричатъ: исправника не будетъ? удѣльныхъ не будетъ?—Никого не будетъ, только я.—Ладно, бачка, ты нашъ, а мы твои, прикажи, не выдадимъ.—Такъ какъ вы отдаетесь подъ мою власть, то намъ нужны условія, по которымъ вы должны повиноваться, а потому выберите депутатовъ, съ которыми я и напишу условія.—Выбрали депутатовъ и изъ сосѣднихъ деревень. Я развернулъ X-й томъ законовъ и выписалъ земскія обязанности; согласились, подписалъ я и депутаты приложили тамгу. Я

объѣхалъ нѣсколько сосѣднихъ татарскихъ деревень, принятъ былъ съ почетомъ, какъ владѣтельный князь. Когда я возвратился въ Бездну, какъ въ свою резиденцію, мнѣ объявили почетные старики, что они подали за меня большой записка до Магомета и что я буду счастливъ. Ничего не понимая, я усердно благодарилъ ихъ и сказалъ, что я былъ бы доволенъ и малой запиской. Они удивились моему невѣжеству и растолковали, что, по малой запискѣ, я попалъ бы тоже въ рай, но сзади, а по большой запискѣ пойду впереди. Я опять, какъ невѣжа, не понялъ. По моему, быть въ раю первому или послѣднему—все равно. Этому непониманію татари еще болѣе удивились и внушительно объяснили мнѣ: послѣднему достанутся изъ гурій оборыши, тогда какъ первый выберетъ лучшеньких, и причислили.

Вотъ она, въ лицахъ натеріальная Азія! Поднявъ прекрасный даръ татаръ, я преусердно благодарилъ моихъ новыхъ друзей. Но такъ какъ у меня много важныхъ дѣлъ, то я долженъ уѣхать въ Симбирскъ, а чтобы никто не обидѣлъ ихъ, то я пришлю къ нимъ моего адъютанта, черезъ котораго и буду присылать мои приказанія; но и этого мало: для моего спокойствія, чтобы хотя разъ въ недѣлю присылали ко мнѣ посланниковъ, отъ которыхъ я и буду знать, все ли у нихъ благополучно. Титулъ посланника очень понравился честолюбивымъ азіатамъ.

Возвратясь въ Симбирскъ, я немедля видѣлся съ Жирневичемъ и разсказалъ ему комично фарсъ на полѣ и успѣхъ—но подготовку скрылъ. Жирневичъ, слушая, только покачивалъ головою и сказалъ:

— «Вы поступили какъ сумасшедшій, но успѣхъ оправдываетъ все. Поздравляю васъ. Видно, вы родились въ сорочкѣ».

Мы уговорились, чтобы безъ моего билета никакой чиновникъ не заглянулъ къ татарамъ.

Я хотѣлъ послать къ шефу по почтѣ, но узналъ, что NN. два дня уже ускакалъ въ Питеръ. Боясь, что онъ обезпокоитъ государя своими разсказами, въ Питерѣ могутъ принять серьезно, видя Симбирскъ знакомъ съ Пугачевымъ, губернія, въ которой никогда не квартировало войско, да мало ли что можно подумать слушая такого храбреца, какъ NN., которому выгодно было до крайности раздуть бунтъ для оправданія себя. Принявъ все въ соображеніе, я послалъ жандарма курьеромъ,

съ подробнымъ донесеніемъ, въ которомъ изложилъ причины волненія, его размѣры и мѣры для его утишенія, мною принятыя.

Пока ѣздили курьеры, я важно принималъ посланниковъ. Чтобы быть въ глазахъ татаръ почтеннымъ, я сшилъ себѣ халатъ такихъ яркихъ цвѣтовъ, что глазамъ было больно. Докладываютъ: посланники пріѣхали. Для меня выносили кресло, а для посланниковъ стулья. Облекшись въ халатъ, я важно усаживался на крыльцѣ, а посланники на дворѣ. Послѣ докладовъ о благополучіи, шли разсужденія о внутренней политикѣ. Я боялся какихъ нибудь происшествій, требующихъ слѣдствія, моя политика была: я—власть и нѣтъ другой власти. Татаринъ укралъ у татарина деньги и сѣдло, произошла драка, вору вышибли глазъ. Резолюція: ворованное сполна возвратить и, по приговору выбранныхъ судей, на общемъ сходѣ и при обиженномъ, вора высѣчь строго. Пока я былъ властитель, я установилъ въ каждой деревнѣ американскій линчъ, но съ моимъ утвержденіемъ, и шло хорошо. По окончаніи всѣхъ дѣлъ, посланники угощались чаемъ. Важно откланиваясь, отправлялись въ свои села довольными, а тамъ разсказовъ—на недѣлю.

Вечеромъ является курьеръ съ конвертомъ, мнѣ предписаніе: быть въ распоряженіи генералъ-адъютанта, генералъ-лейтенанта князя Лобанова-Ростовскаго.

Въ полной формѣ явился немедля князю. Князь принялъ меня очень сухо, даже не всталъ, не поздоровался и не пригласилъ сѣсть.

— «Что у васъ тутъ за безпорядки?»

— Какіе, ваше сіятельство?

— «По какой причинѣ ваши татары бунтуютъ?»

— Татары не мои, не бунтуютъ; о причинѣ ослушанія могутъ объяснить удѣльные, а мнѣ неизвѣстна.

Пріемъ князя очень оскорбилъ меня, притомъ же я хорошо зналъ себѣ цѣну: безъ меня некому было дѣлать. Я рѣшился проучить питерскаго вельможу. Спросилъ еще что-то князь, я, вмѣсто отвѣта, просилъ позволенія удалиться—чувствую пароксизмъ лихорадки, и уѣхалъ.

На другой день, князь рано былъ у Жиркевича; послѣ я узналъ, что Жиркевичъ сказалъ князю: безъ жандарм-

сколо штабъ-офицера трудно что нибудь одѣлать, все дѣло у него въ рукахъ. Князь подъѣхалъ къ моему дому; я выслалъ адъютанта доложить, что я болѣнъ и принять не могу, а самъ стою у окна и князь не могъ не видать меня. Князь приказалъ сказать, что онъ—на нѣсколько минутъ. Отвѣчаю, что лежу въ постелѣ. Князь желаетъ сказать нѣсколько словъ у постели.—Скажите, что я лежу на кровати жены, не могу принять.—Долго стоялъ князь у воротъ; я утѣшался: хоть немного отплатилъ гордецу, еще поклонится. Наконецъ, князь просилъ передать, что онъ имѣетъ крайнюю нужду говорить со мною, чтобы я пріѣхалъ, какъ могу.

Жирковичъ, отдавая визитъ князю, выслушавъ его разсказы о нежеланіи моемъ видѣться, сказалъ:

— «Мы, провинціалы, очень щекотливы, не обидѣлся ли онъ чѣмъ нибудь?» и повторилъ, что безъ меня не съ кѣмъ дѣлать. Объ этомъ узналъ я послѣ.

Между прочимъ, я узналъ, что князь пріѣхалъ въ дормезѣ съ NN., что мнѣ очень не нравилось. Вечеромъ явился къ князю. Пріемъ другой: встрѣтилъ, подалъ руку и подвинулъ кресло. Послѣ участія къ моему нездоровью, начался разговоръ о бунтѣ татаръ:

— «Объясните пожалуйста мнѣ это происшествіе?»

— Татары арестовали удѣльныхъ чиновниковъ и отказались повиноваться властямъ; узнавъ ожесточеніе татаръ и зная ничтожныя средства губернатора, я рѣшился дѣйствовать лично и остановилъ законныя дѣйствія губернатора.

— «Въ какомъ положеніи теперь бунтъ татаръ?»

— Татары смирились на условіи, чтобы не подчиняться удѣльнымъ.

— «И вы приняли эти условія?»

— Я бы принялъ все, лишь бы укротить озлившихся татаръ, вѣдь ихъ до сорока тысячъ въ губерніи.

— «Вы должны были подчинить татаръ прямому ихъ начальству—удѣльнымъ!»

— Это я предоставляю вашему сіятельству, я не умѣлъ этого сдѣлать.

— «Удѣльное начальство требовало законнаго, они ослушались, то нужно сломить ихъ!»

— Первый разъ слышу, что ланманы подчинены удѣльнымъ. Я исполнялъ волю государя и переводилъ казенныхъ крестьянъ въ удѣлъ. О татарахъ-ланманахъ не было слова, они пользуются особою привилегіею и остались ланманами. По какому праву удѣльные вмѣшались въ татарамъ? Никто этого не знаетъ, это наглое самоволіе. Сломить татаръ—нѣтъ войска въ губерніи.

— «Государю это угодно!»

— Надобно объявить формально, законнымъ порядкомъ. Ланманы пользуются законною привилегіею и несутъ весьма тяжелыя обязанности.

— «Я нахожу дѣйствія удѣльныхъ совершенно правильными».

Меня опять взбѣсила такая пристрастная односторонность, я опять почувствовалъ паровизмъ, прекратилъ разговоръ и отошелся.

Князь послалъ черезъ удѣльныхъ призвать нѣсколькихъ татаръ. Не послушались, а пріѣхали во мнѣ; я послалъ ихъ съ адъютантомъ къ князю и приказалъ доложить, что это тѣ люди, которыхъ онъ требовалъ чрезъ удѣльныхъ.

Князь нѣсколько разъ въ день приглашалъ меня къ себѣ—болѣнъ! Думаю, поклонишься мнѣ. Когда я видѣлся съ Жирковичемъ, онъ дружески совѣтовалъ мнѣ поладить съ княземъ. Былъ я у князя: очень, весьма ласковъ, просилъ меня составить планъ, какъ приступить къ дѣлу. Я, ссылаясь на болѣзнь, совѣтовалъ дѣйствовать чрезъ начальство татаръ—удѣльныхъ; князь поморщился, я указалъ на жандармскаго полковника Ф...., живущаго въ Симбирскѣ безъ дѣла, но Жирковичъ предупредилъ князя; князь засмѣялся и сказалъ: «мнѣ сказано пользоваться вашею помощью». По моему, князь спустилъ флагъ. Я спросилъ: чего вамъ угодно достигнуть?—«Чтобы татары сдѣлали общественную запашку».—На что планы, планы на мѣстѣ дѣйствія. Попробую устроить это, но съ условіемъ, чтобы теперь пока не мѣшались удѣльные. Есть ближайшая небольшая татарская деревня, я сегодня же отправлюсь туда и, если устрою, то дамъ вамъ знать. Отъ перваго успѣха или неуспѣха будетъ зависѣть все дѣло.

Пріѣхалъ въ татарамъ; опять принялся я за краснорѣчіе и людямъ побогаче нарисовалъ картину страшныхъ лишеній—при

ослушанія и сповойнаго довольства съ женами—при покорности, и болѣе убѣдилъ тѣмъ, что я сдѣлаю ихъ начальниками, а работать будутъ простые татары, которые привыкли повиноваться имъ, какъ мирзамъ. Пилъ съ ними чай, они вѣрили, что я ихъ другъ и стою за нихъ. Князя и власть его представилъ могуществомъ отъ земли до неба. Согласились, но болталъ съ ними до полночи.

Немедля послалъ жандарма къ князю и просилъ его пріѣхать до полдня, чтобы въ тотъ же день окончить запашку.

Утромъ собрались татары съ сохами, боронами и съ лукошками черезъ плечо съ зерномъ для посѣва. Ловко настращалъ княземъ; татары говорили, что они надѣются на мою защиту, не то—лучше бѣжать. Научилъ рабочихъ стать на колѣни около орудій, а какъ подъѣдетъ князь, то поклониться въ землю, а подойдетъ, то говорить: помилуйте, ваше сіятельство!

Вижу, далеко по степи несется князь въ коляскѣ шестерней; ближе—вижу съ нимъ сидитъ NN....., меня такъ и передернуло. Я полагалъ, что князь, по моей просьбѣ, проститъ татаръ и на этой радости скорѣй отправится парадомъ самъ на поле, чтобы при себѣ сдѣлать какъ нибудь посѣвъ.

Встрѣча князя была какъ по писанному; татары просили: помилуй, ваше зіятельство! я кланялся и просилъ за татаръ; князь, улыбаясь неожиданному фарсу, простилъ татаръ. Но, вмѣсто того, чтобы при себѣ сдѣлать запашку, князь приказалъ NN..... распорядиться. Я внутренно бѣсился и жалѣлъ, зачѣмъ я поѣхалъ.

NN....., въ мундирѣ, съ шпажонкой, суетливо и радостно повелъ рабочихъ, мы съ княземъ ушли въ домъ. Я сердился и почти не отвѣчалъ князю. Немного погодя, мой Абрешитка подмигнулъ мнѣ, я вышелъ; онъ доложилъ, что всѣ рабочіе, съ явнымъ недовольствомъ, даже съ руганью, разошлись по домамъ. Я не сказалъ князю, но, подъ видомъ духоты, предложилъ прогуляться. Только вышли за ворота, смотрю и едва вѣрю глазамъ: около недалекой мечети, татаринъ сидитъ верхомъ на бѣлой лошади, съ сохою на боку; по правую сторону уцѣпился за поводъ узды NN..... и тянетъ лошадь направо, а татаринъ спокойно дергаетъ лѣвый поводъ; лошадь, слушая хозяина, рысцой бѣгаетъ кругомъ мечети; NN....., придерживая путающуюся шпажонку, въ припрыжку бѣжитъ наравнѣ съ лошадью. Я едва не

расхохотался, но, замѣтивъ, что князь близорукъ, я притворился, что не могу разсмотрѣть какого-то движенія около мечети. Князь въ лорнетъ разсмотрѣлъ, хохоталъ и сказалъ: «вотъ глупѣйшій скандалъ! Прикажите NN..... придти сюда!»

NN....., едва переводя духъ, могъ только сказать: «татары разбѣжались».

Князь сердито сказалъ: «кромѣ одного на бѣлой лошади». Князь обратился ко мнѣ: «что теперь дѣлать?»

— Ничего. Заставить ихъ нельзя. Развѣ NN..... можетъ, а я не могу.

— «Но, однако, что же дѣлать далѣе?»

— Дѣло испорчено, а было направлено хорошо; теперь, что вы прикажите дѣлать?

Князь подалъ мнѣ руку и сказалъ: «ошибка моя, я полагалъ болѣе способности въ NN.....; я долженъ былъ положиться на вашу опытность».

— Ваше сіятельство, неопытность—не преступленіе, о г. NN..... узнаете, что онъ настоящая причина ослушанія этихъ бѣдныхъ людей (статскій совѣтникъ хоть бы слово).

— «Охотно вамъ вѣрю, я видѣлъ опытъ его неловкости».

— Еще повторю, неловкость — не преступленіе, узнаете современемъ.

— «Я не спорю съ вами, но что намъ дѣлать далѣе?»

Я подумалъ: ага, просишь прощенія и по-дѣломъ тебѣ, ну-ка, придумай самъ, что тебѣ дѣлать.—Поѣдемте далѣе, въ шести верстахъ село Бездна, это главная квартира бунта, тамъ и били арестованы удѣльные. За успѣхъ не ручаюсь, но желалъ бы поменьше показывать удѣльныхъ.

— «Мы прикажемъ пріѣхать имъ ночью и вовсе не выходить изъ дома».

Пріѣхали въ Бездну, народу полны улицы; остановились въ домѣ богатаго татарина, огромный крытый дворъ полонъ народа. Князь вышелъ на заднюю галлерею и сказалъ, что его прислалъ государь съ повелѣніемъ, чтобы они повиновались.

Загалдѣли татары всѣ вдругъ. Абрешитка перевелъ, что сердятся и не хотятъ повиноваться. Князь приказалъ мнѣ переписать всѣхъ имена и фамиліи. Я пошелъ въ средину толпы; знакомые татары смѣются и говорятъ: здравствуй, бачка, какъ жи-

вешь? Кого ни спрошу, какъ зовутъ—либо молчитъ, либо отвѣчаетъ: не знаю. Я доложилъ князю.

— «Что же теперь дѣлать?»

— Подождите до завтра, я что нибудь сдѣлаю ночью.

Моимъ пріятелямъ-татарамъ приказалъ прислать: куръ, яицъ, утокъ, масла, все принесли; взялся изготовить лакей князя. Послѣ чая, я ушелъ къ муллѣ, тамъ собрались мои друзья. Не буду передавать долгихъ толковъ, трудно было смягчить отвращеніе ихъ къ удѣльнымъ. Успокоивалъ ихъ тѣмъ только, что я остаюсь защитникомъ ихъ и что я ихъ другъ. Кончилось тѣмъ, что мнѣ удалась опять штука: я обѣщалъ назначить ихъ—кого старшиной, кого ревизоромъ, распорядителемъ, надзирателемъ и проч., составилъ огромный штатъ честолюбивыхъ татаръ, поманилъ могущими быть медалями. Согласились, но просили побить ихъ при народѣ, потому что весь народъ присягалъ не слушаться. Ну, за наказаніемъ дѣло не станетъ.

Съ вечера послалъ нарочнаго въ Симбирскъ съ приказаніемъ прислать на подводахъ 40 солдатъ съ боевыми зарядами, солдатъ назначить изъ поляковъ—это были отличные молодцы-мародеры. Приказалъ быть 10-ти жандармамъ безъ коней.

Пріѣхали команды. Татаръ собралось очень много. Я, будто случайно, взялъ изъ толпы согласившихся со мною ночью, назначилъ имъ должности. Первый—старшина—отказался повиноваться. Я крикнулъ: фухтеля! Два жандарма обнаженными саблями весьма неосторожно ударили разъ пять, упалъ на колѣни побитый; слѣдующимъ по два фухтеля, покорились и говорили толпѣ со слезами въ свое оправданіе. Ружья заряжены при толпѣ (выстрѣлили-ли бы? не ручаюсь). Каждому битому чиновнику далъ по два солдата и, на отвѣтъ чиновника, приказалъ привезти сохи, бороны, сѣяльницы. Чрезъ Абрешитку объявилъ толпѣ, что за ослушаніе не только буду стрѣлять, но сожгу ихъ дома съ женами.

Привели рабочихъ болѣе, чѣмъ нужно. Объявилъ всѣмъ, что если не проститъ князь, то всѣ сгніютъ въ тюрьмахъ. Приказалъ жандармамъ поставить всѣхъ на колѣни, а муллѣ приказалъ читать молитвы, чтобы князь простилъ.

Прихожу къ князю—онъ приготовился къ катастрофѣ: пистолеты заряжены, шашка, сабля острыя, вынуты изъ ноженъ.

Князю сказали о прибытіи команды, но онъ, проученный уже, не мѣшалъ мнѣ, да и не зналъ, что я дѣлаю. Я пригласилъ князя прощать, и условился—не прощать, пока я не поручусь. Попросилъ его надѣть звѣзды.

Подошелъ князь: «на караулъ!» Барабанщикъ съ дроби сбился на генералъ-маршъ. Я просилъ простить татаръ, князь гнѣвался; я просилъ, просили татары. Князь объявилъ, что онъ не можетъ вѣрить ослушникамъ и спросилъ меня, могу ли я поручиться за нихъ? Я спросилъ татаръ, не выдадутъ ли они меня?

— «Ручись, бачка, не выдамъ».

Князь простилъ, я представилъ мною испеченный штабъ чиновниковъ. Князь утвердилъ. Тутъ же, съ мѣста, отправились парадно на поле, сдѣлали никуда негодную запашку. Богатыхъ татаръ спросилъ: что лучше—въ тюрьму или наказать розгами? Тѣ, переговоривъ съ массой, въ одинъ голосъ отвѣчали: розгами! Близко былъ исправникъ, приказалъ ему дать всѣмъ по 100 розогъ, но за то князь далъ слово татаръ болѣе не трогать, и татары счастливы и совершенно успокоились.

Я просилъ князя ночевать, чтобы узнали татары во всѣхъ деревняхъ. Князь много благодарилъ меня, завидовалъ моему характеру, что изъ серьезнаго дѣла я умѣю сдѣлать фарсъ. Я вышелъ на первый планъ, а NN..... стушевался.

Проѣхали мы всѣ уѣзды, были во всѣхъ татарскихъ деревняхъ, продѣлали фарсъ легче, чѣмъ въ Беаднѣ. Всѣмъ татарамъ, для спокойствія ихъ, я назначилъ по 100 розогъ, съ тѣмъ, что не пойдутъ въ тюрьму, а исправники, исполняя наказаніе, взяли по полтиннику, о чемъ я узналъ послѣ. Въ Курмышѣ я такъ напугалъ княземъ старика Ахуна (глава магометанскаго духовенства), что мы боялись, чтобы онъ не умеръ.

Осматривали по пути корабельные лѣса, ничего подобнаго и видѣть нельзя: дубы—2, 3 аршина въ діаметрѣ, стоятъ густо, сплошь. Одинъ дубъ, подъ названіемъ матка, былъ около 4-хъ аршинъ діаметра. Дубъ, упавшій отъ старости, пустухи выжгли больше половины, въ эту арку я прошелъ въ султанѣ и не задѣлъ. Лапшаны, чтобы вывезти дубъ на пристань, въ особые для того сани запрягаютъ до 150 лошадей. Двинуть съ мѣста мало 200 человѣкъ и бьются не одинъ день. Я видѣлъ новый двухэтажный амбаръ: дубъ направился на амбаръ и стеръ его,

перешедши черезъ. 270 тысячъ десятинъ такого лѣса Перовскій хотѣлъ пріобрѣсти въ удѣлъ, лишивъ флотъ. Лѣсъ стоилъ иного маленькаго государства, во пока я былъ въ Симбирскѣ—отстаивалъ, а Перовскій—гнѣвался.

Возвратясь въ Симбирскъ, я сдѣлался неразлучнымъ съ княземъ; ему хотѣлось доискаться причины бунта татаръ. . . . . Я попросилъ своихъ друзей-татаръ найти мнѣ хотя одинъ приказъ въ волости отъ удѣльной конторы, о запрещеніи татарамъ имѣть болѣе одной жены. Я зналъ, что NN..... отобралъ и уничтожилъ всѣ приказы. Ночью привезли мнѣ единственный экземпляръ приказа, сохраненный писаремъ на границѣ Казанской губерніи. Я настаивалъ на существованіи распоряженія . . . . . я подалъ князю приказъ, подписанный NN....., съ печатью конторы. Боже мой, какъ разсвирѣпѣлъ мой честный князь. . . . . .

Мнѣ пріятно вспомнить, что Иванъ Степановичъ Жиркевичъ, принимая искреннее участіе, очень былъ доволенъ моими успѣхами, а подготовка, всетаки, осталась въ секретѣ [1]). Всѣ удивлялись успѣху, видя только наружную сторону дѣла.

Князь Лобановъ-Ростовскій былъ очень красивый мужчина, очень статный, отъ 40-ка до 45-ти лѣтъ, справедливъ и храбръ какъ шпага. Если не ошибаюсь, онъ началъ службу адъютантомъ при князѣ Волконскомъ,—вотъ отчего онъ, можетъ быть, безсознательно, заступался за удѣлъ, но послѣ я узналъ—вся продѣлка отъ Льва Перовскаго черезъ князя Волконскаго. Перовскій былъ вице-президентомъ удѣловъ.

Еще при объѣздѣ татаръ, князь посылалъ курьеровъ, а изъ Симбирска—то и дѣло летѣли курьеры; князь писалъ государю на оторванной страничкѣ маленькой почтовой бумаги и всегда вдоль бумаги и по французски, непремѣнно дѣлалъ помарки: un и une, такъ и посылалъ съ помарками. Моя обязанность была печатать и пломбировать сумку жандарма. Я совѣтовалъ перепи-

[1]) См. отзывъ И. С. Жиркевича о дѣятельности составителя этихъ «Очерковъ и разсказовъ» при усмиреніи волненія лашманъ-татаръ, «Русская Старина» над. 1878 г., томъ XXIII, «Записки Жиркевича», стр. 41—43. Ред.

сать помарки, онъ отвѣчалъ: «Государь требуетъ отъ насъ дѣла, а не формы» ...

Проводилъ я князя до границы губерніи и не дала мнѣ судьба повидаться съ нимъ; былъ я въ перепискѣ съ княземъ, хотя рѣдко.

Пока я хлопоталъ съ лашманами, неудовольствіе росло противъ Жиркевича. Одинъ Жиркевичъ не замѣчалъ того и это потому, что онъ не сознавалъ своей вины (?!) къ обществу, онъ не могъ быть другимъ, какимъ онъ былъ. Я продолжалъ писать, воздавая хвалу честному его трудолюбію, безукоризненной нравственности, высокимъ служебнымъ достоинствамъ, но вреднымъ (!??) для Симбирска. Любить Жиркевича трудно, но не уважать нельзя.

Получено извѣстіе, что государь Николай Павловичъ посѣтитъ Симбирскъ. Не описывать же мнѣ, какъ готовился городъ къ пріѣзду государя: суета, хлопоты, бѣлятъ, метутъ—всегда и вездѣ одинъ порядокъ. Развѣ разскажу весьма важный случай удивительной находчивости частнаго пристава. Въ Симбирскѣ жили двѣ старыя дѣвицы, сестры Ивана Ивановича Дмитріева, поэта и министра. Къ этимъ старухамъ и приступа не было для полиціи; на всякое требованіе полиціи—одинъ отвѣтъ: «да что ты, батюшка, никакъ съ ума сошелъ, развѣ не знаешь, что у меня братъ министръ!» Полиція ретировалась. Деревянный домъ на Покровской улицѣ, чуть ли не ровесникъ Симбирску, дѣйственно существовалъ со своего созданія; улица—одна изъ главныхъ, на пути проѣзда государя, полиція претендовала побѣлить домъ. Частный приставъ лично предъявилъ требованіе и встрѣтилъ неопровержимый аргументъ: «мой братъ министръ». Частный приставъ хотя и былъ ошеломленъ, но важность обстоятельствъ вызвала его находчивость; онъ, подумавши, отвѣчалъ:

— «Оно, конечно, у васъ братецъ министръ, я и уважаю, но и у меня дяденька царь Соломонъ, а потому побѣлить извольте».

Этимъ доводомъ такъ озадачились старухи, что покорились и выбѣлили домъ.

Коснувшись почтенныхъ старухъ, сознаюсь въ своемъ плутовствѣ. У этихъ старушекъ-дѣвицъ воспитывалось по племянницѣ, дѣвицы прехорошенькія и уже въ возрастѣ невѣсть. Ста-

рухи страстно любили своихъ красавицъ, не надышатся на нихъ, утѣха остальныхъ дней старухъ, жизнь которыхъ была связана съ красивою юностью; о замужествѣ племянницъ не могло быть и въ помышленіи, дѣвицы жили въ очарованныхъ замкахъ, знакомыхъ старухи не имѣли, потому что братъ—министръ. Въ нашемъ маловѣрующемъ и развратномъ вѣкѣ побѣждаютъ и Черномора и Бабу-Ягу. Пріѣхали въ отпускъ два гусара (охъ, эти гусары!); говорятъ, будто дѣвицы и не видали гусаръ, а племянницы ушли отъ милыхъ и дорогихъ тетенекъ съ незнакомыми, ушли въ одинъ претемный вечеръ. Объяснить этотъ непонятный казусъ для всѣхъ была задача, но я легко и здраво разрѣшилъ колдовствомъ. Хотя я зналъ гдѣ вѣнчались гусары, но когда сестрицы министра потребовали поймать преступныхъ гусаръ, я разсвирѣпѣлъ. Да, помилуйте: я начальникъ нравственной полиціи и въ моемъ присутствіи смѣютъ совершаться такіе скандалы. Я немедля раздѣлилъ команду на два отряда и на попонкахъ послалъ по двумъ дорогамъ (шагомъ, вмѣсто проѣздки), съ приказаніемъ привезти живыхъ или мертвыхъ—вотъ какъ строго! А колдуны-то вѣнчались возлѣ дома, въ церкви Покрова. Что дѣлать, сплутовалъ и признаюсь. Сестры министра, въ справедливомъ гнѣвѣ, отказали въ наслѣдствѣ преступнымъ племянницамъ и не пускали на глаза, грозно сердились цѣлую недѣлю. Съ шалунами-гусарами совершилась метаморфоза: шалуны превратились въ благородныхъ, добрыхъ помѣщиковъ и въ уважаемыхъ членовъ общества.

За три дня до пріѣзда государя, народъ изъ далекихъ деревень: татары, чуваши, мордва, русскіе, на четыре версты отъ Симбирска заняли почтовую дорогу по обѣимъ сторонамъ, тутъ и ночевали.

Государь пріѣхалъ передъ сумерками, занялъ домъ губернатора. Съ пріѣздомъ государя, весь народъ города и съ дороги наполнилъ большую площадь передъ домомъ губернатора и около собора. Жандармы, полиція были спрятаны въ сосѣднихъ домахъ, но тишина и благонравіе толпы были образцовыя во все время. На другой день утромъ назначенъ пріемъ.

Вотъ память мнѣ измѣнила—въ день пріѣзда государя или передъ тѣмъ, полученъ указъ объ увольненіи Жиркевича? Не помню. О себѣ скажу, что я усердно готовился и хотѣлъ быть

умнымъ, голову свою наполнилъ статистикою губерніи до точности, чуть ли я ни могъ отвѣчать, сколько въ губерніи таракановъ; пути сообщенія, торговля, промыслы—все какъ на ладони. Но вышло, что я оказался ..... вотъ увидите. Я зналъ, что мой шефъ, гр. Бенкендорфъ, не щеголялъ памятью; въ мое время въ Питерѣ, дѣлая визитъ французскому посланнику и не имѣя съ собою карточки, приказалъ швейцару записать, а на вопросъ: какъ прикажите?—графъ забылъ свою фамилію, да уже графъ Орловъ ѣхавши крикнулъ: Бенкендорфъ! Графъ поскорѣй вернулся, твердя свою фамилію, и записался. Для представленія, я написалъ записочку своей фамиліи и адъютанта. Графъ благодарилъ. Дворянъ было столько, сколько могла вмѣстить большая зала; дворяне помѣщались около стѣны съ окнами, а служащіе у противной стѣны.

Государь вышелъ къ дворянамъ и весело сказалъ:

— «Ого, вижу, что я пріѣхалъ въ черноземную губернію такой ростъ не вездѣ встрѣчается!»

Нарочно или случайно, съ головы ряда стояли человѣкъ 18 ростомъ выше государя. Представлять дворянъ долженъ былъ губернскій предводитель. Мой другъ, предводитель дворянства Бестужевъ, былъ въ генеральскомъ мундирѣ. Лакей догадался списокъ дворянъ положить въ задній карманъ мундира. У моего друга такъ была развита нѣкоторая часть тѣла, что, при всемъ усиліи, руки предводителя не доставали до кармана. Я съ удовольствіемъ готовъ былъ помочь страдательному положенію друга, но самъ стоялъ во фронтѣ. Государь улыбаясь ожидалъ, а списокъ такъ и остался въ карманѣ. Жиркевичъ былъ въ залѣ, какъ любитель, въ вицъ-мундирѣ. Я долженъ замѣтить что Жиркевичъ былъ, противъ обыкновенія, оживленъ и былъ какъ дома. Видя страдательное и безвыходное положеніе губернскаго предводителя, Жиркевичъ подскочилъ и сказалъ государю:

— «Я попробую представить вашему величеству».

Пошелъ по ряду, называя фамиліи. Правда, онъ называлъ Ивана Петромъ, а Кузьму Степаномъ, но шелъ смѣло, не останавливаясь. Государь остановился передъ бодрымъ старикомъ Петромъ Петровичемъ Бабкинымъ и сказалъ:

— «Вашего мундира и я не знаю, скажите, какой это мундиръ?»

— Вѣчной памяти матушки Екатерины, капитана Преображенскаго полка.

Государь поклонился и сказалъ: «Славнаго вы роста».

— Я, государь, былъ выше, но осѣлъ.

— «Какъ это?»

— У меня обѣ ноги прострѣлены.

Государь съ милостивою улыбкою поклонился.

Какъ попало Жиркевичъ кончилъ представленіе, а капризный списокъ такъ и не явился на свѣтъ. Государь былъ очень милостивъ и веселъ; обратясь къ дворянамъ, сказалъ:

— «Господа, скажите, кто у васъ былъ лучшимъ и любимымъ губернаторомъ?»

Въ одинъ голосъ отвѣчали: «Жмакинъ!»

Государь обернулся къ Бенкендорфу и сказалъ: «вотъ видишь, графъ Александръ, можно быть взяточникомъ и любимымъ».

Государь подошелъ къ нашей сторонѣ, я стоялъ на флангѣ. Графъ Бенкендорфъ, представляя меня, сказалъ: «жандармскій штабъ-офицеръ, въ Симбирской губерніи находящійся (смотря на эполеты), подполковникъ.... подполковникъ».... вижу, что графъ данную ему мною записку мнетъ въ правой рукѣ, но забылъ и фамилію и бумажку. Государь улыбался и милостиво сказалъ:

— «Вы Стоговъ?»

Я поклонился.

Государь изволилъ спросить: «сколько лѣтъ вы здѣсь служете?»

Я былъ готовъ отвѣчать на самые трудные и сложные вопросы и, какъ камчадалъ, не предполагалъ, что государи такъ просто спрашиваютъ; хорошо помню, первая цифра пролетѣла сквозь голову—8, за ней 80, 800, никакъ не поймаю мысль, стою и молчу, чувствую—кровь приливаетъ къ головѣ, стою и молчу, какъ ..... умникъ. Государь очень милостиво, съ его невыразимо привлекательной улыбкой, тихо сказалъ:

— «Ну, чтожъ вы молчите? Вы здѣсь служете три года, я помню васъ и доволенъ вами, продолжайте служить».

Я только кланялся, но можно вообразить, какъ я былъ недоволенъ собою. При привычной находчивости моряка, вдругъ на меня нашелъ столбнякъ. Я бы объяснилъ причину, но боюсь быть еще глупѣе. Чиновниковъ представлялъ Жиркевичъ; на

лѣвомъ флангѣ стояли удѣльные, государь не позволилъ представить ихъ и сказалъ:

— «Идите, я изъ васъ—единицы—сдѣлаю четыре нуля».

По окончаніи представленій, государь, обращаясь къ Жиркевичу, сказалъ:

— «Къ тебѣ не идетъ статское платье», а къ графу Адлербергу: «надѣнь на него военный мундиръ». Потомъ сказалъ Жиркевичу: «я даю тебѣ славную губернію, Витебскую, тамъ у меня лучшіе два элемента: жиды и поляки, поляки и жиды».

Слушая это, я чувствовалъ себя награжденнымъ.

Послѣ представленія назначено быть въ соборѣ. Графъ Бенкендорфъ приказалъ мнѣ очистить соборъ:

— «Государь не любитъ, чтобы очень много было».

Государя всѣ хотѣли видѣть; мужчины представлялись, понятно, дамы избрали для себя церковь. Очистить церковь полную дамъ, выгнать сливки сибирской интеллигенціи — дамъ, отъ покровительства которыхъ зависитъ мое спокойствіе, мое существованіе, моя сила, мой успѣхъ, мое счастіе! Прогнавши дамъ, остается повѣситься. Велятъ очистить церковь—пренепріятная задача, отъ которой—хоть въ Волгу. Говоря о тѣснотѣ, выражаются: некуда упасть яблоку, а я увѣряю, въ церкви дамы, дамы и только дамы, да такъ плотно, что и булавкѣ упасть некуда. Насилу я пробрался въ алтарь; тамъ архіепископъ съ причтомъ въ облаченіи. Я, какъ можно громче, сказалъ:

— Владыко, государь не будетъ въ соборѣ, онъ изволитъ слушать обѣдню у Николая (кажется такъ, маленькая церковь близко дома губернатора).

Архіепископъ сказалъ: «Ну, братія, такъ пойдемъ, собирайтесь, да не забудьте чего нибудь».

Какъ услышали дамы мои слова, такъ и бросились изъ собора, чтобы захватить мѣста у Николы. Я тихонько приказалъ архіерею остаться, церковь запереть и поставилъ трехъ часовыхъ—не пускать, такъ и выпутался. Послѣ, во время службы, я пускалъ дамъ по немногу, оказывая дружеское покровительство.

Послѣ церкви—разводъ. Я очертилъ вѣрно сибирскій батальонъ. Корпусный Капцевичъ заранѣе присылалъ по ночамъ изъ разныхъ баталіоновъ для показа государю. Передъ представленіемъ, я составилъ записку о ловкости Капцевича и подалъ

шефу. Государь дѣлалъ смотръ. Жандармы на лошадяхъ и полиція едва сдерживали народъ. Бенкендорфъ, Адлербергъ, флигель-адъютанты, я—человѣкъ семь—стояли кучкою, въ сторонѣ, къ срединѣ площади. Кончивъ ученье, государь скомандовалъ:

— «Рязанцы, орловцы, нижегородцы, ... впередъ!» Вышли, молодецъ къ молодцу.

Государь выбралъ всѣхъ въ гвардію, а окружному генералъ-маіору Мандрыкѣ сказалъ: «отправить всѣхъ на счетъ Кацевича, а съ нимъ я расчитаюсь».

На другой день, чрезъ Бенкендорфа, дворяне просили расквартировать одинъ корпусъ войскъ. Государь весело сказалъ:

— «Вамъ жениховъ надо? Хорошо, подумаю».

На третій день сказалъ: «какъ ни расчитывалъ, не могу, слишкомъ далеко отъ всѣхъ границъ».

Когда государь приказалъ подать экипажъ, народъ прорвалъ цѣпь и, придя въ изступленный восторгъ, наполнилъ плотно пространство между государемъ и экипажемъ; насъ такъ сдавили, что мы едва не задыхались; у ногъ Бенкендорфа разрѣшилась женщина. Бенкендорфъ, уже привычный къ восторгамъ народа, но и тотъ испуганно сказалъ: «да что же это будетъ, это сумасшедшіе». Я сказалъ: пока не сядетъ государь, намъ ничто не поможетъ. Долго пробирался государь къ экипажу и тотъ къ государю; народъ, дѣйствительно какъ безумный, не помнилъ себя, молился на государя, ложился къ ногамъ, но только государь сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ, мы остались одни. За экипажемъ все бѣжало, обгоняли и крестились, шапки, полушубки валялись на землѣ, восторгъ былъ невыразимый. Замѣчу, послѣ многихъ я спрашивалъ, для чего всѣ бѣшено бросились къ государю по окончаніи смотра? Единогласно отвѣчали: всѣ слышали, какъ государь крикнулъ: «Народъ мой, ко мнѣ!»— чего, конечно, не было.

Помню, одинъ разъ, при выѣздѣ государя изъ дома, какая-то женщина побѣжала передъ лошадьми, платокъ съ головы сняла, машетъ имъ и кричитъ ура! Вдругъ споткнулась и упала почти подъ ноги лошадей и давай кричать караулъ. Бенкендорфъ бросился къ кучеру и осадили лошадей. Государь очень смѣялся. Отъ «ура» до «караулъ»—одинъ шагъ.

Замѣчу, во все пребываніе государя я не видалъ ни одного пьянаго.

Государь пробылъ въ Симбирскѣ трое сутокъ; дворяне не забудутъ милостиваго и ласковаго вниманія государя. Въ городѣ остались памятники: прекрасный спускъ къ Волгѣ, площадь около собора превратилась въ гулянье съ кустарниками и дорожками, но всего не разсказать и не припомню.

Государь уѣхалъ, помѣщики разъѣхались хозяйничать и охотиться, все затихло, одни удѣльные чувствовали себя нулемъ съ минусомъ. Жиркевичъ съ большимъ чувствомъ простился со мною; не знаю, догадывался ли онъ, что я стоялъ за него горою, между нами не было слова. Какъ пріѣхалъ онъ невидимкою, такъ незамѣтно и уѣхалъ.

Пока не пріѣдетъ новый губернаторъ, я что нибудь разскажу, а разсказовъ—безъ конца.

Симбирская губернія хлѣбная, нищихъ въ Симбирскѣ почти не было. Вдругъ быстро стали наполняться улицы, церкви—нищими. Причинъ не было, урожаи обильные, а нищихъ все прибавляется. Одной старухѣ я часто подавалъ копѣйку, и однажды спрашиваю: на что тебѣ, старая, деньги: вонъ котомка полна хлѣба?

— «Какъ же, мой родненькой, намъ безъ денегъ нельзя».

— Зачѣмъ?

— «Какъ зачѣмъ? какъ не заплачу, то либо выгонятъ, либо въ тюрьму угожу».

— Что ты врешь, старая, грѣшишь: кто съ тебя возьметъ?

— «Какъ кто возьметъ, не заплати-ка я 40 коп. въ недѣлю, то ты, батюшка, только бы и видалъ меня; не вру я, всѣ платятъ, другіе и больше меня».

— Кому же ты платишь, старая корга?

— «Да вонъ этому полицмерскому, всѣ платятъ и я плачу».

— Да васъ много, онъ не упомнитъ.

— «Какое не упомнитъ, на то у него книжка, тамъ каждый на счету».

Это обратило мое вниманіе, я распорядился—украсть книжку у полицмерскаго.

Новый полицмейстеръ, не помню фамиліи, былъ ротмистръ по кавалеріи, по наружности щеголь. Книжка у меня въ ру-

калъ—прелюбопытная. Нѣсколько сотъ нищихъ (сколько—забылъ) записаны по именамъ, многіе отмѣчены чѣмъ искалѣчены, всякій, по степени лѣтъ, калѣчества, оцѣненъ еженедѣльной податью; были и такіе, что платили 80 коп.: это безъ обѣихъ ногъ. Аккуратность замѣчательная: кто не доплатилъ 3 копѣйки, отмѣтка на полѣ: доплатить въ такой-то день.

Я написалъ шефу, что обязанность всякаго русскаго патріота выдвигать на пользу государства генія, могущаго принести пользу государству. Случайно я открылъ въ симбирскомъ полицмейстерѣ удивительную финансовую способность, геніальную голову, могущую обогатить казну безъ отягощенія общества. Описавъ всю продѣлку и приложивъ, какъ фактъ, книжку, просилъ покровительства ему и взять его изъ Симбирска, гдѣ геніальность его не можетъ имѣть полнаго развитія.

Полицмейстеръ вытребованъ въ Питеръ, улетучился и далѣе не слыхалъ о немъ. Вотъ и такіе бываютъ артисты.

Саратовскій помѣщикъ Петръ Ивановичъ Богдановъ, осенью, выѣхалъ на охоту изъ Саратова въ поле, съ собаками; куда бѣжали зайцы и лисицы, туда и Богдановъ ѣхалъ съ охотою; такъ за зайцами и лисицами доѣхалъ до Симбирска, гдѣ захватила его зима. Между Саратовымъ и Симбирскомъ до 400 верстъ по почтовой дорогѣ. Богдановъ остался зимовать въ Симбирскѣ. Богдановъ хорошъ собой, богатъ, щеголь, танцоръ, немного поетъ—быстро сталъ необходимымъ членомъ общества, познакомился и я съ нимъ. Однажды Петръ Ивановичъ приходитъ ко мнѣ. Весьма ловко, искренно и прилично объясняетъ, что онъ очень любитъ играть въ карты, но ничего не любитъ дѣлать тайно: пришелъ просить позволенія играть. Я подумалъ: не позволю—будутъ играть скрытно, ловить ихъ—низко, я согласился дозволить, но съ условіемъ: по окончаніи игры, каждое утро сообщать мнѣ, чѣмъ кончилась игра, и если я признаю, что нужно возвратить проигравшему, то исполнить, въ чемъ и прошу дать мнѣ честное слово. Богдановъ протянулъ руку и далъ честное слово; я добавилъ, что если буду обманутъ разъ, то условіе прекращается. Богдановъ подтвердилъ. Кто будетъ играть? Онъ назвалъ 8 человѣкъ, людей богатыхъ, молодыхъ, независимыхъ. Я не находилъ препятствія.

Однажды приходитъ утромъ и говоритъ: вчера К. проигралъ

30 тысячъ. К. было только 18 лѣтъ, сынъ богатыхъ родителей, но не отдѣленъ; отецъ въ большихъ связяхъ въ Питерѣ, много надѣлаетъ шума; какъ несовершеннолѣтнему, я попросилъ деньги возвратить. Въ тотъ же вечеръ проиграли ему обратно. Обыграли ремонтера, тоже возвратили. Я видѣлъ пользу въ дозволеніи. Игроки были молодежь, люди образованные, веселые шалуны, необходимые въ обществѣ.

На Троицу бываетъ большая ярмарка въ Корсунѣ, куда выводилось до двухъ тысячъ заводскихъ лошадей. Я—комендантъ ярмарки. Богдановъ, съ своею партіею игроковъ, просятъ позволенія покутить три дня. «Господа, могутъ быть жалобы, моя обязанность, мой долгъ, быть справедливымъ и строгимъ». — «Мы ручаемся чѣмъ угодно, жалобъ не будетъ, мы не дѣти». — «Ну, смотрите, чтобы не было худо, кутите». Слышу, дѣйствительно кутятъ, но никто не жалуется; конечно, главную роль играли красавицы. На третью ночь меня будятъ: пожаръ! Ярмарка вся составлена изъ плетня, лавки крыты лубомъ и рогожами, вся ярмарка вспыхнетъ, какъ порохъ. Бѣгу, и что же я нашелъ: кутиламъ недостало вина; французъ, торгующій винами, заперъ магазинъ и легъ спать. Кутилы поотдаль домъ обложили соломой, человѣкъ 100 поставили съ водою кругомъ соломы, ночь была совершенно тиха; солому зажгли и отворили ставни у оконъ француза; тотъ, увидавъ пожаръ, торопился спасать и выкидывалъ ящики съ виномъ, что и нужно кутиламъ. Солома къ приходу моему была потушена. Французъ не жаловался, а я прекратилъ кутежъ.

Одинъ близкій мнѣ человѣкъ,—не назову его, онъ еще здравствуетъ,—страстно любилъ играть и проигрывалъ постоянно. Я взялъ слово съ Богданова не играть съ нимъ. Этотъ близкій мнѣ человѣкъ гостилъ у меня. Я былъ въ гостяхъ; даютъ мнѣ знать, что гость мой два раза пріѣзжалъ за деньгами и подгулявши. Я отправился къ Богданову; помню, онъ жилъ въ Кирпичномъ переулкѣ, отдѣльный новый домъ въ три окна. Сквозь ставни огня не видно и ничего не слышно, суконныя шторы, ворота на запорѣ. Тишина. Заборъ очень высокъ; я своему кучеру приказалъ нагнуться и съ плечъ его прыгнулъ черезъ заборъ. На дворѣ много саней, но ни одного кучера; я отперъ ворота а кучеру приказалъ стоять у крыльца. Въ прихожей

куча шубъ и никого. Въ залѣ, со стаканомъ шампанскаго, старый грѣшникъ, проигравшійся коноводъ; въ боковой комнаткѣ, съ свѣчою и съ книгою подъ мышкою, маклеръ. Старый грѣшникъ хотѣлъ сказать: «полк...», я пригрозилъ. Вхожу въ другую комнату, Богдановъ мечетъ банкъ, кругомъ стола человѣкъ шесть. Только увидалъ меня Богдановъ, задрожали руки и карты разсыпались; остальные господа всѣ нагнулись подъ столъ и что-то ищутъ. Я только сказалъ: «вы, Петръ Ивановичъ, нарушили свое слово», собралъ со стола всѣ деньги, засунулъ пьяненькому моему гостю въ карманъ, взялъ его подъ-руку и пошелъ съ нимъ вонъ. Въ комнатахъ была страшная жара. Я расчитывалъ на быстрый ударъ. Моя шуба была въ саняхъ, я моего гостя, безъ шапки, завернулъ въ свою шубу. Богдановъ вышелъ съ товарищами и на морозѣ опомнились: «да, позвольте, полковникъ, такъ нельзя». Пошелъ! Слышу, гонятся за мною съ бубенчиками. Улицы глухія, безъ фонарей, я велѣлъ пустить въ карьеръ до фонарей, Уложилъ гостя спать, а самъ явился гдѣ былъ въ гостяхъ. Никто и не замѣтилъ моего отсутствія.

На другой день, утромъ, является Богдановъ, блѣдный, сконфуженный.

— «Полковникъ, чѣмъ же это кончится?»

— Что такое, мой другъ?

— «Да что, вы были вчера вечеромъ?»

— Это у Петра Антоновича Ахматова? Тамъ играли въ фанты.

— «Я говорю не объ Ахматовѣ, а что вы были у насъ».

— Милый другъ, если ты не пьянъ, то вчера перепилъ и бредишь. Я отъ Ахматова не отлучался, что засвидѣтельствуетъ тебѣ все общество.

— «Да помилуйте, мы не сумасшедшіе. Я пришелъ спросить, чѣмъ вамъ угодно кончить?»

— Что такое кончить, я не понимаю?

Долго я тарантилъ, дурачилъ его; когда онъ сталъ просить прощенія и извинялся тѣмъ, что они два раза прогоняли того, съ кѣмъ я не приказалъ играть, но онъ побожился, что вы дозволили ему играть. Тогда я объяснилъ Богданову, что никто не долженъ знать, что я былъ у нихъ, въ противномъ случаѣ, я обязанъ исполнить свой долгъ, а вы знаете какой?

— «Знаемъ, въ тюрьму, но на этотъ разъ простите».

— Охотно прощаю, но кажется, я захватилъ деньги? (тысячи двѣ).

— «Что о деньгахъ, мы ему еще бы вдвое дали, только бы онъ не приходилъ къ намъ».

— Ну, Петръ Ивановичъ, на этотъ разъ дѣло кончено, будьте осторожны.

— «Полковникъ, я почитаю и всѣ любимъ васъ, умоляю, не пріѣзжайте такъ неожиданно и одни; впрочемъ, мы приняли мѣры».

— Какія мѣры ни принимайте, но нарушите условіе—я буду у васъ.

— «Не совѣтую и умоляю: не являйтесь одни, какъ вчера».

— Это почему?

— «Намъ исходъ одинъ, мы за себя не отвѣчаемъ».

— Ха, ха, ха, что̀ вы говорите, а у кого вчера la main дроже и разсыпались карты? А что такое искали господа подъ столомъ? Всѣ вы струсили.

— «Клянусь вамъ, полковникъ, мы гнались вчера за вами, рѣшившись на крайнюю мѣру».

— Все вы врете, вы видѣли меня безъ сабли, а не видали двухъ двухстольныхъ пистолетовъ, спрятанныхъ въ карманахъ, да у кучера ножикъ въ аршинъ (все я соврал). Куда вамъ!

Я простилъ и игроки болѣе не нарушали моего условія. Богдановъ послѣ былъ губернскимъ предводителемъ въ Саратовѣ; онъ самъ разсказывалъ мнѣ, что, за соло въ кадрилѣ, мать давала ему 10 тысячъ; у старухи былъ большой кованный сундукъ, полный денегъ. Недавно я получилъ письмо изъ Саратова, что уже лѣтъ десять, какъ Богдановъ умеръ, проигравшись. Обыкновенная доля игроковъ!

Не помню точно времени, привезли въ Симбирскъ изъ Тифлиса царевну Тамару, подъ мой строгій надзоръ. Не подумайте, что эта Тамара подобна Тамарѣ Лермонтова, нѣтъ, непохожа. Длинная, узкая въ плечахъ и вся ровная до конца ногъ, лицо длинное, чисто армянское, лѣтъ подъ 50. Привезли плачущую, и сколько разъ ни навѣщалъ ее, видѣлъ плачущею и всегда въ одной позѣ: съ своею служанкою сидятъ на полу и раз-

бираютъ спутанный разноцвѣтный шелкъ. Нельзя было не бывать у ней, а идти—наказаніе: не люблю плачущую женщину, еще бы хорошенькую, да и то не надолго, молоденькія слезы не горьки. Не буду утверждать, долго ли надоѣдали мнѣ слезы Тамары, но, въ пріѣздъ государя, я рѣшился хлопотать сбыть съ рукъ плаксу. Составилъ пречувствительную записку и молилъ графа Бенкендорфа доложить государю о помилованіи Тамары; это было вечеромъ, графъ отвѣчалъ: «убирайся, спать хочу, поди къ Адлербергу, онъ ходатай за всѣхъ .....». Я къ добрѣйшему изъ добрыхъ, графу Адлербергу; подавъ записку, сталъ неотступно просить его. Трудно вѣрить, но прошу не сомнѣваться: прося графа Адлерберга, у меня капнуло слезъ пятокъ, право такъ! Графъ съ участіемъ спросилъ: вы такое близкое принимаете участіе? Я не сказалъ, что она мнѣ надоѣла. Благодѣтельный графъ тотчасъ пошелъ къ государю и вынесъ помилованіе Тамарѣ. Я приказалъ разбудить ее и объявилъ ей радость. Не буду разсказывать о сценѣ ея благодарности, право, и тутъ ничего не было пріятнаго. Черезъ 4 дня отправилъ царевну съ жандармомъ въ Тифлисъ, тамъ выѣхали 20 каретъ встрѣчать ее. Ну и дай Богъ ей здоровья!

Пишетъ Дубельтъ: «подъ твой надзоръ назначенъ бывшій волынскій губернскій предводитель, графъ Петръ Мошинскій. Облегчи его положеніе, что отъ тебя зависитъ».

Является Мошинскій, небольшаго роста, съ самымъ добрымъ и скромнымъ выраженіемъ въ лицѣ; мнѣ казалось, что его забила судьба, но нѣтъ, онъ таковъ отъ рожденія; ему лѣтъ 35, плѣшивъ, хорошо образованъ. Сосланъ былъ въ Тобольскъ за 14-е декабря. Въ первый же часъ я спросилъ его: «чего онъ хочетъ?» Онъ не вдругъ отвѣчалъ: «я не знаю, чего я могу желать». — Какое ваше самое большое желаніе? Онъ послѣ признался мнѣ, что ему очень забавно казалось, что какой-то подполковникъ такъ самонадѣянно спрашиваетъ, когда первыя лица въ государствѣ ничего не могли для меня сдѣлать, но отвѣчалъ: мое желаніе одно—сблизиться съ женою и дочерью. «Ну, вотъ, видите-ли, я черезъ 4 мѣсяца подвину васъ къ вашей семьѣ, но съ условіемъ: вы должны всякій день непремѣнно являться ко мнѣ, дабы я не лгавши могъ сказать, что я всякій день вижу

васъ. Я не всегда свободенъ, но вотъ вамъ комната, книги и трубка. Исполните вы, исполню и я».

Рѣдкую почту не писалъ я о Мошинскомъ и писалъ правду: что онъ вполнѣ раскаялся, искренно преданъ государю и Россіи, сознаетъ глубоко безуміе поляковъ и проч. Прогрессивныя мои донесенія выходили ладны и я собирался повести атаку—выслать Мошинскаго на югъ. Вдругъ курьеръ: графъ пишетъ, чтобы я употребилъ все искусство, осторожно, но непремѣнно убѣдить Мошинскаго подписать прилагаемую бумагу. Читаю. Это не болѣе, не менѣе—согласіе Мошинскаго на разводъ съ своею женою. Графъ оканчиваетъ, что онъ надѣется на мою деликатность и участіе къ положенію Мошинскаго.

Я даже не вдругъ и сообразилъ, что мнѣ дѣлать. Мошинскій только и мечталъ о счастіи увидаться съ своею семьею, а я долженъ—осторожно, деликатно, съ участіемъ, поднести для его подписи разводъ съ любимою имъ женою! Прежде всего я мысленно проклялъ всѣхъ полекъ (теперь приглядѣлся и не проклинаю). Не стану разсказывать, какъ я хитрилъ, подготовляя бѣднаго Мошинскаго, но конецъ концовъ тотъ: несчастный, чтобы подписать, падалъ два раза въ обморокъ, подписалъ и заболѣлъ. Желая сколько нибудь вознаградить Мошинскаго, я каждую почту просилъ о переводѣ Мошинскаго на югъ, добылъ и послалъ свидѣтельство доктора, что необходимъ для него теплѣе климатъ. Ровно черезъ три мѣсяца со дня прибытія ко мнѣ Мошинскаго, онъ переведенъ въ Черниговъ, куда и выѣхала къ нему дочь.

Съ этого времени я забылъ о Мошинскомъ. Я—въ Кіевѣ. Въ 1839 году ко мнѣ на квартиру явился какой-то полякъ и объясняетъ, что меня очень любитъ Петръ Мошинскій.

— «Гдѣ теперь Петръ Мошинскій?»

— Онъ съ дочерью въ Черниговѣ.

— «Что же вамъ отъ меня нужно?»

— Я ѣду къ Мошинскому, желаю быть управляющимъ въ одной изъ его деревень, прошу отъ васъ рекомендательнаго письма.

— «Письма вамъ не дамъ, потому что васъ не знаю; поѣзжайте, скажите Петру, что я его люблю и что мы скоро увидимся, онъ дастъ вамъ мѣсто и безъ письма».

Перевести Мошинскаго въ Кіевъ мнѣ было не трудно: тогда

болѣе сотни поляковъ разослали по заговору Канарскаго. Мнѣ не трудно было убѣдить Бибикова, для примиренія съ дворянами, представить о пользѣ перевода Мошинскаго въ Кіевъ. Дозволено. Мошинскій бросился ко мнѣ на шею и со слезами радости называлъ меня своимъ благодѣтельнымъ провидѣніемъ. Дочь его — предоброе дитя. Явился графъ Ш....къ; мнѣ крайне не нравился, но какія-то старинныя фамильныя связи—дочь Мошинскаго вышла за Ш....ка, который сдѣлалъ ее несчастною, промоталъ ея одиннадцать тысячъ душъ крестьянъ и бросилъ ее, бѣдную!

Передъ свадьбой, я же хлопоталъ и писалъ представленіе о помилованіи Мошинскаго. По симбирской привычкѣ, Мошинскій аккуратно, всякое утро, приходилъ пить кофе. Когда пришло помилованіе, онъ пришелъ ко мнѣ утромъ и объявилъ, что уѣзжаетъ, обнялъ меня и просилъ принять на память дружбы наслѣдственный отъ бабушки фермуаръ въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Брилліанты блестящіе меня не плѣняли, но въ срединѣ былъ невиданный, огромный восточный густой изумрудъ. Любовь моя къ этому камню, должно быть, родилась со мною; я полюбовался изумрудомъ, поцѣловалъ Петра Мошинскаго и возвратилъ ему фермуаръ. Просьбы его, даже слезы, доказательства, что это не деньги—ничто не помогло. Болѣе я не видался съ Мошинскимъ. Получилъ отъ него письмо, онъ начинаетъ: «родился я графомъ, крестился графомъ, однако я графомъ никогда не былъ». Вотъ до чего обрусѣлъ человѣкъ: полякъ и не хочетъ быть графомъ!

Присланы ко мнѣ подъ надзоръ съ десятокъ поляковъ, по мятежу 1830 года; два доктора, одинъ очень хорошо учился, онъ и теперь живетъ недалеко отъ меня, фамилія его Станкевичъ; присылаетъ ко мнѣ поклоны, но самъ не ѣдетъ, можетъ быть, и я не поѣхалъ бы на его мѣстѣ. Поляки были очень смирны, былъ и ксендзъ. Было бы что и разсказать о нихъ, но когда нибудь послѣ.

Пріѣхалъ въ Симбирскъ новый губернаторъ, Иванъ Петровичъ Хомутовъ. Онъ пріѣхалъ шумно, весело; ко всѣмъ визиты, къ нему всѣ—противоположность Жиркевичу.

Хомутовъ хорошей наружности, лѣтъ подъ 50, высокъ, плѣшивъ, съ большимъ носомъ—весьма представительная личность, любезенъ, веселонравенъ, любитъ общество.

Жена его—маленькая горбунья, но за то урожденная Озерова—это нужно замѣтить. Дѣтей у нихъ не было.

Хомутовъ, бывши полковникомъ, въ извѣстномъ елисаветинскомъ дѣлѣ—Паскевичъ доносилъ о позиціи, но, говоря о лѣвомъ флангѣ, писалъ, что «онъ слабъ, но тамъ у меня храбрый полковникъ Хомутовъ и я спокоенъ». Хомутовъ хранитъ рескриптъ: «Храброму полковнику Хомутову съ товарищами» и проч. Хомутовъ извѣстенъ былъ въ арміи тѣмъ, что онъ ни разу не поклонился ядру. И это нужно замѣтить!

Съ губернаторомъ Хомутовымъ, кажется, въ двѣ минуты я сталъ другомъ—прелюбезный человѣкъ. Передъ пріѣздомъ Хомутова, въ Симбирскѣ образовалась шайка воровъ, сначала мелочныхъ, а потомъ смѣлыхъ до дерзости. Я шелъ съ Хомутовымъ въ первые дни его губернаторства, вечеромъ, и разсказывалъ ему о дѣятельности воровъ; онъ сказалъ громко и самонадѣянно: «я всѣхъ ихъ уничтожу». Я предупредилъ, что неравно который нибудь лежитъ за заборомъ и сдѣлаютъ что нибудь въ насмѣшку ему. Поутру получаю отъ него записку: «пожалуйста не разсказывайте, подлецы украли изъ прихожей мою шубу; если можно, помогите найти». Шуба, еще до свѣта, была разрѣзана на нѣсколько частей и вывезена въ разныя заставы.

Воры дошли до крайней дерзости: недалеко отъ моей квартиры забрались къ купцу въ домъ и когда тотъ хотѣлъ выѣхать въ окно, его въ окнѣ придержали за руки внутри, а съ улицы за ноги, и хорошо высѣкли розгами. Губернаторъ сознался безсиліе своихъ средствъ. Я совѣтовалъ ему написать ко мнѣ письмо, съ изложеніемъ, что средствъ городской полиціи недостаточно для уничтоженія дерзкой шайки воровъ въ городѣ, а потому и проситъ моего содѣйствія. Я просилъ его отдать полицію въ мое распоряженіе. Лучшая тайная моя полиція въ городѣ были кантонисты, съ которыми я сносился черезъ моихъ писарей.

Симбирскъ, между Волгой и Свіягой, раздѣляется преглубокимъ оврагомъ, который служилъ удобнымъ помѣщеніемъ навоза со всего города. Въ одномъ концѣ, на днѣ оврага, жили въ ла-

чужихъ отставныя и бѣдныя солдатки; тутъ, въ тайникахъ, былъ складъ вещей мелкаго воровства. Моя тайная полиція дала мнѣ знать, что, въ эту ночь, шайка будетъ праздновать у одной вдовы-солдатки, въ оврагѣ. Около 11-ти часовъ темной ночи, составилъ я стратегическій планъ: полиція употреблена для фальшивой атаки, а жандармы—молча и скрытно въ засадѣ, поперегъ оврага. Самъ я—въ половинѣ высоты крутаго бока оврага, въ углубленіи, гдѣ брали глину, на тропинкѣ. Полиція подняла крикъ, воры бросились бѣжать, но попали въ крѣпкія руки жандармовъ; одинъ воръ прорвался и бѣжалъ по тропинкѣ мимо, не замѣтивъ меня; бокъ оврага крутъ, внизу, воръ бѣжитъ и чѣмъ-то упирается правой рукой. Я пропустилъ его мимо себя, быстро догналъ и, неожиданно для него, такъ ловко и сильно ударилъ его по шеѣ, что онъ, кувыркаясь, погрузился въ жидкій навозъ; я крикнулъ жандармовъ и тѣ взяли его. Оказалось, что это былъ бойкій атаманъ, упирался онъ пистолетомъ. Шайка вся была въ плѣну. Дуло пистолета было полно земли; когда вымыли, на дулѣ оказалась золотая надпись: Бенкендорфъ. Послалъ я пистолетъ шефу. Дубельтъ писалъ ко мнѣ, что этотъ пистолетъ выпалъ изъ сѣдла, когда графъ шелъ въ атаку подъ Лейпцигомъ, товарищъ пистолета сохранился и что шефъ очень желаетъ знать, какимъ путемъ пистолетъ очутился у вора, въ Симбирскѣ. Но я могъ узнать только, что воръ купилъ пистолетъ на толкучкѣ, въ Тамбовѣ. Для пистолета-то я и разсказалъ этотъ случай.

Въ началѣ Великаго поста, ко мнѣ курьеръ—предписаніе: «немедля отправиться въ Саратовъ, совершенно секретно, и находиться тамъ въ распоряженіи генералъ-адъютанта князя Лобанова-Ростовскаго».

Отъ князя письмецо: «Дружище, въ Саратовѣ не сладятъ съ раскольничьимъ монастыремъ; государь посылаетъ меня, а я выпросилъ тебя у государя въ помощь, не сердись. Сдѣлай тамъ подготовочку, на которыя ты такой мастеръ, и пришли жандарма, у меня будетъ уложенъ дормезъ—явлюсь. До свиданія».

Совершенно секретно—отъ кого? значитъ, отъ цѣлаго свѣта. На курьерскихъ помчался я по пензенской дорогѣ, проѣхавъ верстъ 100, свернулъ на проселокъ и выбрался на саратовскую

почтовую дорогу. Дорога была адская, нѣсколько разъ у извощиковъ лилась кровь изъ горла, бросалъ ихъ на дорогѣ и доѣзжалъ съ жандармомъ. Верстахъ въ сорока не доѣзжая до Саратова, была деревня брата моей жены. Въѣзжать въ Саратовъ, на курьерскихъ, секретно—нельзя, я взялъ въ деревнѣ брата рогожную кибитку и въ ясный полдень, по улицамъ почти уже безъ снѣга, въѣзжалъ самъ въ формѣ, а жандарму, тоже въ формѣ, приказалъ идти пѣшкомъ, никто не обратилъ вниманія. Тогда Саратовъ былъ не то, что теперь, тогда Саратовъ былъ—огромная деревня. Остановился я въ только что построенномъ маленькомъ (въ три окна) трактирѣ «Москва». Живу три дня, никто меня не спроситъ, какъ будто я не въ городѣ. Въ эти три дня я узналъ все, что дѣлается въ Саратовѣ и что дѣлалось съ монастыремъ. Трактиръ—благодарное поле для узнанія общихъ секретовъ. Дѣло вотъ въ чемъ: за Волгой, на рѣкѣ Иргизѣ, былъ старинный раскольничій монастырь; этотъ монастырь благословлялъ Пугачева на русское царство и былъ повсемѣстно въ большомъ уваженіи. Послѣдовало высочайшее повелѣніе: на мѣстѣ монастыря образовать уѣздный городъ Николаевскъ. Назначенъ штатъ чиновъ и духовенства. Раскольники отказались повиноваться. Ѣздили совѣтники, жандармскій штабъ-офицеръ—всѣмъ отказъ. Поѣхалъ самъ губернаторъ, но, видно, не изъ храбрыхъ: въ какой-то домикъ вызвалъ архимандрита монастыря и говорилъ съ нимъ оградившись отъ него двумя жандармами съ обнаженными саблями, скрещенными передъ особой губернатора. Преэффектная картина, когда я скажу, что злодѣй-архимандритъ былъ маленькій старичишка, для уничтоженія котораго довольно одного кулака. Согласія не послѣдовало. Въ Саратовѣ квартировала артиллерія; помню, командиръ—безногій генералъ Арнольди. Губернаторъ потребовалъ, чтобы артиллерія привела въ повиновеніе ослушниковъ. Пришла артиллерія къ монастырю. Раскольники, сцѣпившись руками и ногами, покрыли всю площадь около церквей тѣлами своими, какъ черепомъ. Говорили объ одномъ нашемъ фанатикѣ, который умолялъ объ ядрушкахъ, но его не послушали. Артиллерія тихо и скромно проѣхала близъ тѣлъ, говорятъ: ни крика, ни ропота не слыхали отъ раскольниковъ! На этомъ дѣлѣ и остановилось дальнѣйшее распоряже-

ніе губернскаго начальства. Узналъ я много злоупотребленій въ городѣ, всѣ интриги, я сплетень, сплетень!

На четвертый день явился къ губернатору, назвалъ свою фамилію; губернаторъ спросилъ:

— «Не Иванычъ-ли?»

— Да, я сынъ Ивана Дмитріевича.

— «Такъ поди ко мнѣ, ты мой племянникъ»,—и обнялъ по родному. «Давно-ли ты пріѣхалъ?»

— Четвертый день.

— «Какъ же это я не зналъ?»

— Не мудрено, я живу тихо.

— «Зачѣмъ пріѣхалъ?»

— По своему частному дѣлу.

— «Какое у тебя дѣло?»

— Покупаю имѣніе.

— «Браво! я тебѣ помогу; далеко имѣніе?»

Я назвалъ имѣніе брата.

— «Очень радъ. Гдѣ остановился?»

— Въ трактирѣ Москва.

— «Переѣзжай ко мнѣ, а теперь будемъ обѣдать вмѣстѣ».

Губернаторъ—Степановъ; онъ написалъ нѣсколько удачныхъ романовъ и повѣстей: «Постоялый дворъ», «Чортовы салазки» и проч. Толстякъ, вдовецъ, лѣтъ подъ 60, человѣкъ умный, пріятный, но, право—не губернаторъ.

Въ разговорѣ съ дяденькой, я узналъ все дѣло съ монастыремъ, но, конечно, безъ крестообразныхъ сабель. Я представился такъ заинтересованнымъ монастыремъ, что пожелалъ съѣздить; хотя и отговаривалъ дядя, находя опаснымъ, я, для отвращенія опасности, упросилъ дать мнѣ открытое предписаніе, чтобы уѣздныя полиціи оказывали мнѣ содѣйствіе по моему требованію.

Послѣ обѣда я уже отправился въ монастырь. Въ ближайшей къ монастырю деревнѣ, былъ штатъ чиновъ будущаго города. Разговаривая со всѣми и особенно съ умнымъ старикомъ-крестьяниномъ, при разныхъ разсказахъ, обратила мое вниманіе одна повторяющаяся фраза: «раскольники причащались и присягали не оставлять монастырь добровольно». Значитъ, могутъ оставить монастырь не добровольно—не нарушивъ при-

сяги. Болѣе навелъ меня на эту мысль квартальный Голяткинъ, изъ писарей-кантонистовъ.

Такъ какъ князь Лобановъ пишетъ ко мнѣ о подготовочкѣ только, а не о личномъ моемъ дѣйствіи, то я и счелъ правильнымъ сначала явиться переодѣтымъ и вглядѣться въ дѣло, а далѣе дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ.

Монастырь раскольниковъ, въ собственномъ смыслѣ—не монастырь, а сбродъ безпорядочныхъ лачужекъ, въ которыхъ жили мужчины и женщины вмѣстѣ. Все населеніе состояло изъ бѣглыхъ: солдатъ, крестьянъ, преступниковъ изъ Сибири, изъ тюремъ. Говорили, было болѣе пяти тысячъ, управлялъ всѣмъ старичишко архимандритъ, но власть его была почти номинальная, управляли всѣмъ фанатики-начетчики. Приношенія въ монастырь были громадныя, изъ разныхъ мѣстъ, но главныя и постоянныя—изъ Оренбургской губерніи и съ Дона. Посреди большая площадь, на которой стояли каменныя церкви, весьма хорошей архитектуры.

Хотя я пріѣхалъ какъ любитель, но открытое предписаніе, въ случаѣ, давало мнѣ власть. Я еще въ трактирѣ зналъ, что вся полиція на откупу у монастыря, надѣяться на помощь такихъ людей и дѣйствовать съ ними открыто—опасно. Вообще, уровень чиновниковъ въ Саратовской губерніи былъ весьма невысокъ.

Опираясь на фразу присяги: не оставлять добровольно, я совѣтовалъ чиновникамъ собрать сколь можно болѣе отставныхъ и понятыхъ, приготовить носилокъ.

Въ монастырѣ знали о каждомъ движеніи противъ нихъ. Утромъ сняли свои караулы у околицы и на площади образовали черепаху. По моему совѣту, попробовали: съ краю черепахи, одному раскольнику розняли руки и ноги и, положивъ на носилки, вынесли за околицу. Только увидалъ раскольникъ, что онъ внѣ околицы монастыря, вскочилъ съ носилокъ, перекрестился на монастырь и только пятки его мелькнули, такъ онъ удралъ въ степь. Понятно, началась механическая работа. Такимъ способомъ прочистили широкую дорогу къ церкви, прошло съ пѣніемъ наше духовенство, а какъ окропили церковь святою водой, начетчики сказали, что церковь опоганѣла, и монастырь сталъ очищаться день и ночь. Говорили послѣ, что раскольники образовали свой монастырь въ пустыняхъ къ Каспійскому морю.

И на этотъ разъ, серьезное дѣло разрѣшилось фарсомъ. Возвратись въ Саратовъ, я увѣрилъ дяденьку, что я только подъѣзжалъ къ монастырю, и не знаю, что тамъ дѣлалось.

Немедля послалъ жандарма курьеромъ къ князю Лобанову-Ростовскому и въ концѣ письма просилъ извиненія, что дѣло кончилось безъ него.

Между прочимъ, чтобы продолжать секретъ, я получилъ отъ брата довѣренность: имѣніе его имѣю право заложить, продать и проч. Начавъ залогъ, гражданская палата потребовала съ меня 30 коп. съ рубля; поторговавшись, согласились на 25 коп. и только для меня, и такъ были добры, что показали мнѣ дѣлежъ этихъ денегъ, кому и сколько съ рубля. Часто мнѣ приходилось писать къ шефу, но слыша, что саратовская почта очень любопытна, я сначала посылалъ чрезъ коммисіонерство, а потомъ чрезъ госпиталь; въ Питерѣ, распечатавъ и увидавъ внутри конвертъ къ шефу, доставляли. Уѣхать изъ Саратова безъ предписанія я не имѣлъ права. Дядю губернатора я полюбилъ и, желая ему добра, совѣтовалъ выйти въ отставку,—не согласился. Квартальному Голяткину приказалъ выйти въ отставку и уѣхать.

Возвратился жандармъ—отъ князя тысяча благодарностей съ поцѣлуями, много шутитъ и пишетъ очень весело. Мчаться по злой распутицѣ—мало удовольствія. Жандарму князь далъ 25 р. и приказалъ показать ему, что дормезъ совсѣмъ уложенъ и чтобы онъ объ этомъ сказалъ мнѣ. Гр. Бенкендорфъ благодарилъ и разрѣшилъ мнѣ возвратиться въ Симбирскъ.

Послѣ меня довольно было переборки въ Саратовѣ: дядю моего исключили изъ службы, съ тѣмъ чтобы никуда не опредѣлять; николаевскую полицію предали суду; жандармскаго штабъ-офицера исключили изъ корпуса жандармовъ и проч.

Саратовскіе чиновники, въ особенности полиція того времени, мнѣ очень неправились, казались апатическими, на всѣхъ какой-то тонъ холодной формы, ни малѣйшей энергіи къ дѣлу; можно судить потому, что я, жандармъ, пріѣхалъ, остановился въ трактирѣ, прожилъ трое сутокъ и полиція не знала, хотя и существовалъ полицмейстеръ. Таковъ порядокъ показался мнѣ во всей губерніи, даже жандармская команда—сонная!

Изъ саратовскихъ, я видѣлъ въ послѣдствіи одного только

бывшаго квартальнаго Голяткина. Въ 1888 году нашелъ я его младшимъ полицмейстеромъ въ Кіевѣ. Весь Кіевъ возненавидѣлъ старшаго полицмейстера, сдѣлали исправляющимъ должность полицмейстера Голяткина. Похвастаю—Голяткинъ еще живъ. Когда вступилъ онъ въ должность полицмейстера, пришелъ ко мнѣ и просилъ научить его быть любимымъ полицмейстеромъ. Голяткинъ пробылъ 10 лѣтъ полицмейстеромъ, былъ любимъ жителями, что рѣдко въ этой должности, вышелъ въ отставку по своему желанію, къ общему сожалѣнію; о совѣтѣ моемъ бывшему кантонисту позвольте умолчать, секреты на улицѣ не валяются.

Возвращаясь изъ Саратова въ Симбирскъ, я поѣхалъ по берегу Волги; это было въ концѣ Вербной недѣли. Проѣзжая Сызранскій уѣздъ, узнаю—бывшіе казенные, теперь удѣльные крестьяне бунтуютъ; по разсказамъ, уже тысячъ до восьми не повинуются. Такіе бунты разливаются какъ пожаръ. Я къ губернатору Хомутову, оказалось, что онъ ничего не знаетъ. Я предложилъ и торопилъ Хомутова, чтобы онъ обдѣлалъ дѣло на Страстной, пока народъ весь трезвъ. Хомутовъ упросилъ меня ѣхать съ собою. Съ нимъ отправился правитель его канцеляріи, Раевъ.

Пріѣхали въ главную бунтующую деревню, названія не помню. Народу очень много. Ловкій мой жандармъ, чрезъ какого-то родню, отставнаго солдата, узналъ, что главный бунтовщикъ Ѳедька и указалъ мнѣ его. Мужиченко небольшой, плотный, лѣтъ 35-ти, въ синемъ кафтанѣ, красный кушакъ, сапоги съ напускомъ и новая шапка изъ мерлушекъ. Стоитъ козыремъ, около него кучка народа.

Рано утромъ, черезъ сотскихъ, я приказалъ собраться крестьянамъ, что имъ будетъ читать законъ губернаторъ. Послушались, собрались и стали въ родѣ фронта. Я сказалъ губернатору, что, проходя по ряду, противъ главнаго коновода Ѳедьки я капляну, но совѣтую не трогать: при массѣ и бранить не должно, а всякое дѣйствіе опасно. Проходя—Ѳедька стоялъ въ срединѣ ряда—я только капляулъ, какъ губернаторъ остановился, вызвалъ Ѳедьку и молодцомъ крикнулъ:

— «Каутьевъ! Вотъ я покажу тебѣ какъ бунтовать! Раздѣть его!»

Только тронулись за Ѳедьку, какъ вся масса гаркнула и бро-

силась выручать Ѳедьку. Мой храбрый губернаторъ—бѣжать, Раевъ за нимъ. Толпа съ крикомъ гналась за ними и губернатора съ правителемъ выгнали за околицу. Я остался на мѣстѣ: крикъ, шумъ, я только указываю, чтобы не дотрогивались до меня, никто не дотронулся; напираютъ задніе, около меня падаютъ, смотрятъ на меня добро и смѣются. Разошлась толпа, я нашелъ губернатора въ постелѣ, боленъ, кровавая дизентерія.

Вижу, дѣло очень плохо; послалъ за солдатами съ боевыми патронами и приказалъ явиться 12-ти жандармамъ безъ коней. Цѣлую ночь придумывалъ, какую бы штуку выкинуть, а безъ штуки нельзя, потому что силы нѣтъ. У татаръ вывезли меня богатые торговцы, а тутъ нѣтъ богатыхъ и нѣтъ трехъ—четырехъ женъ у нихъ. Проклятые русопетки, преупорные и озлобленные, а что еще хуже, раскуражились побѣдою надъ губернаторомъ. На всякій случай приказалъ исправнику собрать побольше понятыхъ и отставныхъ.

Противъ церкви стояли отдѣльно пять домовъ, по обыкновенію, рядомъ съ крытыми дворами, внутри разгороженными плетнемъ; плетни выломать и образовался одинъ крытый дворъ изъ пяти. Понятыхъ спрятать ночью во дворѣ. Заготовить веревокъ и розогъ.

Рано утромъ пріѣхали команды. Спиною къ домамъ, въ одну шеренгу, выстроилъ 40 солдатъ, между церковью и солдатами собралъ бунтовщиковъ, сказалъ имъ убѣдительную рѣчь и спросилъ: повинуются-ли? Въ одинъ голосъ: нѣтъ, не повинуемся! —«Вы знаете, ребята, по закону я долженъ стрѣлять».—Стрѣляй, батюшка, пуля виноватаго найдетъ, кому что Богъ назначилъ.—«Слушайте, братцы»,—я снялъ шляпу и съ чувствомъ перекрестился на церковь,—«я такой же православный, какъ и вы стрѣлять никогда не поздно, мы всѣ подъ Богомъ; можетъ, найдется невиновный, то, убивши его, дамъ строгій отвѣтъ Богу, пожалѣйте и меня, а чтобы не было ошибки, я каждаго спрошу и кто не покорится, тотъ самъ будетъ виноватъ». Обратился къ первому:

— «Повинуешься ты закону?»

— Нѣтъ, не повинуюсь.

— «Законъ далъ государь, такъ ты не повинуешься и государю?»

— Нѣтъ, не повинуюсь.

— «Государь—помазанникъ Божій, такъ ты противишься Богу?»

— Супротивляюсь.

Крестьянина передалъ жандарму, съ словами: «ну, такъ ты не пеняй на меня!» Жандармъ передалъ другому; жандармы были разставлены такъ, что послѣдній передавалъ во дворъ, тамъ зажимали мужику ротъ, набивали паклей, кушакомъ вязали руки, а ноги веревкою и клали на землю.

Я имѣлъ терпѣніе каждому мужику сдѣлать одни и тѣ же вопросы, и отъ каждаго получилъ одинаковые отвѣты, и каждаго передалъ жандармамъ, и каждаго во дворѣ вязали и клали. Процедура эта продолжалась почти до вечерень. Послѣдніе десятка полтора мордвы и русскихъ покорились, ихъ отпустилъ домой. Ночь не спалъ, не пилъ, не ѣлъ, сильно усталъ, но въ такихъ дѣлахъ успѣхъ зависитъ отъ быстроты.

Пришелъ во дворъ, всѣ дворы устланы связанными бунтовщиками. «Розогъ! давайте перваго». Выводятъ старика лѣтъ 70-ти. — «Повинуешься?» — Нѣтъ!—«Сѣките его». Старикъ поднялъ голову и проситъ: батюшка, вели поскорѣй забить. Непріятно, да дѣлать нечего, первому прощать нельзя, можно погубить все дѣло. Наконецъ, старикъ умеръ, я приказалъ мертвому надѣть кандалы. Одинъ за другимъ, 13 человѣкъ засѣчены до смерти и на всѣхъ кандалы. 14-й вышелъ и говоритъ: я покоряюсь. «Ахъ, ты негодяй, почему ты прежде не покорился? Покорились бы и тѣ, которые мертвы, розогъ! Дать ему 300 розогъ».

Это такъ подѣйствовало, что всѣ лежащіе заговорили: мы всѣ покоряемся, прости насъ. — «Не могу, ребята, простить, вы виноваты противъ Бога и государя».—Да ты накажи, да помилуй.

Надобно знать русскаго человѣка: онъ тогда искренно покоренъ и спокоенъ, когда за вину наказанъ, а безъ наказанія обѣщаніе его ничего не стоитъ, онъ тревожится, ожидаетъ что еще съ нимъ будетъ, а въ головѣ у него—семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ, того и гляди, наглупитъ. Наказанный—боится быть виноватымъ вновь и успокоивается.

Приказалъ солдатамъ раздѣлиться на нѣсколько группъ и дать всѣмъ бунтовщикамъ по 100 розогъ, подъ надзоромъ исправника. Потомъ собралъ всѣхъ, составилъ нѣсколько каре и объ-

явилъ: «я сдѣлалъ, что мнѣ слѣдовало сдѣлать по закону, простить ихъ можетъ только губернаторъ; онъ можетъ всѣхъ въ тюрьму, тамъ сгніете подъ судомъ».—Батюшка, будь отецъ родной, заступись; какъ Богъ, такъ и ты, перемѣни гнѣвъ на милость. Я поставилъ ихъ на колѣни, научилъ просить помилованія и далъ слово, что буду ходатаемъ за нихъ, но губернаторъ очень сердитъ. Кричатъ: заступись, батюшка, выручи!

Прихожу къ губернатору, лежитъ болѣнъ, не знаетъ что я дѣлалъ. Мнѣ доложили, что засѣченные ожили, ихъ обливали водою, и я повеселѣлъ. Говорю губернатору: «пойдемте прощать».

Не вѣритъ.

— Только прошу, долѣе сердитесь, не прощайте, а простите только подъ моимъ ручательствомъ за нихъ.

Подходя къ фронту, губернатору, хотя и штатскому—«на караулъ!», барабанщикъ двѣ дроби, «здравія желаемъ вашему превосходительству!»—все для эффекта. Подходимъ къ группамъ я снялъ шляпу и почтительно, низко кланяясь, представляю раскаявшихся. Виновные въ одинъ голосъ: помилуй, ваше превосходительство! — «Не могу, вы такъ виноваты, что васъ слѣдуетъ судить». А мужики, кланяясь въ землю, твердятъ: помилуй, ваше превосходительство, ни впредь, ни послѣ того не будетъ. А я-то униженно, безъ шляпы, кланяюсь и прошу помиловать. Губернаторъ гнѣвно сказалъ, что онъ бунтовщикамъ вѣрить не можетъ и согласится тогда, если кто за нихъ поручится.

Я обернулся къ мужикамъ: ручаться-ли за нихъ?

Какъ заорутъ въ одинъ голосъ: ручайся, отецъ, небось, не выдадимъ, ручайся, батюшка. — «Ребята, смотри, чтобы мнѣ не быть въ отвѣтѣ за васъ».—Отецъ ты нашъ, вотъ-тѣ пресвятая! положимъ жизнь за тебя, ручайся!—Я поручился. Губернаторъ умилостивился, простилъ.

Я распустилъ всѣхъ по домамъ, приказалъ сотскимъ накормить солдатъ и жандармовъ. Откуда что взялось: снесли столы, зажгли лучины, явились десятками горшковъ щей, каши, кисели съ сытой, все постное; вѣроятно, было готово для мужей, но имъ не удалось поѣсть, съѣли солдаты. Въ тюрьму пошелъ только одинъ Ѳедька.

Только я вошелъ къ губернатору, онъ, какъ чисто русскій

человѣкъ, поклонился мнѣ плѣшивой головой въ землю; признаться, я отскочилъ и, обнявъ его, поцѣловалъ.

Вотъ и справедливо, что человѣкъ не во всѣхъ случаяхъ равно храбръ. Мой губернаторъ былъ извѣстнымъ храбрецомъ во всей арміи, а передъ безоружными мужиками струсилъ и бѣжалъ. Да и вашъ покорный слуга, кажется, струсилъ и не могъ отвѣчать, сколько лѣтъ служитъ въ Симбирскѣ.

Не взирая на ночь, губернаторъ торопился ѣхать домой, показываетъ мнѣ письмо отъ своей жены, она пишетъ: «Ваничка, брось все, я лежу въ ваннѣ, со мной конвульсіи: я умру, если ты скоро не пріѣдешь», и проч. Хомутовъ спрашиваетъ: кажется, и вы получили письмо? Я тогда только вспомнилъ о письмѣ—не до того было—вынулъ свернутую на уголокъ сѣрую бумажку и прочиталъ. Хомутовъ спросилъ: можно прочитать?—Извольте. Моя 19-ти-лѣтняя худенькая жена писала: «Шишмаревъ (адъютантъ) сказалъ, что вы требуете солдатъ съ боевыми патронами; можетъ, есть опасность? Не думайте обо мнѣ, я буду гордиться всю жизнь, что мужъ мой исполнилъ свой долгъ». Иванъ Петровичъ такъ и ахнулъ: такая пичужка и такого геройскаго характера. «Подарите мнѣ это письмо».—Зачѣмъ?—«Я вставлю въ рамку и буду хранить». Послѣ этого, мой Хомутовъ чуть не молился на мою жену.

Для читателя, разрѣшилась исторія новымъ фарсомъ. Но, однако, предположить, что это не была бы Страстная и такой упорный народъ не былъ бы трезвъ, можетъ быть, изъ фарса вышла бы трагедія и сколько было бы несчастныхъ. Эту исторію я докончу.

Наступило время жатвы хлѣба; староста мой увѣдомляетъ меня, что пришли какіе-то люди и просятъ позволенія сжать хлѣбъ. Я поскакалъ въ деревню, оказалось, что это сызранскіе бунтовщики, пришли съ женами и, изъ благодарности за мою добродѣтель, хотятъ сжать хлѣбъ мой. Меня не могло не тронуть такое доброе и честное русское сердце. «Да вѣдь васъ побили, друзья мои?»—«Эхъ, батюшка, что такое что поучили, а какъ бы не ты, такъ и теперь бы маялись въ тюрьмѣ и разворомъ разорились бы; мы за тебя Богу молимся». Жены при этой оказіи всплакнули отъ воображенія, что разорились бы, еслибъ мужья попали въ тюрьму. Отъ этой теплой сердцу взятки я от-

казаться не могъ; гости не позволили даже мять барщинскимъ, въ два дня все сжали. Это было въ селѣ Чамбулѣ, Собакино тожъ, Сенгилеевскаго уѣзда; теперь принадлежитъ Ѳедору Ивановичу Ермолову. Для гостей я приказалъ убить нѣсколькихъ барановъ, быка, напечь пироговъ, по чаркѣ водки и донесъ откровенно шефу.

Вотъ и судите о русскомъ человѣкѣ: онъ, сквозь наказаніе, видитъ доброту. Наказаніе ему ни по чемъ, оно кратковременно, только не отдавай его піявкамъ полицейскимъ и судейскимъ. Наказаніе онъ считаетъ родительскою наукой, а хозяйственное разореніе—нравственная смерть. Есть два способа изучить народъ: одинъ въ кабинетѣ, а другой на практикѣ. Который лучше? Думаю, въ кабинетѣ умнѣе и основательнѣе.

По усмиреніи, написалъ князю Лобанову-Ростовскому, что чуть-чуть не удалось было повидаться мнѣ съ нимъ и описалъ ему коротенько. Онъ очень мило отвѣчалъ: «подготовочка опять удалась! Хватъ, молодецъ, доложу государю» и проч....

Въ концѣ 1840-хъ годовъ, князь ѣхалъ въ Кіевъ, писалъ, что ѣдетъ ко мнѣ въ гости, давно не видались. Кажется, въ Козельцѣ князь умеръ отъ холеры.

Отъ какихъ же безпорядковъ было ослушаніе противъ удѣльныхъ? говорятъ, дымъ безъ огня не бываетъ. Разговаривая съ умными и зажиточными крестьянами, какъ имъ лучше—теперь или прежде? отвѣчали:

— «Теперь не въ примѣръ легче. Бывало, въ годъ разъ наѣдетъ исправникъ, выберешь жирнаго барана, взвалишь на плечи, да и прешь, ажно лобъ не разъ взопрѣетъ; а теперь наѣдутъ эти господа удѣльные, то возьмешь хворостину, да и сгонишь что̀ есть на дворѣ, и легко и скоро. Теперь намъ несравненно легче. Мы скоро и одежонки лишимся какая была».

Обращусь еще къ прекращенію ослушанія въ Сызранскомъ уѣздѣ. Мѣры для усмиренія, по нынѣшнимъ порядкамъ, покажутся жестокими, варварскими. Совершенно согласенъ и не противорѣчу. Попробую прекратить это ослушаніе новѣйшимъ филантропическимъ способомъ. Взбунтовались нѣсколько деревень; уѣздная полиція безсильна. Пріѣхалъ губернаторъ—выгнали. Мѣстной воинской команды почти нѣтъ. Слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ едва ли въѣхалъ бы въ околицу. Черезъ три

дня Пасха—разрѣшеніе на водку. Успѣхъ противъ губернатора и безсиліе власти возбудили бы надежду въ сосѣднихъ уѣздахъ. Неудовольствіе общее, потому что причины однѣ. Ослушаніе превращается въ бунтъ и такъ быстро, какъ пожаръ, въ началѣ незначительный, охватываетъ всю массу, могущую горѣть. Надобно принять въ соображеніе, что удѣльныхъ въ губерніи до 400 тысячъ. Надобны войска, а ближе 400—500 верстъ нѣтъ солдата. Прибывшее войско, безъ сомнѣнія, усмиритъ, но усмиреніе пьяныхъ людей можетъ обойтись не безъ потерь въ людяхъ. Но пока достигнутъ успѣха эти мѣры, волнующійся народъ, наполняя кабаки, не обсѣетъ поля. Положимъ, что усмиреніе произойдетъ безъ потери въ людяхъ, что очень трудно, судя по ожесточенію. Слѣдствіе, что покажетъ слѣдствіе? Всѣ виноваты и виноваты равно, это видно изъ одинаковыхъ отвѣтовъ каждаго на мои вопросы. Всѣхъ нельзя посадить въ тюрьму, всѣхъ судить нельзя—амнистія. Зная русскаго простаго человѣка въ одиночку и въ массѣ, амнистія—прощеніе безъ наказанія—не примиряетъ его ни съ собою, ни съ причиной, произведшей неудовольствіе. Тюрьмы полны, ссылка—семьи разорены окончательно. Разорившійся крестьянинъ не справится въ одно поколѣніе. Неуваженіе и злоба съ горькимъ недовѣріемъ выросли къ своему начальству, которое хотя и прекратитъ причины къ неудовольствію, но недовѣрія изъ сердца не вырвешь. Прибытіе войска, усмиреніе по всей губерніи—пройдутъ мѣсяцы. Слѣдствіе суды протянутъ годъ. Годъ безпокойства, тревоги, пьянства народа, едва ли исправитъ нравы. Еще повторю: разъ разоренный крестьянинъ потерянъ почти навсегда. Я изъ всѣхъ золъ выбиралъ меньшее. Гдѣ родилось неповиновеніе, тамъ усмирено въ два дня. Усмирено главное гнѣздо — покорились всѣ. Что не осталось горечи, ожесточенія, видно изъ добровольной благодарности къ усмирявшему, благодарности, выразившейся въ простой, но искренной русской формѣ. Которая система лучше, варварская или современная филантропическая—не мнѣ рѣшать.

Возвратившись въ Симбирскъ, узнаю, пока я былъ въ Саратовѣ, произошелъ разрывъ между обществомъ и домомъ губернатора. Непріятное извѣстіе, но какая причина? Узнавши болѣзнь, можетъ быть, найдется лекарство.

Расправивъ крылья, я узналъ отъ дамъ—родныхъ моихъ друзей (бываютъ и двоюродные друзья), что всему причиною губернаторша. Она неосторожно сказала, что для нея мелко симбирское общество, что она по рожденію своему Озерова, привыкла быть въ высшемъ аристократическомъ обществѣ. Этого было довольно. Въ симбирскомъ обществѣ, дѣйствительно, было много фамилій, происшедшихъ и носящихъ историческія имена; для симбирскаго общества сочинитель трагедій неважная личность; симбирскіе дворяне считаютъ своими: Карамзина, поэта Языкова, Дмитріева и многихъ другихъ—что̀ для нихъ Озеровъ?

Причина, оскорбившая общество, оказалась важна и глубока. Говорили: если мы низки для нея, то пусть и сидитъ одна на высотѣ, мы безъ нея жили и будемъ жить, и проч., и проч. Въ бунтахъ народа немудрено найтись, а между дамами—подготовки не придумаешь. Вообще впутаться въ исторію между дамъ—все равно, что попасть рукой между дверей, неизбѣжно выйдешь побитымъ. Я осторожно переговорилъ съ Хомутовымъ, онъ смѣясь сказалъ: «Бабьи сплетни! вотъ я дамъ имъ хорошій балъ и помиримся!» Я подумалъ: посмотримъ.

Передъ баломъ Хомутовъ сдѣлалъ визиты, разосланы билеты. Хомутовъ просилъ меня пріѣхать пораньше. Моя жена не выѣзжала по нездоровью.

Домъ прекрасно освѣщенъ, губернаторъ и его супруга разряжены, полный хоръ музыкантовъ, въ отдѣльной комнатѣ накрытъ ужинъ на 70 или 80 приборовъ, прислуги много, все парадно, обдуманно, подъѣздъ иллюминованъ, полиція, жандармы,—все важно, по губернаторски. 10 часовъ, ѣдутъ кареты, засуетились встрѣчать. Кареты проѣхали около дома—мимо. Погодя, ѣдутъ кареты—мимо. Мы ходимъ, разговариваемъ, а кареты то и дѣло ѣдутъ—мимо. Ожиданіе гостей стало непріятнымъ, я попросилъ, чтобы хотя музыканты играли. Музыканты играютъ, а кареты грохочутъ мимо. Минула полночь, хоть бы кто нибудь показался. Губернаторъ не въ духѣ, губернаторша молчитъ; кончилось тѣмъ, что мы трое сѣли за длинный столъ и ужинали одни—парадно! Тѣмъ и кончился балъ, примиреніе не состоялось.

На другой день узнаю, что было нѣсколько вечеровъ въ городѣ; кареты мимо дома губернатора ѣздили пустыя—злая насмѣшка. Разрывъ общества съ губернаторомъ непримиримый.

Много хохотали, когда я рисовалъ ожиданіе гостей, игру музыкантовъ и, наконецъ, парадный ужинъ. Не буду передавать что говорили въ обществѣ .....

Написалъ я къ шефу объ отношеніяхъ общества къ губернатору и о причинѣ, но, искренно любя Хомутова, просилъ, какъ достойнаго, перевести его туда, гдѣ менѣе дворянства. Черезъ годъ онъ былъ переведенъ въ Вятку.

Въ другихъ губерніяхъ дворяне могутъ быть такъ же благородно горды, но такъ дружна и единодушна вся масса общества, какъ общество симбирское, едва ли гдѣ есть.

Пріѣхалъ въ Симбирскъ вице-президентъ удѣловъ, сенаторъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій. Я къ нему. Половина залы чиновниковъ. Только я вошелъ, онъ раздвинулъ толпу и, придворно-дипломатической, почти неслышной походкой, повелъ меня одного въ гостиную, усадилъ меня на софу, а самъ сѣлъ въ кресло. Говорилъ очень много объ услугахъ моихъ удѣлу и такъ хвалилъ меня, что я только кланялся и думалъ скорѣй уйти; когда я откланялся, Перовскій проводилъ меня до прихожей.

Хотя бы я и знаменитость былъ, но такой пріемъ и столько льстивыхъ словъ поселили во мнѣ недовѣріе. Я учредилъ за нимъ надворъ.

Первое впечатлѣніе дѣлаетъ Перовскій непріятное—весьма! При среднемъ ростѣ, сухощавости, движенія вялы, походка дѣланная, продолговатое лицо кажется изношеннымъ, цвѣтъ кожи безъ жизни, съ желтоватымъ отливомъ, выраженіе лица кажется застывшимъ. Глаза, обращенные куда-то, но никогда на человѣка, съ кѣмъ говоритъ,—производятъ полное недовѣріе. Вообще, послѣ разговора съ Перовскимъ, разговора, переполненнаго льстивыхъ похвалъ мнѣ, я вынесъ тяжелое впечатлѣніе, какъ о человѣкѣ недобромъ, и избѣгалъ случая увидать его другой разъ.

Мнѣ кажется, мы съ Перовскимъ имѣли обоюдную антипатію. Забѣгу впередъ. Перовскій—министръ внутреннихъ дѣлъ, а я все тотъ же подполковникъ въ Кіевѣ; ничего общаго между нами не было, какъ у слона съ комаромъ. Я былъ представленъ къ наградѣ двухъ тысячъ рублей ежегодно, пока на службѣ. При представленіи, государь изволилъ спросить о мнѣ: «не изъ жандармовъ-ли?» Бибиковъ отвѣчалъ утвердительно. Государь

изволилъ сказать: «Я его знаю, это прераспорядительный штабъ-офицеръ», и удостоилъ награды. Я Бибикову не разсказывалъ о прежней своей службѣ и онъ былъ удивленъ, что государь изволилъ вспомнить о такой инфузоріи. Возвратясь, Бибиковъ очень интересовался о причинѣ милостиваго вниманія ко мнѣ государя и спросилъ:

— «Почему же вы мнѣ не сказали прежде?»

— Зачѣмъ? Что было, то прошло.

— «А за что ненавидитъ васъ Перовскій?»

— Почему вы такъ думаете?

— «Перовскій вечеромъ сидѣлъ у меня и мы курили сигары у стола; я разсказалъ ему, какъ я былъ удивленъ, когда государь изволилъ вспомнить о васъ. При этомъ я почувствовалъ что столъ задрожалъ, и Перовскій вскрикнулъ: «какъ, такъ при васъ этотъ злодѣй? и вы его терпите!» Я объяснилъ ему, что, напротивъ, я вижу въ васъ скромнаго и очень искренняго офицера. «Ради Бога, не держите его, онъ много надѣлаетъ вамъ непріятностей; послушайтесь меня, удалите этого вреднаго и злаго человѣка». Я смѣялся, но Перовскій въ гнѣвѣ дрожалъ. Пожалуйста, разскажите откровенно, что между вами могло быть?»

Я разсказалъ. Бибиковъ спросилъ: «вы не боитесь Перовскаго?»

— Я никого не боюсь, я горжусь, что удостоился ссоры съ министромъ; еслибъ онъ былъ менѣе противенъ мнѣ, я перешелъ бы къ нему служить, онъ полюбилъ бы меня.

— Отъ чистаго сердца не совѣтую».

Перовскій объѣхалъ во всѣхъ уѣздахъ удѣльныя имѣнія Просьбы крестьянъ выслушивалъ, но не удовлетворялъ, находя чиновниковъ правыми; часто заговаривалъ о мнѣ, а въ городахъ выспрашивалъ у откупщиковъ и купцовъ, какія со мною сношенія. Но, по пословицѣ: «какъ чесноку не ѣлъ, то и не пахнетъ». Петербуржцу мерещилось, что въ провинціи всѣ должны брать взятки.

Перовскій уѣхалъ, я не видался съ нимъ.

Курьеръ: шефъ приказываетъ—сколь можно поспѣшнѣе явиться къ нему. Въ четверо сутокъ я былъ въ штабѣ. Дубельтъ показываетъ мнѣ большой доносъ на меня государю, подписанъ: «министръ двора кн. Волконскій, съ донесенія къ нему Перов-

ского». Прочитавъ, я видѣлъ желчную руку Перовскаго. Резолюція государя:

— «Вызвать Стогова и потребовать объясненія».

Дѣло весьма серьезно—стоять передъ государемъ съ княземъ Волконскимъ. Я набросился на Дубельта, почему не предупредили меня, я взялъ бы съ собою факты для опроверженія. Дубельтъ смѣется и говоритъ: «ты и такъ отгрызешься, мы тебя знаемъ, камчадала». Имъ шутки, а меня не могло не тревожить: не равна борьба подполковника съ вельможами! Помню, я такое чувствовалъ волненіе, что не ложился спать, выпилъ четыре графина холодной воды, и къ утру написалъ отвѣты.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Государь изволилъ жить въ Петергофѣ; долги показались мнѣ часы ожиданія. Движимый справедливостью, императоръ Николай Павловичъ написалъ: «теперь мнѣ дѣло ясно, Стоговъ правъ». Подполковникъ, эта маленькая инфузорія передъ недосягаемою свѣтлостью — получилъ защиту!

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Бываютъ условія въ жизни неизбѣжныя; миновать, можетъ быть, условія связей вельможъ, обоюдныхъ уступокъ—невозможно. Для этихъ связей, уступокъ, мы, маленькіе люди, дѣлаемся необходимою жертвою.

Возвратясь, не успѣлъ я отдохнуть, получаю переводъ въ Саратовъ. Меня не переводъ оскорбилъ, а оскорбило невниманіе, почему не спросили моего согласія, хотя изъ вѣжливости. Я подалъ прошеніе въ отставку. Прошеніе возвращено и Дубельтъ пишетъ: «ты рогожку дерешь, графъ не хочетъ и слышать о твоей отставкѣ, приказалъ спросить: «чего ты хочешь?» —Ничего, въ Саратовъ не поѣду, я вамъ не мальчикъ дался. Тогда высочайшимъ приказомъ назначенъ я въ Кіевъ къ генералъ-губернатору, управлять военною частію. Я—просьбу въ от-

ставку. Получаю просьбу обратно и письмо отъ шефа, написанное брилліантами; пишетъ, что родственникъ его, Бибиковъ, проситъ его выбрать изъ корпуса жандармовъ въ помощь ему штабъ-офицера. Гордясь такою честію для корпуса, шефъ, просматривая списокъ, (будто) всякій разъ останавливался на моей фамиліи; увѣренъ, что это назначеніе разовьетъ мои способности и проч. — мастера писать! Въ заключеніе проситъ принять должность на одинъ годъ и если не понравится, то корпусъ жандармовъ, за мою службу, считаетъ долгомъ предоставить мнѣ избрать мѣсто по желанію.

Я очень хорошо понималъ, что удѣльнымъ необходимо нужно было отдѣлаться отъ меня, житья имъ не было; Перовскому выговоры не нравились, и я—жертва продѣлки Перовскаго чрезъ князя Волконскаго.

Послѣ такого письма, я согласился ѣхать въ Кіевъ, но съ тѣмъ, чтобы утвердили мнѣ двѣ тысячи столовыхъ и дали бы двѣ тысячи на подъемъ—и то и другое исполнили съ первою почтою.

Я закончилъ мою службу въ жандармахъ предсказаніемъ, что въ Симбирской губерніи, по деревнямъ, если не будетъ бунта, то выразится неудовольствіе поджогами; что бы приняли заранѣе мѣры—озлобленіе очень велико.

Черезъ Кіевъ проѣзжалъ чиновникъ III-го отдѣленія и передалъ мнѣ, когда начались поджоги въ Симбирской губерніи по деревнямъ и когда бросили въ огонь исправника и еще кого-то, тогда въ III-мъ отдѣленіи вспомнили обо мнѣ, а архиваріусъ принесъ мое послѣднее сказаніе. Пророчество мое поскорѣй спрятали.

Изъ 40-ка-лѣтней моей службы, 15 лѣтъ въ Кіевѣ была самая непріятная служба. Я пользовался большою властію въ трехъ губерніяхъ. Государь поручалъ мнѣ дѣла лично, помимо генералъ-губернатора, всегда милостиво разговаривалъ со мною. Послѣдній разъ, въ 1850 году, на вопросъ мой о здоровьѣ, императоръ Николай Павловичъ изволилъ спросить:

— «А ты, старый драбантъ (я былъ уже сѣдой), все еще служишь?»

— Устарѣлъ, ваше величество, хочу въ отставку.

— «Погоди, вмѣстѣ пойдемъ».

Отчего непріятна и грустна была служба въ Кіевѣ? быть можетъ, разскажу въ другой разъ.

Э. И. С...овъ.

ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ

ЭРАЗМА СТОГОВА.

VI [1]).

П. Н. Семеновъ и А. П. Бунина.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXIII, напечатанъ: «Митюха Валдайской». Въ примѣчаніи говорится, что авторъ этой пародіи—Петръ Николаевичъ Семеновъ. Семеновы были родными племянниками Анны Петровны и Ивана Петровича Буниныхъ, которыхъ и я звалъ теткой и дядей, а поэтому Семеновы звали меня братомъ. Семеновыхъ было пять братьевъ: Петръ, Николай, Михаилъ, Василій и Александръ Николаевичи; послѣдняго знаю по разсказамъ; онъ, помнится, убитъ подъ Бородинымъ. Объ Александрѣ вспоминали Бунины какъ о талантливомъ: онъ самъ нарисовалъ свой портретъ—весьма похожій. Петра Николаевича я видалъ то у А. П. Буниной, то у И. П. Бунина. П. Н. Семеновъ всегда былъ щегольски одѣтъ въ форму оберъ-офицера; былъ очень красивый мужчина, роста вершковъ девяти; черные, очень густые, кудрявые волосы, довольно широкое, съ тонкими чертами, энергическое, подвижное лицо съ острымъ носомъ, замѣчательно широкая грудь, мускулистый, правильно сложенный—наружность богатыря-красавца, пріятный голосъ, говорилъ очень скоро, будто торопился. Онъ старшій братъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 301—316; 616—632. Томъ XXIII, стр. 99—117; 499—530; 631—704.

Оперетка «Удача отъ неудачи, или приключеніе въ жидовской корчмѣ» была написана, должно быть, около 1816 года, а на сцену поставлена 1818 года, если не ошибаюсь, на святкахъ. Эту оперетку я видѣлъ въ рукописи у А. П. Буниной, еще гардемариномъ, а въ театрѣ, въ ложѣ съ теткой, смотрѣлъ первое представленіе уже офицеромъ. Помню, весь театръ хохоталъ, когда жидъ, одѣтый по домашнему въ чулкахъ и башмакахъ, на аванъ-сценѣ, со всѣми характерными ужимками хитраго еврея, перепрыгивалъ съ одной стороны стоявшаго спокойно господина на другую и пѣлъ: „Спію пану писню-ладзирду, шинцеркраверъ, мицерби, шини мине канцеръ ми. Спію и станцую, ладзирду и проч.». Не объясню, какъ могла оживить память слова, совершенно для меня непонятныя! Минуло 60 лѣтъ, я, вѣроятно, ни разу не вспомнилъ оперетку: «Жидовская корчма», какъ тогда называли ее; должно быть, теперь трудно, если и можно найти эту шутку, но мнѣ припомнилось безъ моей воли! П. Н. Семеновъ много писалъ, часто читалъ теткѣ, а у дяди нѣсколько разъ призывалъ пѣвчихъ, разучивали и пѣли: кантаты, торжественные гимны, пѣсни шутливыя, застольныя—нѣсколько разъ случалось мнѣ слушать. Помню, тетка часто хвалила, но разъ сказала: «Петруша, брось, это неприлично». Петръ Николаевичъ казался мнѣ очень солиднымъ по сравненію съ братьями; говорили, что онъ былъ въ милости цесаревича Константина Павловича.

Второй братъ Николай и третій Михаилъ служили въ Измайловскомъ полку; съ этими я часто видѣлся; бывало, гвардейцы частенько смѣялись надъ морякомъ-гардемариномъ, частенько подхватывали классныя мои выраженія, но тетка всегда защищала меня. Помню, я сказалъ: можно постепенно пріобрѣсти остойчивость характера. Гвардейцы разразились хохотомъ надъ постепенною остойчивостію. Тетка принялась доказывать разумность и правильность выраженія идеи и довела до того, что гвардейцы и не рады были; она ловко и кстати пожелала имъ постараться пріобрѣсти постепенно остойчивость характера. Николай и Михаилъ жили въ одномъ домѣ съ дядей; Семеновы были тамбовскіе помѣщики, получали изъ дома содержанія до 30-ти тысячъ, но никогда не было у нихъ денегъ—долги и все въ долгъ. Разъ, я пріѣхалъ изъ Кронштадта, привезъ скопленныхъ послѣ похода во Францію сто рублей. Узнали Семеновы,

обрадовались, отняли деньги, сшили мнѣ, что я желалъ, рублей на 150, да подарили духовъ, помады, дорогаго курительнаго табаку: взяли все въ долгъ, деньги имъ были дороги. Николай въ послѣдствіи былъ губернаторомъ въ Вяткѣ. Слышалъ, что, года три, четыре тому назадъ, онъ умеръ въ Кіевѣ. Михаилъ пустился въ спекуляціи не по силамъ и умеръ. Василій, мой ровестникъ, воспитывался въ Царскосельскомъ лицеѣ; въ праздники, мы бывали съ нимъ вмѣстѣ у тетки Буниной. Помню огромную разницу между нами: я спеціалистъ, а онъ энциклопедистъ по наукамъ! я казался неучемъ передъ Васей! его мягкія манеры, его готовность участвовать въ разговорѣ были моею завистью. Онъ былъ истинно благовоспитанный баричъ, я—неловкій матросъ. Никогда не забуду, что я обязанъ Васѣ: учебною славой въ корпусѣ. Тогда появилась метода отвѣчать урокъ своими словами, а не по книгѣ; въ лицеѣ уже введена была эта манера, а въ корпусѣ нѣтъ еще. Кажется, не большая мудрость, но я не могъ исполнить, пока Василій не далъ мнѣ три урока. Явилось и въ корпусъ это требованіе. Помню, Марко Филипычъ Горковенко потребовалъ эту мудрость; никто не исполнилъ; дошла очередь до меня—я отличился. По возвращеніи изъ Камчатки, я часто бывалъ у Василія; въ 1833 году онъ былъ ценсоромъ. Очень любилъ я этого умнаго, благороднаго и добраго человѣка. Умеръ Василій не очень давно, тайнымъ совѣтникомъ.

Анна Петровна Бунина—десятая муза, какъ тогда ее звали, жила весьма скромно, кажется, только пенсіями отъ всѣхъ особъ царствующаго дома. Она была небольшаго роста, немного продолговатое лицо, черные волосы, но лицо бѣлое съ прекраснымъ румянцемъ, очень живые, блестящіе глаза, движенія граціозны—была замѣчательно хорошенькою. Можетъ быть, некому уже разсказать, да не всякій и тогда зналъ, какъ сдѣлалась дѣвица Бунина поэтомъ? не много и я знаю. Бунина занимаетъ хотя маленькое мѣсто въ исторіи русской литературы, но всетаки она изъ первыхъ русскихъ дѣвицъ—поэтесса. Изъ довольно богатой тамбовской фамиліи, А. П. Бунина осталась бѣдною сиротой. Кто привезъ ее въ Петербургъ—не знаю, не знаю какая связь была съ Ахвердовымъ. Генералъ Ахвердовъ назывался кавале-

ромъ вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны и былъ учителемъ математики великихъ князей; онъ жилъ въ Михайловскомъ замкѣ, занималъ весь нижній этажъ. Сирота-дѣвица Бунина почему-то жила въ семействѣ Ахвердова. Однажды генералъ посовѣтовалъ сироткѣ написать просительное письмо къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Бунина пріютилась у широкаго подоконника и два дня сочиняла письмо. Ахвердовъ взглянулъ и удивился, что, вмѣсто письма, сиротка пишетъ стихи. Добрый и ласковый генералъ сказалъ, что онъ совѣтовалъ написать письмо. Анна Петровна наивно отвѣчала, что это письмо она пробовала писать, но такъ ей легче. Ахвердовъ, прочитавъ, совѣтовалъ окончить и переписать. Это письмо стихами доставило Буниной 500 рублей пенсіи. Черезъ Ахвердова поднесены стихи государю—Буниной 500 р. пенсіи. Оду в. к. Константину Павловичу—Буниной 500 р. пенсіи. Отъ кого еще пенсіи—не помню. Этотъ успѣхъ ободрилъ Бунину къ стихотворству. Тетка подарила мнѣ свое полное изданіе; конечно, я читалъ, но, при всемъ моемъ благоговѣніи къ моей благодѣтельницѣ, теперь не сталъ бы читать ея сочиненій. Могу засвидѣтельствовать, что она не переставала учиться. Русской словесности училъ ее мой корпусный учитель Г р о з д о в ъ; училась англійскому языку. Сочиняла стихи съ большимъ трудомъ. Говорила она прекрасно, почти всегда господствовала въ гостиной и за обѣдомъ. Анна Петровна изрѣдка представлялась ко двору; къ тоалету ея не допускались племянники, гвардейцы, я одинъ имѣлъ дозволеніе прислуживать. Помню, разъ, видя, что тетка бѣлится и румянится, я въ простотѣ замѣтилъ:

— Вы, тетенька, такая хорошенькая, бѣленькая и румяная, для чего же вы бѣлитесь и румянитесь?

Она отвѣчала мнѣ: «глупенькой, это этикетъ двора, я могу сконфузиться, поблѣднѣть или покраснѣть, тѣмъ могу обезпокоить царскихъ особъ, а набѣлившись—я не измѣнюсь въ лицѣ».

Анна Петровна Бунина была любимою гостьей въ высшей аристократіи Петербурга. Въ тѣ дома, въ которыхъ я бывалъ часто съ теткою, гардемариномъ и офицеромъ, и былъ какъ свой въ семействахъ, возвратясь изъ Камчатки штабъ-офицеромъ, но безъ тетки, я не попалъ и въ прихожую. А. П. Бунина въ послѣдствіи страдала какою-то нервною болѣзнью въ рукѣ, по милости императрицы, объѣздила всѣ столицы Европы, но облег-

ченія болѣзни не нашла. Мнѣ разсказывали, что она избавлялась мучительной боли въ присутствіи извѣстной Татариновой и будто чувствовала приближеніе внѣ дома этой сектантки.

Въ первой четверти столѣтія, всему высшему кругу Петербурга былъ извѣстенъ неистощимый весельчакъ Иванъ Петровичъ Бунинъ; онъ былъ старшій братъ десятой музы. На службѣ былъ лейтенантъ и постоянный адъютантъ адмирала Ханыкова, холостякъ, умный, хорошо образованный, очень добрый; веселонравіе его не имѣло границъ, изобрѣтательность въ разнообразіи удовольствій была безконечна, гдѣ веселье—тамъ онъ необходимый режиссеръ. Онъ былъ хорошаго роста, вершковъ восьми, хорошаго здоровья, брюнетъ, всегда готовый на доброе дѣло, и неустанный создатель и участникъ удовольствій, но постоянный врагъ своимъ деньгамъ. Всегда числился гдѣ-то на службѣ, знаю только, что однажды онъ былъ инспекторомъ колонистовъ подъ Петербургомъ; и тутъ было не безъ фарса: онъ свободно говорилъ на ихъ языкѣ и дѣлалъ для нихъ балы. Онъ отличался особенными свойствами, до глубокой старости сохранились у него необыкновенно густые волосы на головѣ; по особенному устройству кожи на черепѣ, она свободно двигалась, такъ что, дернувши за волосы въ одномъ мѣстѣ, всѣ волосы поднимались въ эту сторону. Онъ могъ свободно шевелить ушами. Очень пріятно пѣлъ, красиво танцовалъ, былъ щеголь, немного музыкантъ. Былъ любимецъ дамъ, которымъ онъ умѣлъ нравиться; въ обществѣ мужчинъ, окружающихъ его, всегда былъ общій смѣхъ. Кронштадтскій клубъ и до сего времени, въ годовщину клуба, пьетъ за здоровье учредителя клуба Ивана Петровича Бунина. Я не помню случая, чтобы онъ отказалъ кому либо въ своемъ ходатайствѣ. Бывало, удастся занять денегъ, сейчасъ устраиваетъ у себя званый вечеръ. Не такъ давно, я видѣлъ сохранившійся у меня пригласительный его билетъ: «Кумъ свахи Аполлона Иванъ Бунинъ покорнѣйше проситъ», и проч. На его вечерахъ много бывало дамъ изъ высшаго круга, а хозяйкой была сестра его. Вечеръ открывался своеобразнымъ концертомъ. Намъ, племянникамъ, раздавались музыкальные инструменты и каждому тотъ инструментъ, на которомъ не умѣетъ играть, мнѣ доставались тарелки. Бунинъ зналъ по нѣсколько пѣсенъ на всѣхъ

языкахъ, какъ на европейскихъ, такъ и на азіатскихъ; самъ садился за фортепіано и пѣлъ турецкую пѣсню; по данному имъ знаку, мы усердно ударяли въ инструменты—вѣроятно, эта какофонія походила на турецкую музыку. За турецкими, слѣдовали персидскія, цыганскія—хохота было много. Бунинъ пѣлъ чувствительныя нѣмецкія пѣсни, веселыя и шаловливыя французскія и очень натурально представлялъ поющаго пьянаго англичанина. Дамы уходили въ другую комнату—для мужчинъ пѣлъ скоромные куплеты съ гримасами, ужимками, съ речитативомъ, мужчины хохотали, дамы смѣялись и будто не слыхали. Были небольшіе танцы. Подсѣлъ Бунинъ къ хорошенькой дамѣ, я стоялъ за стуломъ и слушалъ любезности его; дама безпрестанно обмахивала свою голову: оказалось, Бунинъ очень вѣрно подражалъ мухѣ, запутавшейся въ ея волосахъ. Бунинъ былъ неутомимъ, неистощимъ, все было прилично и всѣ были веселы. Тогда явилась новая игра—въ синонимы и омонимы; одинъ уходитъ въ другую комнату, кругъ общества назначаетъ синонимъ; призванный имѣетъ право сдѣлать каждому въ кругѣ три вопроса и отгадать заданное слово; на комъ отгадано, тотъ выходилъ. Помню, досталась мнѣ задача «валъ». Помню, какъ боялась тетка, что я осрамлюсь, не угадаю, но я отгадалъ по второму вопросу и тетка была довольна. Не отгадать было стыдно, казалось тупоуміемъ. Вечера Бунина были рѣдки, но всегда веселы по разнообразію удовольствій. Случалось мнѣ слышать разсказъ Бунина, какъ веселились наканунѣ у Нарышкина; не помню, кого-то хоронили въ снѣгу. Бунинъ, уставщикъ похоронъ, всѣхъ костюмировалъ и учреждалъ кортежъ; Нарышкинъ былъ попомъ, кто-то дьякономъ, пѣвчіе. Опьянѣвшаго до безчувствія несли на простынѣ, со свѣчами, съ пѣніемъ—всѣ серьезные, и хоронили въ сугробѣ снѣга. Въ то время, подобная потѣха часто практиковалась по деревнямъ у разгулявшихся помѣщиковъ.

Извѣстно мнѣ устроенное Бунинымъ тайное общество «кавалеровъ пробки». Всѣ члены, въ своемъ собраніи, имѣли въ петлицѣ сюртука пробку. Однажды было засѣданіе тайнаго общества въ Петергофѣ. Не бывши членомъ общества, я былъ приглашенъ обѣдать. За обѣдъ садились между дамъ мужчины, пѣли хоромъ пѣсню, кажется, сочиненную Бунинымъ: «Поклонись сосѣдъ сосѣду, сосѣдъ любитъ пить вино. Обними сосѣдъ сосѣда, сосѣдъ любитъ

пить вино. Поцѣлуй сосѣдъ сосѣда, сосѣдъ любитъ пить вино». Послѣ каждаго пѣнія—исполнялось точно по уставу. Бунинъ былъ гроссъ-мейстеръ. Думаю, что такое тайное общество запрещено правительствомъ не было.

Вспоминаю ходившій тогда анекдотъ, мнѣ его не случилось читать въ печати. Александръ I выразилъ желаніе Нарышкину—имѣть попугая. Нарышкинъ поднесъ отличнаго своего сѣраго попугая. Къ Пасхѣ дѣлаются представленія къ наградамъ, государь приказалъ прочитать списокъ; читавшій только сказалъ: статскій совѣтникъ Гавриковъ, попугай закричалъ: «Гаврикову пуншу, Гаврикову пуншу!» Государь приказалъ отложить награду Гаврикову до справки: можетъ быть, это какой нибудь пьяница. Оказалось, Гавриковъ принадлежалъ къ веселой, но благородной партіи Нарышкина, и всякій разъ, какъ входилъ Гавриковъ, Нарышкинъ кричалъ: «Гаврикову пуншу!» Попугай заучилъ фразу и повторялъ при имени Гаврикова. (См. разсказъ объ этомъ-же въ концѣ книги).

Анна Петровна Бунина привезла меня въ Петербургъ, брала по праздникамъ изъ корпуса, ласкала меня, возила съ собою въ высшее общество и тѣмъ хотѣла усвоить дикому мальчику общественныя приличія. Иванъ Петровичъ Бунинъ опредѣлилъ меня въ корпусъ, тоже бралъ къ себѣ по праздникамъ; его ходатайство доставило мнѣ возможность попасть въ Камчатку—оба благодѣтельствовали мнѣ. Съ Иваномъ Петровичемъ я постоянно переписывался, высылалъ къ нему соболей, просилъ его продать, а деньги класть въ банкъ. По его извѣстіямъ, денегъ моихъ накопилось въ банкѣ двадцать тысячъ рублей ассигнаціи. Лѣтъ 60-ти Бунинъ женился. Когда, черезъ 15 лѣтъ, я возвратился изъ Сибири, Анна Петровна уже скончалась. Бунина нашелъ старикомъ, безъ должности; жена его умерла, оставивъ четырехъ дочекъ-малютокъ. Чѣмъ жилъ Бунинъ—не знаю. Нашелъ его на Васильевскомъ островѣ, въ дворѣ, во второмъ этажѣ—кажется, обживалъ новопостроенный домъ; обстановка очень бѣдна. Бунинъ читалъ библію и священныя книги. Мнѣ нужно было экипироваться, я спросилъ мои деньги. Иванъ Петровичъ вышелъ въ другую комнату, вывелъ своихъ малютокъ и вмѣстѣ съ ними сталъ на колѣни, заплакалъ и сказалъ: «другъ сердечный, крайняя нужда заставила меня издержать твои деньги. Дѣлай что хочешь». Я ни слова не сказалъ, заплакалъ и ушелъ. Послѣ этого, я не упомянулъ о своихъ деньгахъ. Бунинъ очень долго жилъ.

VII.

Памятный день въ Иркутскѣ

въ 1832 году.

Хорошъ домъ начальника адмиралтейства въ Иркутскѣ! онъ находится къ востоку отъ города, версты полторы отъ послѣднихъ домовъ, въ прекрасной, ровной долинѣ. Домъ большой, со всѣми службами, даже баня, прачешная,—настоящее барское помѣстье; при домѣ къ югу большой тѣнистый садъ, который обмываетъ быстрая рѣка Ида, прозванная народомъ Ушаковка. Ида впадаетъ въ Ангару, почти въ концѣ города, ниже по теченію. Къ сѣверу отъ дома, въ верстѣ, протекаетъ ручей подъ именемъ рѣчка Саражанка; она течетъ отъ востока, какъ и Ида, параллельно одна другой. За Саражанкой поднимается гора; изъ крупно-зернистаго песчанника этой горы дѣлаютъ памятники на могилы. Гора высотою футъ 300, 350; поднявшись на гору—сначала густой кустарникъ, далѣе лѣсъ, а далѣе гора на горѣ, лѣсъ на лѣсѣ. Въ 1832-мъ году, въ половинѣ іюля, мнѣ захотѣлось посмотрѣть Каштакъ—мѣстность, о красотѣ которой много разсказывали. Въ какой-то маленькій праздникъ, рано, на моемъ бѣлорожденномъ арабскомъ конѣ (о немъ разскажу, если не забуду), я отправился смотрѣть Каштакъ. На домѣ флагштокъ, на которомъ поднимался флагъ когда хозяинъ бывалъ дома и спускался по выѣздѣ. Дорога шла близь лѣваго берега Саражанки, противъ теченія. Версты четыре далѣе Саражанка круто поворачиваетъ къ сѣверу въ узкую долину между горами, покрытыми лѣсомъ; еще верста—и долина перегораживается лѣсистою горою, соединяющеюся плотно съ горами боковъ долины. Изъ двухъ горъ долины, близь соединенія съ поперечною, изъ средины ихъ, на ровной высотѣ, бьютъ два каскада: вотъ они-то и произвели рѣчку Саражанку. Мѣстность дѣйствительно красива; подобную картину можетъ создать только фантазія живописца. Лѣвая гора этой долины есть та гора, гдѣ дѣлаются памятники; тутъ я нашелъ пять женщинъ, лопатами нагребающихъ въ мѣшки изъ подошвы горы крупную дресву. Цвѣтъ дресвы мнѣ показался одинаковъ съ камнями для памятниковъ. Для меня, неуча, по-

казалось удивительнымъ, какъ это въ одной и той же горѣ твердый камень и разсыпчатая дресва—по виду однородны, камень обдѣлываютъ, а дресву берутъ лопатою. Взялъ я дресвы въ платокъ и поѣхалъ по долинѣ Иды. Возвращаясь домой къ обѣду, встрѣчаю частнаго пристава.

— Куда вы?

— Да вотъ на Каштакъ.

— Зачѣмъ?

— Дали знать, что тамъ убили двухъ женщинъ.

— Я рано тамъ былъ и видѣлъ пять женщинъ, онѣ нагребали дресву.

— Три ушли, а оставшихся двухъ убили; трехъ я уже спрашивалъ.

— Кто же убилъ бѣдныхъ женщинъ?

— Бѣглые варнаки, кому же больше.

— Убійцъ не найдете?

— Гдѣ найти, да мы и не ищемъ.

— Такъ зачѣмъ же ѣдете?

— Послалъ за понятыми, чтобы поднять тѣла. Здѣсь, сударь, это не рѣдкость.

Простились. Пообѣдавъ, я пошелъ къ горѣ, гдѣ выдѣлываютъ памятники, чтобы сравнить дресву съ камнемъ. Со мною былъ годовой лягавый щенокъ Любимъ.

На горѣ, смявъ дресву въ комокъ и положивъ на камень, я не могъ отличить ее ни по цвѣту, ни по видимому составу. Недоумѣніе мое разрѣшилъ тѣмъ, что гора, гдѣ добывается камень, обращена стороной къ югу и просохла, а та же гора, имѣя бокъ къ сѣверо-востоку и затѣненная другими горами, сыра и не окрѣпла. Этимъ я былъ удовлетворенъ и, помню, умничалъ, что эта гора—относительно-недавняя работа геологическаго процесса. Разсуждая, я поднялся на гору и хотѣлъ идти далѣе, прослѣдить образованіе или фигуру горы. Недалеко отошелъ между кустами, какъ мой Любимъ началъ на приступъ озлобленно лаять и бросаться на кустъ. Предполагая, что въ кустѣ гнѣздо куропатки или какой нибудь звѣрекъ, я сказалъ: «возьми!» Смотрю, кустъ зашевелился, въ кустъ всталъ вольнопропитанный. Онъ имѣлъ домишко верстахъ въ двухъ подъ этой горой, имѣлъ жену и полдюжины дѣтей, былъ хорошій слесарь, постоянно работалъ на адмиралтейство; начальъ-

ники покровительствовали ему, зная его бѣдность. Слесарь всталъ въ кустѣ, у него на веревкѣ черезъ плечо лукошко. Всталъ и, протирая глаза, говоритъ:

— Ну, ваше высок-діе, собачка ваша хоть мертваго разбудитъ.

— Ты что тутъ дѣлаешь?

— Да вотъ, ходилъ за грибками, не угодно ли, сударь, грибковъ?

Самъ двигается ко мнѣ. Я взглянулъ на него внимательно и вижу — въ глазахъ радужные цвѣта. Я уже освоился съ этимъ народомъ. Я отступилъ шагъ и сказалъ строго: «пошелъ прочь!» а самъ въ карманъ за пистолетъ. Онъ продолжалъ какъ бы невольно двигаться и, показывая грибы, уговариваетъ взять ихъ. Солнце свѣтило мнѣ сзади, при наклоненіи лукошка, мнѣ блеснулъ ножъ во весь діаметръ. Лѣвою рукой держалъ лукошко, а правою рукой держался за рукоятку ножа. Я еще отступилъ шагъ и, вынувъ двухствольный пистолетъ, взвелъ курки и нацѣлилъ въ него. Онъ, какъ-то судорожно, тихо двигаясь, повторялъ: «да возьмите, возьмите!» Я крикнулъ ему: стой! и побожился — еще шагъ, и выстрѣлю. Остановился. Подъ пистолетомъ прогналъ его въ лѣсъ. Но я въ лѣсъ не пошелъ, а съ грустной мыслію пошелъ по краю горы къ городу. Дѣйствительно, было о чемъ задуматься: человѣкъ существовалъ моимъ благодѣяніемъ, а еслибъ не Любимъ, то убилъ бы меня. Пройдя версты полторы, я дошелъ до стариннаго кладбища и сѣлъ на памятникъ. Видъ превосходный: весь Иркутскъ видѣнъ съ птичьяго полета, за нимъ широкая Ангара, устье Иркута—великолѣпная картина! Собака бѣгаетъ подъ горой и ищетъ мышей. На кладбищѣ растутъ рѣдкія, но толстыя березы. Мелькнуло что-то отъ березы къ березѣ. Наблюдая, я увидѣлъ, что, перебѣгая отъ березы къ березѣ, подкрадывается ко мнѣ сзади тотъ же вольнопропитанный. Тогда я всталъ, съ пистолетомъ пошелъ прямо къ нему и подъ пистолетомъ проводилъ его до его дома. Вольнопропитанный, сердито ворча себѣ подъ носъ, повиновался. Вышла жена его, я приказалъ уложить его спать и запереть.

Еще рано возвратясь домой,—въ эти часы, по условію, я ѣздилъ верхомъ мимо оконъ одного дома, что будто понималъ и конь мой: убавляя шагъ, смотрѣлъ на окна и точно кланялся мотая головою. Чтобы отвлечь вниманіе, я объѣзжалъ нѣсколько улицъ. Проѣзжая мимо кабака, изъ котораго выходили посѣти-

тели, я видѣлъ выходящаго хорошо одѣтаго крестьянина и двухъ, трехъ каторжныхъ въ кандалахъ; одинъ каторжный уже на крыльцѣ попросилъ у крестьянина подаянія. Я видѣлъ, какъ крестьянинъ вынулъ изъ-за пазухи мѣшечекъ съ деньгами и подалъ каторжному монету (оказался пятакъ); какъ только подавшій повернулся, каторжный ударилъ его ножомъ въ спину, крестьянинъ упалъ, а убійца сказалъ: «подлецъ, скряга, не могъ подать болѣе». Я былъ въ пяти шагахъ отъ убійства, далъ шпоры лошади.

Возвратясь домой часовъ въ семь, вспомнилъ, что я званъ на чай къ Нараевскимъ. На дрожкахъ доѣхалъ до широкой улицы, дрожки отпустилъ и пошелъ по лѣвой сторонѣ по тротуару. По правой сторонѣ улицы, по тротуару, по одному направленію со мною, шла какая-то мѣщаночка, нарядная дѣвушка, вѣроятно, въ гости. По правой же сторонѣ по тротуару, на встрѣчу дѣвушкѣ, шелъ унтеръ, рослый молодчина, шелъ щегольской походкой—съ вывертомъ. Встрѣтясь съ дѣвушкой, онъ быстро обнялъ ее и поцѣловалъ. Слышалъ какой-то вскрикъ и за этимъ унтеръ положилъ дѣвушку на тротуаръ, повернулъ назадъ и пошелъ такъ же бодро. Перейдя улицу, я подошелъ къ лежащей дѣвушкѣ—она была мертва! Слѣдя за унтеромъ, я видѣлъ, какъ онъ прошелъ на гауптвахту. Я пошелъ къ генералъ-губернатору Александру Степановичу Лавинскому и разсказалъ ему что видѣлъ. Лавинскій весьма серьезное обратилъ вниманіе, и сказалъ:

— Тутъ что-то непонятное, вотъ уже нѣсколько случаевъ, что солдаты безъ видимой причины дѣлаютъ убійства! Я уже обратилъ на это вниманіе, а этотъ случай утверждаетъ меня, что есть какая-то непонятная причина, по которой солдаты убиваютъ безъ всякаго повода. Я назначу тебя презусомъ и ты добейся, открой, что тутъ кроется.

— Я всепокорнѣйше просилъ бы ваше высокопр—во уволить меня, не мѣшать съ армейскими офицерами, изъ нихъ я не знаю ни одного; а, если угодно вамъ, дозволить мнѣ нравственно руководствовать слѣдствіемъ безъ формальнаго назначенія.

Лавинскій согласился.

Оказалось: дѣвушка убита большимъ ножомъ въ сердце. Ей было 17—18 лѣтъ, хорошенькая, небѣдныхъ родителей; шла въ гости къ роднымъ.

Я назвалъ день памятнымъ; да, четыре убійства почти на мо-

ихъ глазахъ и пятаго чуть самъ не былъ жертвою—и это въ губернскомъ, главномъ городѣ генералъ-губернаторства!

Хотя я и былъ обстрѣлянъ жизнію среди каторжныхъ и былъ 12 лѣтъ презусомъ военнаго суда, но и на меня этотъ рядъ убійствъ одного дня сдѣлалъ впечатлѣніе, особенно послѣ разговора съ Лавинскимъ. Я рѣшился открыть причину непонятныхъ убійствъ солдатами.

На другой день приказалъ привести къ себѣ вольнопропитаннаго слесаря. Какъ увидалъ меня, повалился въ ноги и крестясь сказалъ:

— Такъ ты, отецъ, живъ? слава Богу, а я думалъ, что убилъ тебя!

— За что же ты хотѣлъ убить меня?

— Батюшка, кормилецъ, за что мнѣ убивать тебя? мои дѣти живутъ твоею милостію! я скажу тебѣ правду, а ты суди какъ хочешь.

Вотъ приблизительный его разсказъ: «два дня мнѣ недомогалось, голова какъ не своя, отъ пищи и сна отсталъ. Тоска смертельная, не смотрѣлъ бы на свѣтъ Божій, въ глазахъ все красно; тоска—и мѣста не найду, разумъ отшибло, какъ будто кто шепчетъ: а ты убей кого нибудь и будешь здоровъ! Задумалъ я, какъ полуумный, пойти въ лѣсъ, можетъ—кого встрѣчу, а тамъ и не знаю что-бы я сдѣлалъ? Ходилъ я долго по лѣсу, никого не встрѣтилъ, вернулся: вижу, идетъ человѣкъ, я и спрятался въ кустъ; на умѣ было, какъ пройдетъ мимо, то я нападу на него. Собака ваша почуяла меня и начала лаять; вижу, что мнѣ не скрыться, я всталъ и теперь едва помню, что это были вы: у меня въ то время не было ни разума, ни памяти. Сегодня проснулся въ памяти—какъ во снѣ припоминаю, что я хотѣлъ убить васъ, моего благодѣтеля, и думалось ужъ не убилъ ли я васъ?»

Разсказъ надобно признать искреннимъ, мнѣ не первый подобный разсказъ случилось слышать. Въ первомъ очеркѣ изъ моихъ воспоминаній о каторжныхъ, я записалъ разсказъ Медянцева, подобный этому. Я убѣжденъ, что многіе изъ каторжныхъ страдаютъ болѣе или менѣе этою болѣзнію, я опредѣляю ее сильнымъ припадкомъ истерики. Можетъ быть, я ошибаюсь, но, впрочемъ, это и не мое дѣло, а физіолога.

Отдать подъ судъ этого вольнопропитаннаго: по наказаніи,

онъ поступилъ бы въ рудники, пропали бы его дѣти; я приказалъ дать ему 300 розогъ и тѣмъ окончилъ.

До приступа къ дѣлу объ убійствѣ дѣвушки унтеръ-офицеромъ я пересмотрѣлъ нѣсколько военно-судныхъ подобныхъ дѣлъ и не нашелъ ничего. Одно и то же: «виноватъ, лукавый попуталъ». Наказанъ кнутомъ и въ каторжную работу. Я понялъ—форменными вопросами: какъ зовутъ? сколько лѣтъ? какого вѣроисповѣданія? и проч. ничего не откроешь. Приказалъ унтера привести къ себѣ въ адмиралтейство. Молодчина, вершковъ 9-ти роста, отлично сложенъ и выправленъ, волосы темные, но лицо бѣло, большіе голубые, спокойные глаза, голосъ мягкій—вообще на видъ человѣкъ добрый. Унтеръ изъ гвардіи, помнится, семеновецъ. Грамотенъ, холостъ, подъ 40 лѣтъ.

Отбросивъ манеру начальника, я говорилъ съ нимъ наединѣ какъ посторонній человѣкъ, да онъ и не видалъ во мнѣ прямаго начальника, я для него былъ морякъ. Послѣ нѣсколькихъ постороннихъ разговоровъ:

— Я видѣлъ какъ ты убилъ дѣвушку.

— Значитъ, это вы изволили идти по другой сторонѣ улицы?

— Я.—За что ты убилъ ее?

— Такъ, лукавый попуталъ!

— Ты прежде зналъ эту дѣвушку?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— И теперь не знаешь кто она?

— Не знаю-съ, видно ея судьба такая!

— Какъ же убить не зная человѣка, да еще дѣвушку?

— Такъ случилось, ваше высокоблагородіе.

— Я видѣлъ, ты ее не грабилъ.

— Помилуйте, мы къ этому неспособны.

— А убійство хуже грабежа!

— Оно, дѣйствительно—великій грѣхъ! лукавый попуталъ!

— Я вижу, ты человѣкъ умный; знаешь отвѣтственность?

— Какъ не знать, отвѣтъ по законамъ!

— Ты будешь лишенъ чести, наказанъ кнутомъ и въ каторгу.

— Что дѣлать, видно такъ опредѣлилъ Богъ!

Бился я съ нимъ часа три, вертѣлъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, унтеръ совершенно спокойно отвѣчалъ одно и то же. Приказалъ хорошо накормить его и отпустилъ. На другой день, та же

исторія: разнообразные вопросы унтеру и его спокойные, но осторожные отвѣты. Накормить и отпустить. На третій—день та же исторія: мое терпѣніе и его осторожность. На четвертый день, послѣ долгихъ разговоровъ и изворотливыхъ вопросовъ, унтеръ улыбнулся и спросилъ меня:

— Да что̀ хочется знать вашему высок—дію? я вижу, что вы чего-то допытываетесь.

— Я вижу, что ты убилъ незнакомую дѣвушку безъ всякой причины, но безъ причины ничто не дѣлается на свѣтѣ; вотъ эту причину я и хочу знать, такъ, изъ любопытства.

— Я вамъ и объясняю: такъ, лукавый попуталъ. А что убилъ дѣвушку, то потому, что она встрѣтилась; встрѣться другой кто, то другаго бы убилъ.

— Значитъ, ты шелъ рѣшившись сдѣлать убійство?

— Точно такъ-съ.

— Вотъ это-то, твое рѣшительное намѣреніе, ты и объясни мнѣ, оно-то и любопытно для меня.

Унтеръ спокойно засмѣялся и сказалъ:

— Баринъ вы добрый и умный, какъ же вы сами не догадаетесь? Сравните жизнь солдата съ каторжнымъ: каторжный одѣтъ въ полушубкѣ, въ теплыхъ штанахъ, въ теплой шапкѣ, въ большихъ и длинныхъ сапогахъ и рукавицахъ, у него лопата и топоръ. Я стою на караулѣ при работѣ каторжныхъ: на мнѣ шинель вѣтромъ подбита, киверъ, ноги зябнутъ, переступаю съ ноги на ногу, въ рукахъ ружье—коченѣютъ руки. Каторжный придетъ въ казарму, ему даютъ горячіе щи, часто съ мясомъ или съ рыбой, ѣстъ кашу; поѣвши—ложится спать на тюфякъ, у него подушка и одѣяло. Я прихожу въ казарму—дадутъ постныхъ щей и хлѣба, да не ложусь спать, долженъ вычистить ружье, тесакъ и пуговицы, а ложусь на голыя нары, подъ голову либо суму, либо кулакъ, да покроюсь тою же шинелью. Ну и сравните, чья жизнь лучше: честнаго солдата или каторжнаго? [1]) На счетъ чести солдатъ и останется вѣкъ солдатомъ. Дадутъ отставку когда уже зубовъ не будетъ, и ходитъ по-міру, пока таскаютъ ноги [2]). Отъ наказанія кнутомъ не умираютъ. Вытерпѣть наказаніе разъ, за то спокойная и довольная жизнь.

[1]) Разсказъ относится къ 1832 г., теперь благодать Господня для русскаго солдата. Авт.

Поговоривъ еще немного, я былъ очень доволенъ открытіемъ. Унтеру—хорошій обѣдъ со стаканомъ водки, а самъ къ генералъ-губернатору и все разсказалъ ему. Лавинскій тотчасъ повѣрилъ разсказъ унтера; казацкій офицеръ полетѣлъ курьеромъ къ государю съ донесеніемъ. Унтера я болѣе не видалъ.

Лавинскій разсказывалъ мнѣ—пишутъ къ нему, что государь, на одномъ изъ совѣтовъ министровъ, спросилъ Канкрина: для чего такъ роскошно содержатся каторжные? Канкринъ отвѣчалъ, что улучшено содержаніе каторжныхъ не на деньги государства: для каторжныхъ утверждено урочное положеніе, каторжный, сработавшій болѣе урочнаго положенія, за переработокъ получаетъ копѣйки, изъ этихъ копѣекъ современемъ составились большія суммы, что и дало возможность улучшить содержаніе каторжныхъ. Военный министръ объяснилъ, что онъ и копѣйки прибавить не можетъ солдату сверхъ положенія. Тутъ же сдѣлано распоряженіе: уничтожить всѣ удобства каторжныхъ. Этимъ распоряженіемъ и прекратились намѣренныя убійства солдатами.

Я упомянулъ, что собака моя Любимъ спасла жизнь мнѣ. Первый разъ я разсказалъ, еслибъ не Любимъ, то вольнопропитанный не промахнулся бы. Вотъ другой случай.

Выѣзжая изъ Иркутска въ Питеръ, я вызвалъ желающаго ѣхать со мною деньщикомъ. Вызвался молодой матросъ лѣтъ 25-ти; отзывались о немъ какъ о трезвомъ, честномъ и тихомъ. Мѣсяца три онъ жилъ у меня въ комнатахъ и привыкъ. Въ повозкѣ, сдѣланной въ адмиралтействѣ, помѣстились: я, деньщикъ и Любимъ. Деньщикъ былъ уроженецъ Сибири, небольшаго роста, но силы необычайно большой, и простакъ. О дорожныхъ приключеніяхъ—въ другомъ мѣстѣ, развѣ упомяну: когда проѣзжали Казань, первое, что я потребовалъ—яблокъ, которыхъ я не пробовалъ 15 лѣтъ; мнѣ принесли опортъ и баснословную взяли цѣну: за десятокъ чуть ли не 10 рублей. Въ Сибири, картофель называютъ земляныя яблоки; деньщикъ изумлялся, что въ Россіи такія яблоки и сердито прибавлялъ: «сказано не мшонная Сибирь, Сибирь она и есть!» а когда я позвалъ шарманку, то онъ и остался въ мнѣніи, что въ ящикѣ сидитъ человѣчекъ—разувѣрить его было невозможно. Съ отцомъ я не видался 24 года и тотъ, который сѣкъ меня чуть не черезъ день,—Суворовецъ, увидавъ меня, упалъ безъ чувствъ! Цѣловалъ деньщика, цѣловалъ Любима. Отцу пода-

рилъ повозку, она служила ему, какъ парадный экипажъ, до его смерти, безъ починки. Отецъ взялъ съ меня честное слово: ни въ какомъ случаѣ не наказать деньщика. Изъ Камчатки я вывезъ соболей, лисицъ, бобровъ. Въ Петербургѣ явились ко мнѣ жиды, я продавалъ имъ по розницѣ—выгоднѣе, чѣмъ въ магазины. Однажды, слышу шопотъ за перегородкой, подслушалъ: жидъ сговаривается съ деньщикомъ убить меня. Я быстро явился. Жидъ струсилъ и разсказалъ, что его уговаривалъ деньщикъ, что онъ убьетъ меня и передастъ все жиду, а глупый деньщикъ признался, что жидъ обѣщалъ ему купеческій паспортъ. Жидъ вылетѣлъ вонъ, а я данное слово отцу сдержалъ, не тронулъ деньщика, но отослалъ его въ команду. У меня оставался деревенскій мальчикъ. Прошло нѣсколько дней. Былъ 11-й часъ ночи, я уже былъ въ постели; слышу, на дворѣ страшный лай Любима, лаетъ на приступъ въ нишь подъ лѣстницей; у собаки поднялась шерсть, пѣна у рта и не слушаетъ меня. Я полагалъ, что тамъ кошка. Пошарилъ подъ лѣстницей рукой и поймалъ сапогъ. Выходитъ мой прежній деньщикъ. Вывелъ я его на дворъ, вышли многіе жильцы. Я замѣтилъ, что у него не сгибается лѣвая рука. Въ рукавѣ оказался — кинжалъ. Деньщикъ струсилъ и признался, что онъ, зная въ квартирѣ моей порядокъ, что мальчикъ ночью выводитъ собаку на дворъ, намѣревался убить меня, а какъ мальчикъ вернется, то и мальчика. Что разумное твореніе намѣревается убить подобное себѣ существо — не стоило бы и упоминанія, но чтобы низшая, безсловесная тварь— собака, имѣющая природное свойство преданности къ человѣку, который ее кормитъ, какъ въ этомъ случаѣ: деньщикъ кормилъ собаку около полугода, спалъ съ нею, но когда этотъ другъ собаки пришелъ съ злымъ намѣреніемъ, собака поступила съ нимъ какъ съ врагомъ! Этотъ непонятный, разумный инстинктъ показался мнѣ достойнымъ замѣчанія. Деньщикъ, по суду, отправился по способу пѣшаго хожденія на свою родину, въ Сибирь, а Любимъ окончилъ земное свое бытіе въ 1847 году, въ Кіевѣ. Удивительной понятливости была собака!

Разсказавъ о собакѣ, спасшей мнѣ два раза жизнь, я упомянулъ объ арабскомъ бѣло-рожденномъ верховомъ моемъ конѣ въ Иркутскѣ. Если я дозволилъ себѣ говорить о собакѣ, то о

благородномъ и гордомъ животномъ—слугѣ человѣка дозволю себѣ упомянуть хотя нѣсколько словъ.

Въ старомъ флотѣ, молодые офицеры очень любили ѣздить верхомъ. Конь и лодка—крайности, а говорятъ: крайности сходятся. Оставшись въ Иркутскѣ начальникомъ адмиралтейства, я устроился осѣдло, у меня были и лошади и экипажи, но не было верховаго коня. 12 лѣтъ ѣздя на собакахъ, я, по свойству моряка—любить верховую ѣзду, очень желалъ устроить себѣ эту потѣху. Совѣты старожилыхъ пріятелей указали мнѣ на сосланнаго кавалерійскаго штабъ-офицера, отличнаго знатока лошадей и искуснаго берейтора. Пригласилъ я къ себѣ этого бывшаго господина. Уже весьма пожилой, сѣдой, но еще здоровый и сильный. Хорошо одѣтъ кучеромъ, походка кавалерійская, съ согнутыми колѣнями, голосъ твердый съ акцентомъ серба. Смотря на него, такъ и кажется, что онъ еще командуетъ эскадрономъ. Я объяснилъ ему мое желаніе имѣть верховаго коня. Онъ, принявъ позу сознательнаго достоинства, съ выговоромъ южнаго славянина, отвѣчалъ:

— Это наше ребячье дѣло! но готовой верховой лошади здѣсь нѣтъ.

— Какъ же ты посовѣтуешь мнѣ устроить?

— Это дѣло нашихъ рукъ. Есть кровный конь, не верховой, но рожденъ для сѣдла; я могу указать вашему высоко-дію, а ваше дѣло купить.

— Хорошо, я куплю, только укажи.

— Есть конь на почтѣ, онъ недавно ходитъ на пристяжкѣ, бѣлый конь; на почтѣ не знаютъ ему цѣны, а конь тысячный!

— Спасибо, я завтра куплю лошадь, но она не выѣзжена подъ верхъ?

— Выѣздить—нашихъ рукъ дѣло. Выѣздимъ въ станкѣ какъ нѣмцы, или для фронта на всѣ аллюры.

— Гдѣ же найти тебя?

— Я живу близь женскаго монастыря, но, если прикажете, я завтра навѣдаюсь.

Стаканъ водки—простились. Почту содержала дума, я къ головѣ. Безъ слова дано согласіе и заплатить по цѣнѣ въ книгѣ, за что̀ куплена. На другой день, ссыльный кавалеристъ выбралъ лошадь, я заплатилъ 60 рублей. Старикъ въ восторгѣ отъ коня,

цѣнилъ его въ нѣсколько тысячъ! Я просилъ его выѣздить коня для прогулки по городу, чтобы былъ смиренъ и не пугался. Старикъ не упустилъ сказать насмѣшку надъ неопытностію моряка, но весьма прилично. Въ старикѣ сквозилъ общественный бытъ лихаго кутилы. Старикъ хотѣлъ дрессировать коня въ станкѣ, но какъ это долго, а я хотѣлъ скорѣй, то на полѣ была устроена корда. Въ мѣсяцъ переродился конь, на кормѣ поправился, а въ выѣздкѣ выправился. Просто—красавецъ! По командѣ, старикъ исполнялъ всѣ аллюры, но находилъ нужнымъ поѣздить по шумнымъ улицамъ, чтобы не пугался конь. Недѣли двѣ, мой берейторъ бралъ коня передъ свѣтомъ и возвращался послѣ полудня.

Разъ, у губернатора, Ивана Богдановича Цейдлера, я былъ свидѣтелемъ доклада исправника. Тогда, около Иркутска, въ горахъ, было двѣ шайки разбойниковъ; исправникъ докладывалъ, что какая-то каналья изъ города ѣздитъ на бѣлой лошади, то къ одной, то къ другой шайкѣ, и поймать не могутъ. На меня подѣйствовалъ докладъ о бѣлой лошади: подумалъ, уже не мойли берейторъ отличается. На другой же день прослѣдили за нимъ и оказалось—дѣйствительно возвращался изъ сѣверныхъ горъ маршъ-маршъ; какъ опытный, проводилъ коня, вытиралъ соломой и пріѣзжалъ домой на сухомъ конѣ . . . . . Послѣ я узналъ, что этотъ отличный берейторъ, живя въ Иркутскѣ, какъ главнокомандующій надъ шайками, получалъ донесенія, отдавалъ приказанія, направлялъ ихъ набѣги, увѣдомлялъ о намѣреніяхъ полиціи, и проч. Конь дѣйствительно былъ превосходный, выѣзженъ прекрасно, пылкое, но доброе и послушное животное. Въ Иркутскѣ всѣ знали моего коня. Я подарилъ его принявшему мою должность Николаю Вуколовичу Головину.

Узналъ я исторію коня. На киргизской линіи, въ крѣпостцу Бухтарму (звали: Бухтарма—новая тюрьма), пріѣзжали бухарцы съ товарами и урюкомъ. Запоздали возвратиться; у нихъ былъ жеребенокъ, то, чтобы не затруднилъ въ обратномъ пути, продали казаку за бездѣлицу. Казакъ, пріѣхавъ въ Иркутскъ съ товаромъ, продалъ всѣхъ своихъ лошадей на почту за большую цѣну и этого коня—за 60 рублей, а такая цѣна считалась огромною, сравнительно съ цѣнами на линіи. У Лавинскаго были двѣ каретныя четверни, куплены въ Енисейской губерніи, въ Минусѣ, изъ табуновъ купца (кажется, Мясникова), на выборъ, по

25-ти рублей лошадь; это обыкновенная цѣна. Лавинскій вывелъ лошадей въ Петербургъ.

Разговорился я о ссыльныхъ въ Иркутскѣ. Объ этихъ выкидышахъ русскаго общества—разсказовъ безъ конца. Эти энергическія натуры съ ложнымъ направленіемъ и тамъ рѣдко совладаютъ съ своими обычаями, они и тамъ ведутъ тревожную жизнь съ приключеніями. Я записалъ «памятный день въ Иркутскѣ». Назвавъ памятнымъ днемъ, тѣмъ самымъ объяснилъ, что не всѣ дни похожи на этотъ день. Передамъ еще разсказъ, но не свой, а Ивана Яковлевича Козлова. Прошу обратиться въ «Русскую Старину» къ первому очерку изъ моихъ воспоминаній «о ссыльно-каторжныхъ въ Охотскомъ солеваренномъ заводѣ» (изд. 1878 г., томъ XXII): тамъ я кратко очертилъ горнаго чиновника И. Я. Козлова. Теперь повторю, что это человѣкъ былъ вполнѣ образованный, благородный, честный, добрый, прекрасный другъ, умный, пріятный собесѣдникъ, правдивъ, преувеличеній для краснаго словца въ немъ не замѣтилъ. Говорятъ, совершеннаго человѣка нѣтъ, то и Козловъ имѣлъ недостатокъ: онъ не былъ храбръ, по-просту—былъ трусоватъ. Въ Охоткѣ, мы были очень дружны. Вотъ одинъ изъ его разсказовъ: «Въ 1820-хъ годахъ, въ Иркутской губерніи былъ извѣстный и прославившійся атаманъ разбойниковъ по фамиліи Александровъ. Онъ былъ изъ ярославскихъ мѣщанъ, молодъ, смѣлъ, большаго роста, красавецъ изъ красавцевъ; я такого красиваго мужчины не видывалъ; не было деревни, чтобы онъ не имѣлъ преданныхъ любовницъ. Силы былъ необыкновенной, бѣгалъ такъ скоро, что веревка въ пять сажень, привязанная къ затылку, при бѣгѣ Александрова — держалась горизонтально. Стрѣлялъ на бѣгу безъ промаха. Одинъ разъ, онъ спалъ на полѣ, а любовница, съ лошадью, караулила. Крестьяне сосѣдней деревни хотѣли схватить его; показались мужики, любовница разбудила Александрова, онъ крикнулъ крестьянамъ, чтобы шли прочь. Одинъ мужикъ, ставъ на колѣни и съ сошекъ, цѣлился въ Александрова изъ винтовки. Александровъ закричалъ: «Никитка, не дури!» и, выстрѣливъ, попалъ Никиткѣ въ лобъ, взялъ отъ любовницы заряженное ружье, а она заряжала другое. У крестьянъ опустились руки; Александровъ, посадивъ любовницу на лошадь, самъ тихо пошелъ. Но это было вначалѣ, послѣ его не ловили. Данному слову Алексан-

дровъ никогда не измѣнялъ. Одинъ разъ, убѣжавъ изъ острога, отъ гнавшейся за нимъ полиціи, онъ, противъ Иркутска, въ кандалахъ переплылъ Ангару, которая, кромѣ большой ширины, имѣетъ теченія 10 верстъ въ часъ. Вотъ такая исключительная была личность атамана Александрова. Шайка его никогда не превышала 7 или 8-ми человѣкъ, но были и постоянные: есаулъ, лейтенантъ и подручный. Это были люди испытанные имъ. Зимой, онъ являлся къ исправнику и зимовалъ въ острогѣ; съ наступленіемъ весны, онъ уходилъ изъ острога, какъ птица вылетаетъ изъ гнѣзда. Лишь закукуетъ кукушка, каторжные и поселенцы приходятъ въ тревожное состояніе и бѣгутъ въ вольную тайгу. Я служилъ на солеваренномъ заводѣ, въ 60-ти верстахъ отъ Иркутска. Разъ даютъ мнѣ знать, что близь завода шатается Александровъ и изъ завода уже ходили къ нему на свиданіе. Я нарядилъ школьниковъ».

— Что такое школьники?

— «Это дѣти каторжныхъ, они состоятъ при заводѣ; они честныя дѣти преступныхъ отцовъ.

«Александровъ на этотъ разъ оплошалъ; онъ былъ одинъ, безъ оружія, была уже поздняя осень. Александрова привели ко мнѣ. Я зналъ, что этого молодца не удержишь; я придумалъ для него скрипку. Складывались и скрѣплялись двѣ широкихъ доски съ выемками для шеи и по концамъ для рукъ. Александровъ требовалъ, чтобы я передалъ его земскому суду; я написалъ бумагу, да такъ и продержалъ атамана четверо сутокъ. Александровъ на другія сутки уже стоналъ: нельзя лечь, руки затекли; молилъ, просилъ, проклиналъ и, наконецъ, поклялся, что онъ убьетъ меня. Зиму просидѣлъ Александровъ въ острогѣ, я имѣлъ свой караулъ за нимъ. Весной доносятъ мнѣ, что къ острогу подходятъ любовницы Александрова, значитъ, онъ скоро бѣжитъ. Я помнилъ его клятву, а извѣстно, что Александровъ крѣпко держитъ свое слово! Рѣшился я явиться генералъ-губернатору и, разсказавъ ему подробно, доложилъ, что, по всѣмъ признакамъ, Александровъ скоро бѣжитъ и я буду убитъ. Лавинскій немедля потребовалъ изъ земскаго суда дѣло объ Александровѣ. Привезли слѣдствіе на двухъ возахъ и—еще не кончено!»

— Я не понимаю, какъ это могло быть?

— «Очень просто: Александровъ былъ отличная доходная статья исправника».

— Объясните мнѣ, я этихъ дѣлъ не знаю.

«Александровъ на допросѣ показываетъ, что въ такой-то деревнѣ, у богатаго мужика, ночевалъ двѣ ночи. Исправникъ летитъ съ казаками къ мужику. Можетъ, атаманъ показалъ неправду, но для исправника все равно: мужикъ отплачивается. Такъ тянутся показанія до весны, слѣдствіе не кончено, а Александровъ бѣжалъ. Зимой продолжается старое и начинается новое».

— Что же, Лавинскій читалъ дѣло?

«Онъ исправнику и суду сказалъ много непечатныхъ словъ и на послѣдней страницѣ написалъ своею рукою: «Александрова, есаула, лейтенанта и подручнаго бить нещадно кнутомъ». Это рѣшеніе хранилось въ строгомъ секретѣ: узнай Александровъ, ничто не удержало бы его въ острогѣ; только утромъ сказано палачу Буянову, что онъ долженъ засѣчь четверыхъ. Утромъ, вели Александрова и трехъ товарищей будто къ допросу въ земскій судъ, съ усиленнымъ конвоемъ. Придя на мясной рынокъ, гдѣ постоянное присутствіе Буянова, конвою скомандовали: стой! Преступникамъ объявлено рѣшеніе генералъ-губернатора. Александровъ сказалъ: «не законно, еще слѣдствіе не кончено». Шесть прислужниковъ Буянова, тоже каторжные, привязали Александрова къ кобылѣ ремнями по правилу своей профессіи. Буяновъ, имѣя особенное приказаніе, сильно ударилъ кнутомъ. Александровъ повернулся такъ, что лопнули всѣ ремни и сокрушилась кобыла! обернувшись, крикнулъ: «Варнакъ! да ты съума сошелъ!» махнулъ ручными кандалами, задѣлъ за лѣвое плечо Буянова и разорвалъ у него плисовую куртку, а самъ бросился бѣжать; уже бѣжалъ по базарной площади къ Ангарѣ, бѣжалъ въ ножныхъ кандалахъ, а солдаты не могли догнать его; бѣжалъ и на обѣ стороны махалъ ручными кандалами, народъ разступался. Не замѣтилъ атаманъ колышка, къ которому привязываютъ пріѣзжіе крестьяне лошадей; за колышекъ зацѣпилъ ножными кандалами и упалъ, солдаты набѣжали и прикладами пришибли его. Привязали вновь къ кобылѣ, атаманъ молчалъ; послѣ четвертаго удара, Буяновъ за волосы поднялъ голову и сказалъ: «уберите!» Александровъ былъ мертвъ. Второй, есаулъ, изъ персіянъ, сказалъ Буянову: «ну-ка, посмотрю, мастеръ ли ты своего дѣла?» Буяновъ спокойно сказалъ: «а вотъ увидишь!» и послѣ четвертаго удара поднялъ голову за волосы и приказалъ убрать. Съ четырехъ ударовъ, каждый былъ мертвъ!

«Послѣ этого, послѣдовало высочайшее повелѣніе: въ приговорахъ, слово нещадно не употреблять».

— Вы, Иванъ Яковлевичъ, были при наказаніи?

— «Конечно, былъ, вѣдь моя жизнь зависѣла отъ смерти и жизни Александрова. Казнили атамана съ товарищами, я тогда спокойно вздохнулъ и поѣхалъ домой».

Такъ кончилъ разсказъ Иванъ Яковлевичъ Козловъ. А я прибавлю, что, еще въ 1830 году, я много слышалъ разсказовъ въ Иркутскѣ о необыкновенныхъ и, пожалуй, невѣроятныхъ похожденіяхъ атамана Александрова.

Часто случалось мнѣ проѣзжать чрезъ площадь присутствія Буянова, всегда находилъ его приговляющимся къ своей работѣ. Буяновъ лѣтъ подъ 40, очень высокаго роста, очень стройный, сухощавый брюнетъ съ добрымъ лицомъ, всегда эффектно одѣтъ.

— Здравствуй, Буяновъ!

Вѣжливо кланяется и, улыбаясь:

— Здравія желаю вашему высокоблагородію!

— Что, видно есть работишка?

— Да, вотъ настраиваю свои инструменты.

А сколько я помню, почти не было утра, чтобы Буяновъ не разыгрывалъ концерта на своихъ инструментахъ!

Не знаю какъ теперь, а въ мое время, для сосланныхъ на поселеніе, около почтовой дороги, были выстроены длинныя линіи домиковъ со всѣми удобствами для крестьянскаго быта. Каждый домъ раздѣлялся сѣнями на двѣ половины; я заходилъ въ эти, по виду, щеголеватые дома: въ каждой половинѣ по двѣ комнаты, русская печь, лавки, два простыхъ стула, столъ въ переднемъ углу, палати, свѣтлыя окна—удобно, хорошо, а пожалуй, и роскошно для крестьянина. Дворъ обнесенъ заборомъ, на дворѣ всѣ необходимыя службы, и амбарчикъ, и конюшня съ коровникомъ. Поселенцу давалось продовольствіе и хлѣбныя сѣмена для посѣва. Давалась лошадь, корова, а земли—сколько угодно, душа мѣра! По теоріи, счастливая жизнь! да и требовалось только смирно жить! На практикѣ, поселенецъ, одинъ или съ женою, зиму живетъ смирно. Закуковала кукушка, поселенецъ изъ хлѣбныхъ сѣмянъ напекъ сухарей, корову съѣлъ, посадилъ жену на лошадь и отправляется въ вольную тайгу. Гнѣздо пусто, птица вылетѣла. Куда ушелъ поселенецъ, или, какъ тамъ зовутъ—посельщикъ? Едвали онъ и самъ знаетъ—такъ, гулять! Неу-

добство, нужда, голодъ, опасность отъ звѣрей—все человѣкъ переноситъ! онъ безсиленъ бороться съ страстнымъ влеченіемъ къ свободѣ! Болѣзнь, смерть, гибель отъ звѣря—и никто не вспомнитъ о ссыльномъ поселенцѣ. Являются новые отверженцы русскаго общества, ихъ поселяютъ въ опустѣлыхъ домахъ. Пришла весна, закуковала кукушка—опять пустѣютъ большею частію дома! Уцѣлѣетъ бѣглый—пришла зима, бѣглый является къ тому начальству, гдѣ онъ еще не былъ, и въ тотъ острогъ, въ которомъ еще не сидѣлъ, перемѣняетъ имя, ложно называетъ мѣста, откуда бѣжалъ—справки безплодны—накажутъ плетьми, поселяютъ вновь. Дряхлость, смерть прекращаютъ свободныя прогулки поселенца.

Въ 1833 году, выѣзжая изъ Иркутска въ Петербургъ по первому зимнему пути, на дорогѣ къ Нижнеудинску, днемъ, встрѣчаю партію людей, человѣкъ 30, идущихъ пѣшкомъ. Догадавшись, что это бѣглые и не желая быть остановленнымъ противъ воли, я приказалъ ямщику остановиться. Подошли и окружили повозку—безоружные.

— Здравствуйте, ребята.

— Здравствуй, батюшка, нѣтъ ли у тебя табачку? подѣлись съ нами.

У меня было два картуза Жукова, я отдалъ имъ и, по добротѣ (можетъ—невольной), высыпалъ и изъ кисета.

— Спасибо тебѣ! ребята, смотри: настоящій жуковскій! дай Богъ тебѣ здоровья, вотъ ужъ уважилъ!

Ближайшій, которому я высыпалъ изъ кисета, двѣ горсти возвратилъ въ кисетъ, говоря:

— Нельзя же и тебѣ безъ табаку, хотя до города.

— Куда путь держите, ребята?

— Поѣзжай съ Богомъ, мы тебя не спрашиваемъ, куда ты ѣдешь, и тебѣ нѣтъ дѣла до насъ. Прощай, батюшка, поѣзжай своею дорогою.

Разумѣется, я не медлилъ. Ямщикъ подтвердилъ, что это бѣглые посельщики. Не нужно было и спрашивать ихъ, они шли пріютиться на зиму по острогамъ. Встрѣча и бесѣда продолжались немного минутъ, но я замѣтилъ, что между ними были субъекты не изъ крестьянскаго быта, особенно двое ближайшихъ ко мнѣ. Старика не было ни одного.

Случилось мнѣ разговаривать съ бѣгавшими въ Россію и возвратившимися по суду. Бѣгалъ въ Полтавскую губернію.

— Что заставило тебя идти такую даль?

— Больно тоска взяла, хотѣлъ взглянуть на родную сторону и повидаться съ родными.

— Какъ же ты зналъ дорогу, куда тебѣ идти?

— Дорогу можно знать: лишь бы увидать церковь, то и знаешь.

— Какъ же это?

— Да вотъ какъ: когда идешь въ Сибирь—все входишь въ церковь, а когда идешь изъ Сибири—все выходишь изъ церкви [1]).

Вотъ вамъ и компасъ для бѣглаго изъ Сибири.

— А что же ты ѣлъ дорогой?

— Для насъ, по деревнямъ, на ночь, у воротъ на полочку, кладутъ хлѣба, молока, иногда рыбки, шаньгу—сыту можно быть, да тутъ же у воротъ на лавочкѣ и соснешь.

Дѣствительно, это справедливо: я замѣтилъ въ Вятской губерніи, по деревнямъ, почти у каждаго дома, снаружи воротъ, на полочкахъ хлѣбъ и горшечекъ молока; на вопросъ мой:

— Для чего это?

— Это для несчастныхъ.

Въ Сибири и по дорогѣ, ссыльныхъ зовутъ несчастными, а варнакъ—это брань; говорятъ, происходитъ отъ воръ и нагъ.

— А въ избу не заходятъ?

— Для того и кладемъ, чтобы не заходили, а то отвѣтъ большой.

Сложится какъ-то въ особую форму жизнь человѣка и тянется жизнь до тайги или до острога и обратно.

Припомнился мнѣ случай въ кіевской тюрьмѣ. Въ одной изъ камеръ, у печки, старикъ, лѣтъ за 70, разсказывалъ товарищамъ, что онъ всю жизнь ходитъ изъ тюрьмы въ тюрьму, мало и осталось тюремъ, въ которыхъ бы онъ не былъ, и закончилъ разсказъ горькою жалобой на судьбу. «Ужъ не подъ силу, молю Бога, чтобы прибралъ», и очень тосковалъ, что не приходитъ смерть. На другой день старикъ оказался убитымъ, съ разбитой головой. На вопросъ: кто убилъ? вышелъ одинъ изъ товарищей и сказалъ, что убилъ старика—онъ.

— За что?

— Да вчера больно жалостливо старичокъ скучалъ и такъ жалостно говорилъ, зачѣмъ Богъ не посылаетъ смерти, что меня ажно слеза прошибла. Какъ уснули всѣ, я взялъ съ печки кир-

---

[1]) Алтарь церкви—на востокъ.

пичъ, завернулъ его въ рукавъ рубахи, да и убилъ старика—изъ жалости: думаю—пусть успокоится!

Можно бы разсказать о жизни каторжныхъ въ рудникахъ; эти люди другой жизни и другаго характера, но—до другаго раза.

VIII.

При чтеніи въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXIII, Записокъ Ивана Степановича Жиркевича, главы XXIV-й (стр. 33—54), съ каждой строчкой оживали мои воспоминанія почти за 45 лѣтъ назадъ. И. С. Жиркевичъ выводитъ меня на сцену и я, вмѣсто подписи буквъ Э..... .....въ, являюсь Эразмъ Ивановичъ Стоговъ. Написалъ и я свои воспоминанія о службѣ моей въ Симбирскѣ, писалъ только то, что рѣзко запечатлѣлось въ памяти. Читая нынѣ Записки И. С. Жиркевича, я вижу, что многое пропустилъ, что̀ казалось мнѣ неважнымъ, напримѣръ, ослушаніе одной татарской деревни сенатскому указу. Этотъ случай казался мнѣ столь неважнымъ, что я и не упомянулъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ. И. С. Жиркевичъ смотрѣлъ на это ослушаніе серьезно, но не разсказалъ причинъ этого ослушанія татаръ; можетъ быть, онъ и не зналъ подробностей. Я разскажу, что̀ знаю.

Татарская деревня была очень большая, а земли имѣла еще больше. Далеко отъ деревни, на краю дачи, между холмами протекаетъ ручеекъ. Помѣщикъ Коптевъ (кажется, не ошибаюсь), по знакомству съ старшинами татаръ, получилъ согласіе общества: дозволить на ручьѣ поставить мельницу; это было сдѣлано на бумагѣ, а словесно—Коптевъ обѣщалъ дешево молоть рожь татарамъ. При мельницѣ нуженъ домъ для мельника, понадобились домики для рабочихъ. Такъ мирно тянулось болѣе десяти лѣтъ. Говорили, при мельницѣ людей было немного, но, по свидѣтельству полиціи и сосѣднихъ крестьянъ, оказалось, что крестьянъ, живущихъ 10 лѣтъ въ урочищѣ, много. Безъ вѣдома татаръ, послѣдовалъ указъ правительствующаго сената: крестьяне Коптева, живущіе осѣдло болѣе десяти лѣтъ, надѣляются по десяти десятинъ на душу, и приложенъ планъ нарѣзки. Указъ былъ полученъ и объявленъ татарамъ осенью. Исправникъ выѣхалъ съ

землемѣромъ и повѣреннымъ Коптева. Татары, не понимая законнаго права, прогнали всѣхъ. Исправникъ явился съ понятыми и инвалидами—татары прогнали. Это было еще при губернаторѣ Z.....; наступила зима, дѣло было оставлено до лѣта. Назначенъ губернаторомъ И. С. Жиркевичъ; наступило лѣто, исправника съ указомъ къ татарамъ—прогнали. И. С. Жиркевича очень встревожило это обстоятельство. Войска нѣтъ—самый несчастный баталіонъ изъ 300 калѣкъ; татаръ озлобленныхъ—до четырехъ тысячъ. Губернаторъ хотѣлъ подѣйствовать на татаръ коммисіею изъ важныхъ лицъ. Пригласилъ жандармскаго полковника Ф...., управляющаго удѣльной конторой статскаго совѣтника Бестужева, меня и совѣтника губернскаго правленія—сначала для совѣщанія, а потомъ внушить силу указа татарамъ на мѣстѣ. Ф.... и Бестужевъ съ вечера обѣщали быть, а ночью уѣхали. И. С. Жиркевичъ обратился ко мнѣ: какое мое мнѣніе? Я отвѣчалъ, что о дѣлѣ этомъ слышалъ, но подробностей не знаю, донесеніямъ полиціи не всегда довѣряю, а потому, полагаю, нужно прежде узнать подробно на мѣстѣ повѣрнѣе; для этого я съѣзжу одинъ, а узнавъ и сообразивъ—доложу о средствахъ, какія должно предпринять. И. С. Жиркевичъ благодарилъ меня и согласился.

Передъ вечеромъ, я пріѣхалъ съ своимъ жандармомъ-татариномъ. Тогда я еще не былъ такъ знакомъ съ татарами, какъ послѣ, но имѣлъ понятіе о нравственномъ строѣ татарскихъ обществъ. Ласково, какъ гость, обошедшись съ богатыми и выпивъ съ ними полдюжины стакановъ чаю, я постоянно направлялъ разговоръ на указъ Сената. Набралась полная изба татаръ и когда они попросили меня прочитать и растолковать имъ указъ, то я всталъ и приказалъ всѣмъ встать, потому что указъ—по волѣ Государя Императора! и прошу слушать молча, а толковать будемъ послѣ. Прочиталъ внятно, послѣ растолковалъ на какомъ законѣ указъ. Татары поняли, что вся бѣда отъ дозволенія Коптеву построить мельницу безъ всякаго условія и не означая срока. Изъ разговоровъ я подмѣтилъ, что они недовольны дѣйствіями исправника. Я объяснилъ, что когда я возьмусь за дѣло, то исправнику незачѣмъ тутъ быть. Разумѣется, я не поскупился на ужасныя бѣды отъ ихъ ослушанія. Главное—я беру ихъ подъ свое покровительство: хотя губернаторъ и очень гнѣвенъ, но если они послушаютъ меня, то я даю свое ручательство, что его превосходитель-

ство помилуетъ ихъ. Хотя я зналъ И. С. Жиркевича какъ неумолимаго служаку, человѣка сдержаннаго, сухаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣка честнѣйшаго, преданнаго пользамъ службы, и, зная какъ тревожило его это дѣло, надѣялся убѣдить простить татаръ, виновныхъ по неразумію. Утромъ собрались всѣ татары, требовали, чтобы я прочиталъ всему народу указъ. Ставъ въ середину толпы и зная, какъ на простой народъ дѣйствуютъ наружные аксессуары,—вынувъ указъ, снялъ шляпу и приказалъ всѣмъ снять шапки, стоять смирно и слушать молча. Прочиталъ; знающіе по русски переводили толпѣ, разговоры татаръ длились полчаса. Толпа просила прочитать другой разъ. Прочиталъ. Заговорили, что надо согласиться (мой жандармъ сообщилъ мнѣ, условленною мимикою), но поставили условіе: исправника не надо. Пусть губернаторъ проститъ, потому что виноватъ исправникъ, а не татары: онъ не хотѣлъ растолковать. Чтобы землемѣръ мѣрялъ подъ моимъ надзоромъ. Если такъ, то они согласны. Я принялъ условія.

Исправникъ, землемѣръ, повѣренный Коптева и понятые были въ сосѣдней русской деревнѣ. Я потребовалъ всѣхъ, кромѣ исправника. Я самъ ходилъ за астролябіей и повѣрялъ углы, шелъ за цѣпью. Повѣренный вздумалъ заспорить, я такъ на него прикрикнулъ, что онъ немедля замолчалъ. Это понравилось татарамъ, только и слышу: «Такъ, бачка, такъ, это разбойники!» Я сознавалъ, что дѣло слишкомъ обидное для татаръ, но когда увидалъ, что цѣпь пошла подъ самые заборы огородовъ татаръ, и увидалъ слезы—признаюсь, надобно имѣть запасъ хладнокровія, чтобы не выйти изъ роли важнаго начальника. Въ одинъ день отмежевана дача по указу. Уговорилъ татаръ выбрать депутатовъ къ губернатору, которые, принеся покорность, привезутъ прощеніе для всѣхъ татаръ. Выбрали трехъ самыхъ богатыхъ. Предварительно объяснивъ кратко И. С. Жиркевичу, я просилъ о прощеніи. Кажется, въ этотъ только разъ и видѣлъ его смѣющимся. Татары прощены.

Послѣ, я познакомился съ Коптевымъ. Баринъ не молодой, со смысломъ . . . . . Коптевъ, при первомъ свиданіи, показывалъ мнѣ законныя дарственныя предку его отъ которой-то государыни на весь правый берегъ Волги отъ Симбирска до Саратова, шириною, кажется, шесть верстъ. Коптевъ хотѣлъ начать дѣло!

Вотъ еще случай, о которомъ я вспомнилъ, читая «Русскую Старину» (томъ XXIII, стр. 48—50).

Проѣзжалъ черезъ Симбирскъ графъ Строгановъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. Я явился къ нему. Графъ—огромнаго роста, длинное лицо съ сухимъ и строгимъ выраженіемъ, голосъ твердый. Встрѣтилъ меня сухо, не посадилъ. Помню нашъ разговоръ:

— «Вы давно здѣсь?»

— Другой годъ.

— «Такъ вы не знаете хорошо губерніи?»

— Знаю, что касается до моей службы.

— «Какъ понимаете вы свою обязанность?»

— Я блюститель нравственнаго порядка въ губерніи.

— «Какая ваша власть?»

— Губернаторъ, а не исполнитъ—шефъ жандармовъ.

— «Ссоритесь съ губернаторомъ?»

— Я никогда и ни съ кѣмъ не ссорюсь, в. с-во.

— «А съ бывшимъ губернаторомъ Z?»

— Я помогалъ ему сколько умѣлъ.

— «Пути сообщенія, торговлю въ губерніи знаете?»

— Пути сообщенія знаю, а о торговлѣ почти не имѣю понятія.

— «Мнѣ нужны подробныя, толковыя свѣдѣнія о торговлѣ; къ кому я могу обратиться?»

Я подумалъ: рекомендовать помѣщика, обидятся другіе—почему не ихъ.

— Лучшихъ свѣдѣній в. с-во получить не можете, какъ отъ откупщика NN.

— «А помѣщики?»

— Каждый знаетъ продажу своего хлѣба, а NN знаетъ общій ходъ торговли и въ сосѣднихъ губерніяхъ.

— «Вы хорошо знакомы съ откупщикомъ?»

— Довольно коротко знакомъ, бываю у него.

— «Что за человѣкъ этотъ откупщикъ?»

— Человѣкъ очень умный и всѣми любимъ.

— «Вы знаете, что онъ даетъ деньги чиновникамъ?»

— Знаю.

— «Знаете сколько и кому даетъ?»

— NN, прошлаго года, роздалъ въ губерніи двѣсти семьдесятъ тысячъ рублей.

— «Какъ вы это знаете?»

— Онъ показывалъ мнѣ списокъ—кому и сколько.

— «По какому случаю?»

— Онъ предлагалъ мнѣ десять тысячъ въ годъ.

— «За что?»

— Просто ни за что, тѣмъ болѣе, что еслибъ я и хотѣлъ вредить ему, то не могъ бы.

— «Отчего такъ?»

— Этого я не могу сказать в. с-ву.

— «За что же онъ предлагалъ?»

— NN говорилъ, что я скромно живу, бѣденъ, то эти деньги въ нѣсколько лѣтъ могутъ составить мнѣ капиталъ, и при этомъ показалъ списокъ раздаваемыхъ денегъ; сказалъ: «досадно, всѣ возвращаются чрезъ кабаки. Мнѣ назначена сумма, то кому хочу отдамъ».

— «Ну, чтожъ, вы взяли?»

— Нѣтъ, ваше с-во, не взялъ.

— «Отчего же?»

— Не пробовалъ еще брать чужихъ денегъ.

— «А Жиркевичъ сколько беретъ?»

— Жиркевичъ не возьметъ и отъ архіерея.

— «Такъ вы желаете доставить мнѣ честь познакомиться съ откупщикомъ?»

— Какъ угодно вашему с-ву.

— «Хорошо, я завтра увижусь съ вами и скажу вамъ».

Разговоръ продолжался о помѣщикахъ, о духѣ въ губерніи къ правительству. Спросилъ о Бестужевѣ и Флиге (они уѣхали въ ночь пріѣзда графа). Я распинался за преданность дворянъ къ государю и правительству, а о Бестужевѣ и Флиге отдѣлался общими мѣстами.

Черезъ день позвалъ меня графъ. «Я хочу исполнить ваше желаніе; предоставляю вамъ, передъ вечеромъ, познакомить меня съ откупщикомъ».

— Желаю, ваше с-во, чтобы вы остались довольны моею рекомендаціею.

Нынѣ изъ Записокъ И. С. Жиркевича узналъ, что графъ говорилъ съ нимъ о NN и что Иванъ Степановичъ поддержалъ мою рекомендацію.

Передъ вечеромъ, я привелъ NN къ графу и представилъ его. Меня удивилъ пріемъ графа: онъ всталъ и вѣжливо поклонился, посадилъ NN. Я откланялся. Послѣ NN говорилъ мнѣ:

— «Сначала мнѣ было неловко, но какъ попалъ на торную дорогу, то и сонъ пропалъ, проговорили всю ночь».

Когда я провожалъ графа, онъ сказалъ мнѣ: «вашъ протеже оправдалъ себя».

Я разскажу, что знаю о NN отъ него самого. Это сухой грекъ, копченый, какъ всѣ греки. Средняго роста, большой ротъ, вѣчная улыбка, и въ поясницѣ шалнеръ: такъ кланяться очень трудно. Грекъ предобрый, но обидчивый и не проститъ. Умный, дальновидный и хитрый. Его звали NN, а жену NN — красавица. Вотъ что разсказывалъ NN: «сынъ бѣдныхъ родителей, я былъ записанъ въ кавалерійскій полкъ, въ полку ни разу не былъ, вышелъ въ отставку поручикомъ. Въ Таганрогѣ имѣлъ кусокъ земли, табачную лавочку, и перебивался. Въ Таганрогъ пріѣхалъ государь Александръ I-й. Вызываютъ на поставку ко двору разныхъ продовольственныхъ припасовъ. Таганрогскіе греки-богачи струсили незнакомаго дѣла. Я рѣшился и взялъ подрядъ; родные богачи, видя, что я потерять не могу, сдѣлали мнѣ кредитъ. Прошелъ мѣсяцъ, со страхомъ являюсь къ метръ-дотелю (кажется—Бенуа). Сидитъ въ большомъ креслѣ, богатый халатъ, читаетъ книжку. Я стою смирно у дверей. Взглянулъ строго: «что?» Я—глубокій поклонъ . . . . . и подаю ему счетъ мѣсячнаго расхода. По правдѣ, я составилъ счетъ такой, что если и убавитъ, то будетъ не обидно; въ итогѣ стояло 18 тысячъ рублей. Метръ-дотель посмотрѣлъ на итогъ и сердито бросилъ на полъ: «Какъ смѣть подавать такіе счеты? Что скажутъ обо мнѣ? Какъ могъ я продовольствовать русскаго императора цѣлый мѣсяцъ за 18 тысячъ! возьми и исправь». Нечего дѣлать, взялъ счетъ, а на другой день подалъ итогъ 84 тысячи ассигн. съ копѣйками. Метръ-дотель посмотрѣлъ и сказалъ: «Ну, это на что нибудь похоже», подписалъ. Я держалъ пачку въ 10 тысячъ, онъ взглянулъ и сказалъ: «положи!» У меня собрался такой капиталъ, что въ Таганрогѣ мнѣ было тѣсно. Тогда гремѣли откупа, я этого дѣла совсѣмъ не понималъ. Тогда въ откупахъ былъ главный воротило К у з и н ъ. Я къ нему въ Харьковъ, прикинулся бѣднякомъ. Меня приняли въ контору писцомъ. Угождалъ управляющему, онъ замѣтилъ мое прилежаніе

и сметку. Въ двухъ уѣздахъ, повѣренный запуталъ счеты и кутилъ. Кузинъ велѣлъ командировать надежнаго; управляющій выбралъ меня и ручался. Я привелъ въ порядокъ счеты, и утвержденъ. Такъ я изучилъ механизмъ и администрацію откупа. Наступили новые откупа, я къ Кузину—прошу принять меня въ долю. «Да что-же у тебя есть?» Я объявляю капиталъ. «Да ты поступилъ въ канцелярію?»—Я пріѣхалъ къ вамъ учиться и теперь выучился. «Ну, братъ, изъ тебя будетъ толкъ!» Вотъ я и управляю почти безъ отчета.

Приходитъ ко мнѣ NN вечеромъ: «Не нужно ли вамъ что нибудь къ Л. В. Дубельту? я завтра рано ѣду въ Питеръ».

— Что такъ вдругъ? вы на-дняхъ ничего не говорили.

— «Откупъ плохо идетъ».

— Что-жъ вамъ поможетъ Питеръ?

— «Вотъ видите ли, если мало пьютъ, то нѣтъ средства поправить дѣло: откупъ—банкротъ! а если отлички по кабакамъ хорошія, т. е. хорошо пьютъ, то откупщикъ не успѣетъ выбрасывать денегъ за окно. Пьютъ мало—денегъ нѣтъ въ народѣ; дать народу денегъ и откупъ богатъ!»

— Что же, вы привезете денегъ изъ Питера и раздадите народу, что ли?

— «Нѣтъ, теперь торги въ военномъ вѣдомствѣ на провіантъ; возьму подрядъ, пущу деньги по базарамъ, закупая хлѣбъ, и откупъ поправится».

Вотъ механика откупная!

Еще о NN. Помѣщикъ NN (кажется, Петръ Ивановичъ), человѣкъ ученъ умный, изъ зависти къ удачнымъ спекуляціямъ NN, чернилъ его. NN затаилъ злобу. NN любилъ спекуляцію. NN сблизился съ нимъ и предложилъ выгодный оборотъ хлѣбомъ. NN вошелъ въ дѣло пополамъ. Спекуляція лопнула, убытка (говорили) до 60-ти тысячъ. NN смѣялся, а NN — въ нервную горячку. Выздоровѣлъ, пересталъ завидовать и бранить NN, который послѣ доставилъ случай поправить убытки NN.

Читая Записки И. С. Жиркевича, зная хорошо его, удивляюсь его сдержанности—какъ онѣ умѣренно относится о характерѣ Андрея Васильевича Бестужева [1]). Можетъ быть, потому мнѣ

[1]) Бо́льшая часть отзывовъ И. С. Жиркевича объ А. В. Бестужевѣ нами опущена въ печати, точно такъ же какъ мы опускаемъ и теперь нѣкоторыя

такъ кажется, что я лучше зналъ Бестужева, чѣмъ И. С. Жиркевичъ.

. . . . . .

. . . . . .

Припомнился мнѣ одинъ случай, имѣющій нѣкоторый интересъ мѣстныхъ нравовъ, о которыхъ мнѣ не случалось читать. Скоро послѣ перевода казенныхъ крестьянъ въ удѣлъ, Андрей Бестужевъ, лѣтомъ, пріѣзжаетъ ко мнѣ и разсказываетъ, что «получилъ строгое предписаніе отъ Перовскаго: во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ учредить картофельныя плантаціи. Вы знаете, что здѣсь мужикъ имѣетъ трехъ-годовалыя кладушки немолоченнаго хлѣба, а картофель не очень любятъ. Приказано—завелъ. Въ Ставропольскомъ уѣздѣ встрѣтилъ затрудненіе».—Какое?—«Крестьяне не хотѣли взять въ руки картофель».—Отчего?—«Они увѣрены, что картофель родился отъ кастраціи собаки, и такое чувствуютъ омерзеніе, что нельзя было заставить дотронуться до картофеля; вынужденъ былъ нарядить здѣшнихъ людей и послать за Волгу. Посадить—посадили, а какъ собрать? не знаю! Вотъ такъ распоряжаются кабинетные хозяева!» — Я посовѣтовалъ у плантацій поставить караулъ. Бестужевъ смѣялся: «какой тамъ караулъ, когда никто и не подойдетъ къ плантаціи».—Поставьте стариковъ полуглухихъ, полуслѣпыхъ; мальчишки изъ шалости, дразня старика, будутъ воровать, вы знаете: что запрещено, то подслащено.

Послѣ я отъ Бестужева же слышалъ, что мальчишки, тихонько отъ родителей, изъ шалости, въ самодѣльныхъ печкахъ пекли картофель. При случаѣ, я повѣрилъ и нашелъ въ нѣсколькихъ деревняхъ за Волгой сильное предубѣжденіе противъ картофеля. Разубѣдились ли послѣ—не знаю.

. . . . . .

Эразмъ Стоговъ.

строки въ очеркахъ Э. И. Стогова: для насъ лица, такія какъ Андрей Васильевичъ Бестужевъ, имѣютъ лишь значеніе по отношенію къ ихъ общественной дѣятельности; А. В. Бестужевъ вѣдалъ и управлялъ многими тысячами удѣльныхъ крестьянъ и дѣятельность его въ этой области всецѣло принадлежитъ суду его современниковъ и потомства. Ред.